

ПОХИЩЕННАЯ

Eve Aurton

Это не была случайная встреча, потому что случайных встреч не бывает, потому что каждый наш шаг предопределен, потому что каждое наше решение уже давно известно. И то что со мной произошло — должно было произойти. Именно в это время, именно в этом месте, именно в этой жизни.

Строить планы — хреновая привычка, хотя бы потому, что всем на них плевать. Ты можешь ложиться спать с довольной улыбкой и мечтами о том, что с утра ты съездишь в тренажерку, заскочишь к подруге и слопаешь с ней пиццу, взяв лучшие куски себе, конечно. Выпьешь парочку бокалов мартини, лежа в шезлонге у собственного бассейна и рассматривая загорелый торс маячащего вдалеке парня, вроде как волейболиста, ну или на крайний случай гольфиста, да хоть саксафониста в конце концов, хотя они вряд ли имеют такую подкачанную фигуру.

Ты можешь мечтать о том, что вечером пойдешь на вечеринку, где сможешь отомстить бывшему и сделать подсечку его нынешней, которая при падении ломает себе ногти, тем самым испортив маникюр за сотню баксов. Ты можешь представлять то, с какой победной ухмылкой будешь садиться в машину, чтобы вдарить по газам и свалить в неизвестном направлении под уничтожающие взгляды бывшего и его нынешней. Черт, да ты даже можешь планировать полёт в космос без благословения родителей, на пожертвования прихожан, заинтересованных, чтобы ты наконец исчезла, как можно дальше и как можно надольше. В общем, ты можешь всё: от глупых фантазий до реальных планов, но так или иначе вселенная всё равно тебя опередит, вырвется вперед и закажет направление, тем самым программируя твоё будущее, в моём случае — незавидное будущее, потому что сейчас я бы не сидела в этом богом забытом месте, сжимая скользкий от крови пистолет, с единственно оставшимся в нем патроном, который на крайний случай я собираюсь пустить себе в голову. Точно в висок, или в глаз, или... черт, мне страшно, если честно, и подбадривающая улыбка человека, по вине которого я влипла в такое дерьмо, мне несколько не помогает. Впрочем, его вина — спорный вопрос, ведь всё началось задолго до нашего знакомства, очень задолго, точнее в тот момент, когда я ещё только родилась и подарила своему отцу недовольную гримасу, которая потом частенько появлялась на моём лице. Из вредности скорее, чем от истинного недовольства, и я удачно этим пользовалась, умело манипулируя своими родителями и зарабатывая себе репутацию избалованной суки.

Избалованная сука, к слову сказать, частенько выручала в сложных ситуациях, но в этой... даже она не в силах помочь. Тем более она. Ведь если бы я вела куда более скромный образ жизни, то никогда бы не оказалась на этой проклятой улице, напротив этого проклятого места, в этот проклятый час, минуту, секунду, когда какой-то придурок увидел в моей машине, а значит и во мне, спасение своей никудышной, подстреленной задницы, внезапно появившейся на заднем сидении моего Porsche в тот самый момент, когда я нагнулась, чтобы поднять упавшую помаду, выскочившую из моих дрожащих от недосыпа пальцев.

И выпрямиться тогда я как-то не торопилась, потому что живо ощущала холодное дуло пистолета, грубо приставленного к моей скуле, вдруг побледневшей и будто онемевшей. А самое странное то, что в шаге от смерти я не думала о том, какое я на самом деле никудышное жалкое создание, которое вот-вот умрет, или о том как в этом мире будет не хватать моей персоны, или же кому достанется мой капитал, — а о том, что кровь с его пальцев, зажимавших рану на левом боку, капала прямо на мои белоснежные сиденья, только недавно доведенные до белизны симпатичным парнем из автосервиса. Диего, нет, Демьен, чёрт, даже не Дмитрий — просто парень из просто автосервиса, в котором я больше

никогда не появлюсь по той простой причине, что мне запросто могли вышибить мозги. Могли... но не вышибли, опять же из-за моей недовольной гримасы, когда я наконец набралась смелости и повернула голову чуть вправо, чтобы увидеть кто же такой наглый посмел угрожать мне пистолетом в моей собственной машине.

И это был он — человек, из-за которого я попала в полную задницу, вернее... черт, а ведь мы это уже проходили — вопрос спорный.

И пока я считаю доносящиеся за дверью шаги, одной рукой сжимая пистолет, а другой пытаюсь дотянуться до его холодных, Господи, холодных пальцев, я вспоминаю нашу маленькую историю, подошедшую к завершению в этой бетонной коробке из заброшенных складов заброшенного Детройта, который и стал нашим конечным пунктом.

Хреновое место для конца, правда? Но выбора мне не предоставляли, иначе я бы сейчас прощалась с жизнью эффектно, под громкие возгласы толпы где-нибудь в Лас-Вегасе, от удовольствия, перед этим отлично отдохнув и покурив хорошую травку. Что ж, если вторая жизнь, второй шанс, вторая вселенная существуют, то я обязательно постараюсь реабилитироваться и задать себе куда лучший сценарий, чем здесь, а пока... пока шагнем вместе, Ники. Прости-прости, Николас, я запомнила и больше не буду тебя так называть, хотя перед смертью можно.

Можно, слышишь?..

Глава 1

Я до последнего верила, что это розыгрыш, пранк, быть может, оплаченный моими друзьями, неудачная шутка, прикол, недоразумение, но это недоразумение было слишком серьёзным и смотрело на меня равнодушно отрешенным взглядом льдисто серых глаз, с необычно расширенными зрачками, выдающими, что боль его была вовсе неподдельной. Впрочем за те секунды, что я тупо пялилась на него, я смогла сделать ещё кое-какие выводы — например то, что он был достаточно привлекательным, болезненно бледным, но привлекательным, с упрямо поджатыми губами и хмурой складкой на лбу, появляющейся в моменты, когда боль давала о себе знать. Тёмные волосы, на удивление идеально уложенные, зафиксированные гелем, выраженные скулы и модная трехдневная щетина — всё как в самых лучших романах, где герой — очаровательный мужчина, только и жаждущий твоей любви.

И пока я об этом думала кровь всё продолжала капать, просачиваясь между его пальцев и издавая глухие звуки падающих капель, разбивающихся о кожаную обивку сиденья.

— Поехали, — дуло пистолета ощутишь ткнулось в мою скулу, и я согласно моргнула, боясь произнести хотя бы звук или сделать резкое движение. Медленно-медленно нащупала ключ зажигания и, повернув его, нажала на педаль газа. Машина съехала с места, и я наконец набралась наглости отвернуться и теперь уже уставиться на дорогу, заваленную по бокам мусором и имеющую одно направление — вперед, между высокими кирпичными зданиями, повернувшимися к нам задними глухими фасадами.

Молчание продолжалось ровно до тех пор, пока я не доехала до пересечения улиц и не затормозила, тут же почувствовав толчок долбанного пистолета, теперь направленного в мой затылок.

Костяшки пальцев, сжимающих руль, побелели ещё больше, и я резко выдохнула, инстинктивно вжимая голову в плечи.

— Это ведь шутка, да?

— Я разве... похож на клоуна? Теперь направо, и... чем быстрее ты привезёшь меня на место, тем больше у тебя... шансов, — он говорил это слегка запинаясь, иногда шипя сквозь зубы, но продолжая крепко удерживать оружие на моём затылке. Я глянула в зеркало заднего вида и вновь послушно моргнула, давая резко вправо и заставляя его поморщиться. Если сделать это ещё резче, а лучше резко остановиться, перед этим неплохо разогнавшись, я смогла бы выиграть для себя несколько секунд, пока он будет удерживать равновесие или собирать свои зубы на подголовнике моего сиденья. И, будто читая мои мысли, он отрицательно помотал головой, для пущей убедительности цокнув языком и почти продырявливая мой череп дулом. — Мне хватит секунды.

Я это знала и так и, судя по его решительному взгляду, он сделает это без заминок, просто спустит курок и вышибет мне мозги. В конце концов, он всё же упоминал о каком-то шансе, так что чисто теоретически он у меня был. Поэтому я не стала вытворять глупостей и поехала в нужном направлении, иногда получая тихие, но четкие приказы, ведущие меня прочь от окраин города, через центр, вглубь промышленной зоны со множеством складов и заброшенных зданий, чаще всего с разбитыми окнами, обшарпанными лицами и настолько убогим видом, что это ещё более удручало ситуацию, в которой я оказалась. Потому что если он решит убить меня здесь, то моё тело найдут дай Бог через несколько недель, месяцев,

лет?

Если вообще найдут.

— Остановись.

Мне, блин, не страшно, и последняя надежда, что он отключится от потери крови упорхнула вместе с его "остановись", сказанным довольно твердым голосом, не терпящим отказа.

— Выходи. — Его лицо перекосила болезненная гримаса и он глухо выругался, втягивая воздух сквозь стиснутые зубы и всего на миг прикрывая глаза. — Живо.

Хотелось сказать "слушаюсь, сэр", но это было бы последнее, что я сказала в своей жизни, поэтому я покорно загнула движок и открыла дверцу, всё ещё находясь под пристальным вниманием пистолета. Он вышел тоже, припадая на одну ногу сделал несколько шагов в сторону, и направил пистолет в мой лоб.

Я закрыла глаза и попрощалась с жизнью. До боли прикусила губу, ожидая выстрела, и даже забыла сделать вдох, который, в принципе, мне уже не понадобится.

— Твою мать, — обронил он, и я громко вздохнула, открыв глаза и испуганно уставившись на него. Мистер сама привлекательность побледнел ещё больше и неестественно изогнулся, отчего его пистолет поменял траекторию и теперь уже пялился на мою грудь, чуть ли не тыкаясь в неё из-за рваных вздохов хозяина. — Помоги мне.

Блядь, это определено шутка. Это определено самый ебанутый день в моей жизни и самая нелепая ситуация, в которой я когда-либо оказывалась. Человек, который угрожал мне оружием и хотел, а может даже до сих пор хочет убить, просил моей помощи.

Я продолжала неверяще смотреть на него, изумленно хлопая ресницами и совершенно не зная, что делать.

На его лбу выступила испарина, и он крепко сжал челюсти, сверкая раздраженным взглядом.

— И я подарю тебе жизнь.

Серьёзно? Быть может, мне просто дождаться, когда ты скопытишься? И тогда тебе не стоит тратить на такие щедрые подарки.

— Ты так добр, — я натянуто улыбнулась и кивнула, смутно представляя, чем я могу быть полезна, учитывая его рост и вес в пропорции с моими размерами. Он убрал пистолет и пошатнулся, вынуждая меня тут же проскользнуть под его руку и помочь ему поймать равновесие. И пах он замечательно вкусно, чем-то дорогим и брендовым, что никак не вязалось с тем местом, где мы находились. Старое кирпичное здание, с заколоченными окнами, в коробке таких же кирпичных зданий, окружающих нас и скорее всего являющихся частью какого-то промышленного комплекса, давно заброшенного и забытого людьми.

А ведь я могла бежать, смутно надеясь, что его пуля не догонит меня

— Нам туда, — он неопределенно мотнул головой в сторону ржавой металлической двери и не отказался от моих услуг, наваливаясь на меня при каждом шаге и прижимая локоть свободной руки к ране. Пистолет удобно расположился на моём плече, и иногда я опасливо косилась на него, рассматривая отполированный чёрный ствол, плавно переходящий в отполированный черный глушитель.

А этот парень знал толк в оружии, по крайней мере именно такие я чаще всего видела у охраны моего отца.

— Вряд ли я пригожусь тебе, я не врач.

— Как видишь, у меня нет выбора, — он устало прислонился к стене, пока я открывала

тяжелую дверь и привыкала к полумраку помещения. — Лифт там.

Господи, в этой дыре был лифт, было электричество, и по ходу здесь был его дом, в смысле дом, где живут, где спят, где проводят большую часть своей жизни, нежась в теплой постели и вдыхая ароматный запах кофе. Где отдыхают после работы и встречаются с друзьями, чтобы выпить пива и посмотреть замечательно тупую комедию. Куда приводят любовниц/любовников и где устраивают уютное семейное гнездышко.

Впрочем, эти катакомбы вряд ли могли стать тем самым гнездышком.

Писк кнопок вернул меня в реальность, и я удивилась ещё больше, когда створки лифта открылись, пропуская нас в блестящую, словно новенький никелированный диск, кабинку, кажущуюся просто ослепительно начищенной на фоне общего запустения.

Мой рот открылся против моей воли и я совершенно забыла про мистера привлекательность, вновь облокотившегося о стену и откинувшего голову назад, так, что теперь я могла познакомиться с его подбородком, направленным вверх, и выгнутой шеей с острым кадыком.

На миг показалось, что он уснул, но как только лифт остановился, я вновь почувствовала холод его взгляда, и подошла ближе, вновь предлагая свою помощь. Он был действительно тяжелым, а его дом был действительно настоящим домом, только без окон. Этакая большая квартира-студия, состоящая из кухни, плавно переходящей в гостиную, которая в свою очередь упиралась в широкий коридор с несколькими дверьми. Именно на одну из них он небрежно указал пистолетом и довольно резво пошёл в ту сторону, не давая мне как следует осмотреться.

Это была ванная. Большая и светлая ванная, выполненная в белых тонах, простенькая и невычурная, с душевой кабинкой из матового стекла, раковиной и небольшим зеркалом, висящим рядом с белым шкафчиком.

Пистолет, опущенный на фаянсовую поверхность, некрасиво звякнул, а мистер сама привлекательность наконец отлип от меня и тяжело оперся о края раковины, переводя дыхание и сжимая зубы от боли.

Красные разводы оставались в тех местах, где он касался белоснежного фаянса, и я, не зная, что мне делать, тупо смотрела, как кровь, стекающая с его пальцев, собиралась в капли, затем в ручейки, струилась ниже, в итоге исчезая в сливном отверстии, заглатывающем её словно жадный изголодавшийся монстр.

Вода, включенная незнакомцем, в секунду заполнила глотку монстра, а подставленные под струю рука приобрела нормальный оттенок человеческой кожи, без красной липкой пленки, местами успевшей запечься.

И всё это время я стояла не двигаясь, почти не дыша, может действительно ожидая, что он умрет, или надеясь, что он забудет про меня, не заметит, примет за предмет интерьера или свою тень.

— Там всё, что нужно, — его указательный палец с капающей с него водой уперся в шкафчик, и я посмотрела в зеркало, вылавливая его утомленный, даже несколько сонный взгляд. Сейчас, в эту самую секунду, я могла просто толкнуть его, вцепиться в глотку зубами или же ударить чем-нибудь тяжелым, но он вновь помотал головой, как тогда, в машине, и слабо улыбнулся. — Лифт — это единственный выход, код к нему знаю только я. И если у тебя нет маячка, что скорее всего, — тебя вряд ли найдут. Телефона здесь тоже нет, — дополнил он, когда я недоверчиво нахмурилась.

Его голос не имел шуточных оттенков, а лицо стало напряженно серьёзным — он не

врал, даже не думал меня запугивать, он просто констатировал факт, он просто не оставил мне выбора, и я послушно потянулась к шкафчику в то время как он начал расстегивать рубашку.

Его пальцы мелко дрожали и на четвертой пуговице он со злостью дернул край рубашки, заставляя меня вздрогнуть и отправляя череду пуговиц на пол. Рана была ужасной, но всё остальное просто великолепно, и, когда чёрная ткань оказалась на полу, я в полной мере могла изучить его идеальный торс.

Господи, ну почему мы не встретились раньше? Где-нибудь в шумном клубе, за бокальчиком лонг-айленда, под музыкальные биты. Или же на каком-нибудь приёме, скучном официальном приёме, с которого мы бы вместе сбежали, чтобы сделать "это" прямо в машине.

— Я бы на твоём месте не мешкал.

Я бы тоже, но я и правда не знала, как подступить и что делать.

— Блядь, — он раздраженно вырвал из моих рук бинт, сделал шаг навстречу и, столкнув меня с места, потянулся за бутылочкой дезинфицирующего средства. Дрожащие пальцы, на удивление, открыли её с легкостью. Крышка, как и пуговицы, полетела на пол. Жидкость полилась на рану, и розовые ручейки крови потянулись вниз, под ремень чёрных джинс, сидящих на его бёдрах.

Мистер сама привлекательность сжал челюсти и пару раз хлопнул ладонью о раковину, отчего я нервно сглотнула и с ужасом уставилась на пистолет, от вибрации столько же раз вздрогнувший. Он повернулся вокруг своей оси, и я вновь оказалась под его прицелом. Чёрт, если он так слушается своего хозяина, значит мне действительно есть чего опасаться.

Незнакомец протянул мне склянку и большим пальцем показал себе на бок.

— Твоя очередь, я не могу изогнуться.

Ждать я не стала и с подлинным отвращением залипла на разглядывании раны в его боку. Если дырка спереди и сзади, значит пуля прошла на вылет? Или кто-то умудрился попасть в одно и то же место с двух позиций? Если это так, то стрелка можно с легкостью наградить медалью за точную стрельбу.

— Просто. Лей, — процедил он и вновь зашипел, когда я без промедления исполнила приказ, тут же прикрыв рану марлевой салфеткой, которую он не успел забрать. Мышцы его спины и плеч напряглись, шумный вдох и такой же шумный выдох.

Пустая бутылочка, выпавшая из моих рук, разбилась о кафель под ногами, дополнив и без того удручающий беспорядок.

Незнакомец недовольно закатил глаза, встретившись в отражении зеркала с моим испуганным взглядом. Пистолет смотрел в сторону, и это успокаивало, ещё более побледневшее, почти посеревшее лицо раненого беспокоило. Его губы тоже лишились красок, и я впервые задумалась над тем, что со мной будет, если вот сейчас он умрет.

— Скажи мне код, я не уйду не удостоверившись, что с тобой всё в порядке.

Он молча развернулся ко мне, пошатываясь, морщась от боли, протянул мне бинт и всё также молча наблюдал за моей внутренней борьбой.

Секунды шли, а я не могла пошевелиться от осознания того, что я полностью от него завишу.

И у него были чертовски красивые холодные глаза, совершенно равнодушные, совершенно безразличные — он не боялся умереть, в отличие от меня.

— Я скажу его тебе, но только когда удостоверюсь, что со мной всё в порядке, — нотки

сарказма были неуместны, совершенно излишни, и взбесили меня не меньше, чем его ироничная ухмылка, немного неестественная из-за его состояния.

Я резко вырвала бинт и, подойдя ближе, начала обматывать его вокруг талии этого засранца, стоящего одной ногой в могиле, и всё же умудряющегося издеваться. Он был совершенно спокоен, в то время как я не могла скрыть своего смущения и пыталась смотреть куда угодно, только не на его голую грудь, мелькающую перед моим носом тёмными сосками.

Его кожа пахла тем самым вкусным парфюмом, и я непроизвольно сделала глубокий вдох.

И украдкой посмотрела ему в лицо.

Слава Богу его глаза были закрыты, слава Богу он не видел, как я покраснела ещё больше, слава Богу, он был ещё жив и код в его голове оставался для меня важной информацией. И чтобы хоть как-то скрыть своё смущение, я не нашла ничего лучшего, чем заполнить тишину нервными объяснениями:

— Меня всё равно найдут, ты просто не знаешь, с кем связался...

Его грудь замерла на вздохе, и на бескровных губах появилась издевательская ухмылка. Он открыл глаза и посмотрел на меня с неким снисхождением, словно я сказала несусветную глупость. Я почувствовала себя совсем маленькой на фоне его роста, на фоне этой его ухмылки, под этим снисходительным взглядом, в котором всего на миг промелькнуло что-то наподобие презрения.

— Вы все так говорите, — его губы скривились, и он посмотрел вниз, на результаты моих трудов, через которые начинала просачиваться кровь. Но чёртов мистер сама привлекательность держался на редкость стойко, он развернулся к раковине, показывая мне исполосованную мускулами спину, и взял пистолет, недвусмысленно давая понять, что ему абсолютно плевать на все неприятности, на которые я так тонко намекала. — Мне нужно отдохнуть.

Он больше не сказал ни слова, не посмотрел на меня, не дал указаний, будто наверняка зная, что я не натворю глупостей и не попытаюсь сжечь его дом. И я растерянно наблюдала за тем, как он, чуть прихрамывая, вышел из ванной, на несколько секунд оперся плечом о косяк и двинулся дальше вглубь коридора, оставляя меня совершенно одну, в полном недоумении, с призрачной надеждой, что он не умрет и всё же сдержит своё обещание, отпустив меня.

Мне вдруг стало холодно, и я впервые почувствовала себя беспомощной, зависимой от человека, которого совершенно не знала и не собиралась узнавать, но который, тем не менее, превратился в единственный шанс выбраться из ловушки, придуманной им же.

Так что, наверное, мне стоило за него помолиться.

Его квартира была до неприличия уютной — совсем, быть может из-за отсутствия дневного света, превращающего помещение в обыкновенную бетонную коробку, быть может, из-за фанатичного минимализма, коснувшегося белых стен, совершенно свободных от картин, фотографий, календарей; вцепившегося в мебель, фактически чёрную, а при детальном осмотре тёмно-синюю, перламутровую, мерцающую при попадании света, словно покрашенный в тёмно-синий металлик автомобиль. Чёрный пол, лишённый ковров, чёрный диван, не знакомый с подушками, множество встроенных в потолок светильников, хоть как-то радующих глаз. Не удивлюсь, если этот мудака состоит в секте и поклоняется темным силам, своим образом жизни доказывая верность сатане. Но опять же... ванна его была белой, а это означало, что не такой уж он энтузиаст.

Я издала что-то наподобие смешка и устало опустила руку. Бутылка, найденная мною в одном из шкафов, скрывающих много всякой "вкуснятины", звякнула об пол, и я прищурила глаза, разглядывая результаты своих стараний — створки лифта, такие же блестящие как его нутро, были поцарапаны ножом для колки льда, который лежал тут же, напоминая мне о своей бесполезности. Туфли, кинутые мной в порыве гнева и угодившие в злосчастный лифт, дополняли картину, как и их хозяйка, сидящая на полу и прислонившаяся к спинке дивана с полупустой бутылкой виски в руках, отличного, кстати говоря, виски, а не того дешевого пойла, что продается в супермаркетах. Я назвала это компенсацией за вынужденное заточение, плюс потраченные нервы, а также помощь, оказанную мною и за которую я так и не услышала банального спасибо.

Так что, мистер сама привлекательность, это меньшее, на что я имела право претендовать.

Внутренние часы, за отсутствием настоящих, показывали на то, что прошло уже достаточно времени, чтобы он мог выспаться. Предательские мысли о его кончине заставили меня насторожиться и прислушаться к начинающей пугать тишине.

Алкоголь шумел в ушах, и перед глазами вставал мой иссохший труп, найденный лет через сто, когда это здание наконец надумают снести. А ещё я представляла, как будут задыхаться от трупного запаха, когда тело незнакомца начнет разлагаться.

И тут я по-настоящему испугалась, что заставило меня сделать большой плоток и распрощаться с единственным другом, все эти часы отлично меня выручавшим.

В бутылке оставалось меньше трети, а концентрация напитка в моей крови превысила все допустимые нормы, может поэтому я решилась на отчаянный поступок — найти его комнату и убедиться, что он жив.

Подняться с пола было всех сложнее, и здесь меня выручило отсутствие туфель.

Голые стопы приятно холодило, а кончики пальцев превратились в лёд после того, как я дернулась сначала в одни двери, оказавшиеся запертыми, затем в другие, скрывавшие за собой чёрный провал будто нежилого помещения и абсолютную тишину, напугавшую меня ещё больше.

Оставалась одна дверь, и смелость моя как-то медленно переросла в трусость. И я никак не могла понять, чего боялась больше: вновь оказаться на прицеле его пистолета или же увидеть его окоченевший труп.

Один, два, три... на цифре три я потянулась к ручке двери и, стараясь не дышать,

оттолкнула её от себя.

Она не издала ни звука, вежливо приглашая меня в спальню незнакомца, пропитавшуюся его парфюмом и утонувшую в ярком свете множества светильников. Белые стены его комнаты, как и яркий свет, чем-то напомнил мне морг.

Чёрная, то есть тёмно-синяя мебель, и чёрный пол — замок Дракулы, страшщегося дневного света.

Мистер сама привлекательность лежал на кровати, не двигаясь, казалось, не дыша. Руки свободно протянуты вдоль тела, ноги выпрямлены, голова повернута чуть вправо — мои догадки оказались верны, и он наверняка отдал Богу душу. Бинт в месте ранения был пропитан кровью, образовавшей на его поверхности неровное красное пятно, от вида которого мой бедный желудок, который за последние три? четыре? пять часов не видел ничего, кроме отличного виски, — как-то неприятно сжался, посылая мне приступы тошноты.

Я начала дышать глубоко и размеренно, всё ещё чувствуя шум в ушах и теперь едва уже концентрируясь на лежащей на кровати фигуре. Перед глазами плыла комната, и мне пришлось прислониться к стене, чтобы остановить всё быстрее мелькающие кадры.

И я искренне пожалела, что выпила так много и так не вовремя. Всё же сначала мне нужно было убедиться, что он жив, и тогда неприятная взгляду картина не вызывала бы рвотных позывов.

— Чёрт бы тебя побрал, — отлипнув от стены, я начала подкрадываться к нему.

Незнакомец качался, как и его кровать, как и стены вокруг. Качался, но не двигался, и это, о святые угодники, напрягало. Я сделала ещё один неуверенный шаг в его сторону, вплотную приблизившись к кровати и застыв над ним скорбной фигурой. Мне не хватало только Библии в руках и святой воды. Ему не хватало румянца и хоть какого-то признака жизни.

Я нагнулась ниже, пытаюсь уловить его дыхание, и покачнулась, краем глаза заметив торчащий из-под подушки пистолет. Он подсматривал за мной пока его хозяин спал мертвым сном, и мне показалось это смешным, как и то, что я не уловила ни одного намека на жизнь.

Чертов мудака умер, я вновь пошатнулась и выставила руки вперед, желая о них опереться.

Но вместо этого неловко завалилась на мистера самую привлекательность и почувствовала себя мертвее мертвого после того как он резко сгруппировался и, перекинув меня через себя, направил пистолет между моих глаз. Я успела сделать глубокий вздох и зажмурилась, не надеясь на то, что меня пронесет и на этот раз.

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — пистолет продолжал сверлить в моем лбу дырку, а незнакомец навалился ещё сильнее, лишая меня любой возможности двинуться. — Ты что, пьяна?

Я кивнула, медленно угасая в водовороте мелькающих перед глазами вспышек. Виски не желал выветриваться даже под прицелом, а я не желала открывать глаза, потому что до ужаса боялась смерти.

— Алкоголичка, — холод металла исчез, мистер сама привлекательность, оставивший меня лежать на своей кровати, тоже.

Я громко выдохнула и открыла глаза.

Он сидел на краю кровати, спиной ко мне, склонив голову и опираясь локтями о

колени. В боку, с моего ракурса, была та же картина, что и с другой стороны — красное пятно крови, расплывшееся по белому бинту.

Меня опять затошнило.

— Я думала, ты умер. — Он повернул голову в мою сторону и пару секунд молча смотрел на мои жалкие попытки подняться. В его глазах плескалось раздражение, и гнев, и недовольство, в общем, ни капли жалости, но отчего-то я уже не чувствовала того страха, что ощущала стоя перед этой дверью, может потому, что начала сомневаться в своих предположениях по роду его деятельности.

А что если он не убийца вовсе? А лишь человек, попавший в заварушку и пытающийся себя защитить? Тогда какого хера он хотел меня убить как только мы приехали в это жуткое место? Но опять же... почему не убил сейчас?

— Спасибо за беспокойство, я тронут.

— Не за что, — проклятое виски заставляло меня болтать в два раза больше, чем обычно, и я, наконец сумев приподняться на локтях, уставилась ему между лопаток. Хотела задать главный вопрос, но боялась разозлить его ещё больше. Впрочем, терять мне было нечего, кроме жизни, конечно. — Ты отпустишь меня?

Он продолжал молчать, и моя интуиция почуяла неладное.

— Ты обещал.

— Я не оставляю свидетелей.

Наверное, именно в тот момент я потеряла последнюю надежду, как и веру в людей, в их бесполезные обещания, в их пустые слова, в их никому не нужные признания. А заодно я поняла то, что я ничуть не лучше других и поступала точно также, плюя на данные мной обязательства. Интересно, что вся ценность истинных обещаний понимается только перед смертью, по крайней мере в моем случае точно.

— Да пошёл ты. Мудак... — я обреченно откинулась на спину и приготовилась к самому худшему. Потолок надо мной качался, в ушах стоял гул от пропитавшего меня алкоголя, а я думала о том, что сейчас умру, так и не выполнив когда-то данные мною обещания. Родителям, друзьям, знакомым, важные и не очень, серьёзные или шуточные, сказанные в здравом уме и трезвой памяти или же оброненные в пьяном угаре вечеринок и забытые на следующий же день. Всё это нависло надо мной сплошным разочарованием и сожалением, что я так никогда и не смогу их исполнить.

Вот если бы мне дали ещё один шанс...

Мистер сама привлекательность пошевелился, и подо мной пошатнулся матрас.

Я замерла, в то время как моё сердце готовилось выпрыгнуть из груди, незнакомец же с трудом встал и повернулся ко мне, вытягивая перед собой руку, держащую пистолет. Мысли о лазурной воде, ласкающей мои ноги где-то на краю земли, не помогли, и я прикусила губу, стараясь сдержать всхлип. Вся моя показная бравада улетучилась под немигающим чёрным дулом.

— Твою мать, — процедил он, и пистолет полетел в сторону, стукнулся о стену и беспомощно брякнул на пол, испугавшись перемены настроения хозяина, который устало выдохнул и провёл ладонью по лицу. Голубые глаза уставились на меня, прожигая во мне дырку, что так и не смог прожечь пистолет, а я старалась не шевелиться, чтобы не дай Бог не навлечь повторную волну его садистских наклонностей.

Потолок перестал качаться, и всё моё внимание было сосредоточено на мертвенно бледном лице теперь уже точно убийцы, продолжающем смотреть на меня злым взглядом.

Кажется, один факт того, что я до сих пор дышала, рождал в нём вполне предсказуемый гнев, потому что это было показателем его человечности — убить невинного, случайно оказавшегося на твоём пути, не так-то просто.

И это, если честно, радовало.

Поэтому я не смогла сдержать улыбку, что не добавило мне благоразумия в его глазах. Он лишь поджал губы и, поморщившись, поковылял к выходу, всё ещё припадая на левую ногу. Я же, как послушный ручной зверек, понимающий хозяина с полуслова, последовала за ним, правда слегка замешкавшись и встав с кровати только с третьей попытки.

Мистер сама привлекательность уже успел взять недопитую мной бутылку и почти опустошить её двумя большими, просто огромными глотками, которым позавидовал бы даже заглатывающий планктон кит. И пока он этим занимался я напрасно старалась удержаться на не слушающих меня ногах, которые странным образом подкашивались, наверняка не осознавая в какой заднице оказалась их хозяйка.

Стоящее за моей спиной кресло помогло поймать равновесие, поэтому когда незнакомец развернул голову ко мне, я смогла с достоинством встретить его тяжелый взгляд, пригвоздивший меня к месту.

— Ты пьяна.

— Мы это уже проходили. — Господи, просто заставь меня заткнуться.

— И ты подпортила мою собственность, — сказал он, указав на створки лифта, исполосованные притаившимся на полу ножом, который я безрезультатно пыталась протолкнуть между ними.

— Ты замарал мои сиденья кровью, не заплатил за проезд и не предоставил страховку, когда я оказывала тебе медицинскую помощь. Ах да, я забыла про моральный ущерб от твоего пристрастия тыкать пистолетом в моё лицо.

Его взгляд всего на мгновение потеплел от удивления, но тут же нахмуренные брови испортили всю картину.

— Ты забываешься.

Согласна, наверное, мне стоит быть благодарной, что такой симпатяга запрыгнул в мою машину и решил меня убить. Дважды.

И пока он вновь пытался прожечь во мне дырку, моя правая нога, на которую я делала основной упор, предательски дрогнула, отчего я, как последняя алкоголичка, пошатнулась назад и совершенно позорно упала в кресло, приземлившись на него поперек, а не прямо. Мне было стыдно, неловко, неудобно, и я готова была провалиться сквозь землю, чтобы не видеть его чуть ли не брезгливой ухмылки. Впрочем, долго держать голову прямо я не смогла и с приятным облегчением откинула её на подлокотник. Прямо надо мной висел вмонтированный в потолок светильник, который постепенно расплывался, превращаясь в сияющую звезду, удаляющуюся всё дальше и дальше.

Всё дальше и дальше по мере того, как мои глаза закрывались и я проваливалась в сон, находясь в кресле убийцы, в квартире убийцы, под недоумевающим взглядом того самого убийцы, наверняка впервые столкнувшись с проблемой в виде заснувшей в его кресле девицы, а если быть точнее — пьяной девицы, как-то вдруг плюнувшей на чувство самосохранения и доверившийся едва знакомому человеку.

И всё-таки это было отличное виски.

Чёртовы руки незнакомца были невероятно горячими и умелыми, я бы сказала, всезнающими, потому что каждое его движение: было ли это лишь невинное прикосновение к волосам или же откровенное поглаживание груди — отдавалось пульсирующим желанием между ног, которое становилось всё ярче и вынуждало меня крепко сжимать бёдра, тереться и ерзать, пытаюсь хоть как-то удовлетворить возбуждение.

Я хотела его — до безумия просто, и бесстыдно тянулась за новой порцией ласк, дыша глубоко и рвано, прямо в его сухие губы, застывшие напротив моих. Он искушал, дразнил и точно знал своё дело, с каждой секундой возбуждая меня всё больше и больше, не давая прижаться к нему всем телом и уж тем более не давая мне возможности втолкнуть его член в себя.

Кстати, о его члене, он был таким же засранцем, как и его хозяин, упираясь в мои бёдра, он не торопился в меня проникнуть, вызывая этим логичное недовольство, граничащее с настоящей злостью.

И стоны я уже не сдерживала, отчетливо чувствуя, что приду к финишу и без самого основного, только от одного эротичного дыхания мистера сама привлекательность, которое я ловила своими губами, искусанными мною и наверняка припухшими...

Пробуждение было на редкость разочаровывающим, и я не сразу поняла, что за херня со мной творится, пока не разлепила глаза и не встретила взглядом с тем самым светильником, который всё также светил в потолок. Осознание действительности приходило медленно и тягуче, постепенно врываясь в сознание и вызывая тихое шипение. Пахло кофе и мужским одеколоном, шея нещадно затекла, как и ноги, руки, всё тело, до сих пор покоящееся на несчастном кресле, спасшем меня от падения на пол. Я не могла даже двинуться, чувствуя едкий стыд, пришедший на смену разочарования. Этот стыд ощущался между ног, крепко мною сжимаемых, этот стыд застыл на выдохе, когда я вспомнила, что мне снилось всего лишь несколько секунд назад, этот стыд повис в воздухе тяжёлой, неуютной тишиной, пропитавшей, кажется, каждый дюйм бетонной коробки, которая сжимала мою голову крепкими тисками.

В затылке предательски тукало, а горло пересохло от жажды, но это не помешало мне протяжно застонать и прикрыть глаза ладонью. Я мысленно молилась, чтобы мистера сама привлекательность не было поблизости, потому что повторного позора я не переживу и уже сама попрошу его пристрелить меня.

— Ты можешь даже не рассказывать, что тебе снилось.

Пожалуйста, пристрели меня.

Я ошарашенно застыла, потом обреченно выдохнула и только после этого, преодолевая боль в шее, посмотрела на него. Блядь, мне определенно не стоило напиваться, как не стоило засыпать, как не стоило отпускать свой разум в свободное плавание, где я и занималась сексом с этим мудаком.

— Не буду.

Румянец медленно заливал мои скулы, в то время как незнакомец был до завидного спокойным, можно даже сказать, равнодушным к моему самобичеванию, наверняка отражающемуся в моём виноватом взгляде и натянутой улыбке, которую я смогла из себя выдавить. Правда его бесстрастное выражение лица никак не вязалось с напряженной позой,

такими же напряженными мышцами рук и вцепившимися мертвой хваткой в стакан пальцами, костяшки которых побелели от старания.

Кажется, он едва сдерживался, чтобы не кинуть этот стакан в меня. Мы продолжали смотреть друг на друга, всё нагнетая обстановку, пока я устало не откинулась назад и не придумала ругательство, посланное вдогонку стакану, мысленно запущенному в мою сторону. Да, я всё это заслужила, хотя бы потому, что, минуя доводы рассудка, осталась в доме убийцы вместо того, чтобы бежать отсюда без оглядки, используя его "хорошее" настроение и подаренный им шанс.

Вместо того, чтобы сесть в машину и по приезду домой заняться благотворительностью, благодаря Бога за вторую жизнь.

Вместо того, чтобы забыть об этом происшествии и продолжать жить, просто жить, чёрт побери, потому что сейчас, вполне возможно, он мог уже передумать — мудака не отличался благородством.

Незнакомец сидел за кухонной стойкой, как раз напротив меня и, по-видимому, всё это время, ну или большую его часть, пока я спала, наблюдал за мной, будто даже в таком состоянии я представляла вполне реальную для него опасность. Но в моих карманах не было ни удавки, ни цианида, ни даже самурайского меча, в моих карманах не было даже телефона, оставленного мною в сумочке, в свою очередь оставленную в машине. В моей голове не было коварных планов, присущих настоящим злым гениям, в моей голове была лишь пульсирующая боль от похмелья и мечта оказаться под прохладными струями душа.

А мечта оказаться под мистером сама привлекательность осталась в далёких, померкших уже снах, и его член продолжал покоиться в его спортивных штанах, надетых на нём.

— Ты не против, если я воспользуюсь твоей ванной?

Со стороны это звучало как: ты не против, если я останусь здесь жить?

Может поэтому ответа я так и не услышала, в конце концов приняв его молчание за согласие.

— Спасибо, ты душка. — Стакан несдержанно звякнул о стойку, и я прикусила язык, с опаской приподнявшись на локтях. Незнакомец был всё таким же спокойным, одновременно напряженным и офигительно красивым — определённо серая, обтянувшая крепкий торс футболка, плюс такого же цвета хлопковые штаны, — шли ему куда больше окровавленного бинта, не так давно красовавшегося на его талии.

И волосы его были идеально уложены, будто он побывал в салоне красоты у самого именитого стилиста.

— Я даю тебе пять минут, отсчёт пошёл... — И это звучало... как звучало, поэтому я не стала испытывать его терпение и на удивление быстро встала с кресла, при этом схватившись за голову и пошатнувшись. Хотелось вновь приземлиться, но тогда я лишилась бы удовольствия ополоснуть лицо холодной водой, и ещё мне не мешало бы почистить зубы, раз уж он разрешил мне посетить свою ванную.

Ванная оказалась уже убранной: ни следов недавнего происшествия, ни подтеков крови на краях раковины, ни разбитой мною бутылочки, ни брошенных на пол салфеток — совершенная чистота, почти стерильность, в которую страшно было входить, в которой страшно было что-нибудь тронуть, и уж тем более открыть кран начищенной до блеска раковины.

Мучающая меня жажда не оставила выбора, и я, не медля, подошла к раковине.

Холодная, с пузырьками вода, пробегающая через фильтр в кране, приятно освежила лицо, почти заморозила пальцы и тут же остудила пожар во рту. Я глотала жадно и быстро, нисколько не заботясь о стекающей по подбородку воде, спускающейся ниже, на шею, и впоследствии соскальзывающей на грудь.

Мой белый топ порядком намок — всё же стоило воспользоваться стаканом, хотя меня вряд ли волновал мой внешний вид после всего того, что со мной произошло. И уж тем более мой вид не интересовал сидящего на кухне мудака, наверняка засёкшего время.

Холодная вода возымела эффект, и я уже не чувствовала себя разбитой алкоголичкой; подтекшая от умывания тушь красовалась на белоснежном полотенце, как и слой тоналки, оставленный там же; зубы, начищенные стоящей в стакане щёткой, блестели в отражении зеркала, и даже взлохмаченные до этого волосы послушно легли от старания найденной мною расчёски, как и всё остальное принадлежавшей мистеру сама привлекательность.

И чтобы по полной использовать доброту убийцы, я пару раз пшыкнула на себя его туалетной водой, которая пахла изумительно вкусно, по-мужски терпко, с ноткой утончённой горечи, шлейфом следующей за основным ароматом. Моё время выходило, я чувствовала это интуитивно, поэтому, в последний раз взглянув на себя в зеркало, вышла из ванной.

Дверь хлопнула как-то неожиданно громко, я вздрогнула, чувствуя в сковывающей грудную клетку тишине притаившийся подвох. Такое ощущение, что как только я дойду до линии, разделяющей гостиную от коридора, то уже никогда не вернусь, не выберусь, застряну, лишусь того последнего шанса, что у меня был. Что общество незнакомца станет последним в моей жизни, а его квартира — могилой, где оборвётся моё существование.

Мне стоило прислушаться к себе и развернуться, чтобы спрятаться в ванной, закрыться в ней и не выходить ни при каких обстоятельствах, но вместо этого я медленно пошла вперёд, наконец замечая причину такой пугающей тишины.

Он был не один, а в компании мужчины, который, словно притаившийся в тени удав, наблюдал за каждым моим движением. Высокий и статный, он стоял на одной линии с мистером сама привлекательность и, также как и он, смотрел на меня, не проявляя при этом ни капли дружелюбия. Его лицо было непроницаемо серьёзным, взгляд профессионально цепким, прощупывающим каждую деталь; армейская выправка, тяжёлая челюсть, глаза: блекло-серые, холодные, неприятные, костюм: идеально сидящий на его крупной фигуре, ботинки, натёртые до блеска, сверкающего глянца.

Я бы назвала его отвратительно лощёным, правильным, идеальным, а от этого отталкивающим, скрывающим в себе намного больше чем скрывал тот же мистер сама привлекательность. Он был опасен, настолько, что я неосознанно сжалась и встала как вкопанная, ощущая себя самой настоящей мышью.

Мне хотелось юркнуть под диван и сделать вид, что я всегда была там, с самого своего рождения, как маленькое незаметное создание, настолько незаметное, что о моём существовании не мог знать даже хозяин квартиры, но он знал и смотрел на меня с едва скрываемым раздражением, смешанным... с сожалением или жалостью?

Блядь, он что смотрел на меня с жалостью?

— Дорогая, ты же не собираешься стоять там вечность?

Это шутка? Дорогая? С какой стати?

Моя челюсть непроизвольно открылась, и я ошарашенно уставилась на мистера сама привлекательность, который поджал губы и посмотрел на меня так, что я в миг оттаяла,

поняв, что ему нужно, нет, просто необходимо подыграть.

Пальцы из холодных превратились в ледяные, а я всё же смогла выдавить из себя короткое "привет", адресуя это незнакомому мужчине, продолжающему скрупулезно меня изучать и совершенно проигнорирующему приветствие. Господи, в его белоснежный воротничок точно вставлены иголки, чтобы он не смог опустить голову, как солдат на военном параде.

Его холодная апатичность раздражала, как и прилипший к груди топ.

Я даже не думала менять местоположение, лишь спрятала руки в задние карманы джинс и неловко переминалась с носка на пятку, краем глаза заметив, как уголок рта моего недоубийцы дёрнулся, словно сведенный судорогой.

— Что ж, мне пора, — чужак наконец отвернулся и коротко кивнул мистеру сама привлекательность, который в свою очередь продолжал смотреть на меня. Он смотрел, смотрел и смотрел, и я не могла не заметить, как взгляд его моментами соскальзывал ниже, на мою грудь, где я чувствовала мокрую прилипшую ткань. И я совершенно не знала, что мне делать: либо последовать за неприятным мужчиной, который не внушал мне доверия, либо остаться здесь и подождать, когда он уйдет.

Всё разрешил мистер сама привлекательность, небрежной поступью подошедший ко мне и откровенно уставившийся на мою грудь. Его нисколько не смущало присутствие в комнате постороннего, его не смущал тот факт, что мы едва знакомы и далеко не добрые друзья, его не страшила даже моя непредсказуемая реакция, которая могла последовать за его наглостью — он просто склонился к моему уху, близко, так, что я чуть пошатнулась от его напора, и шепнул: — Великолепное зрелище.

Я нервно сглотнула, не сразу поняв, в чём дело, а потом опустила голову, на свою грудь с бесстыдно торчащими сосками, которые просвечивали сквозь мокрый белый материал. Такое ощущение, что мои соски тянулись к мудаку, в то время как их хозяйка, то есть я, постепенно осознавала, как это выглядело со стороны.

Порноактрисы отдыхают.

А я, в который раз за день, подумала о смерти.

Сбоку послышались неспешные шаги, звук открываемого лифта и характерный шум работающего механизма, а незнакомец продолжал нависать надо мной, будто издеваясь и наблюдая за моей реакцией.

Я же уговаривала свою грудь вести себя прилично, и пробовала дышать ровно и размеренно, потому что в голове вновь застучало.

Мои сны начали сбываться, по крайней мере губы мистера сама привлекательность находились в непосредственной близости, как и его тело, как и его руки, во сне ласкающие мою грудь. Стоит ли говорить, что на периферии моего сознания промелькнула предательская мысль о том, чтобы он это сделал наяву. Сейчас.

— Ты могла выйти на минуту позже. Почему?

— Что? — я оторвалась от созерцания его губ и заглянула в глаза, в которых плескался не менее неприятный холод, чем холод, сковавший мои руки.

— Почему ты вышла именно сейчас?

— Пять минут, ты дал мне пять минут, если помнишь, — я начала оправдываться, чувствуя приближение чего-то серьёзного, чего-то, что изменит его решение по поводу моей свободы, чего-то, что принёс с собой тот мерзкий незнакомец, так пристально меня изучавший.

— Ты даже не представляешь, во что влипла, — мистер сама привлекательность безнадежно помотал головой и сделал шаг назад, возвращая мне личное пространство, а заодно хоть какую-то долю уверенности.

— Что это значит? Просто отпусти меня, ты обещал. Я уйду, и никто, никогда не узнает ни о тебе, ни об этом месте. Я никому не скажу, правда... я ведь ничего не видела, ты просто прыгнул в мою машину. И всё, — я говорила это ему в спину, тупо следуя за ним и пытаясь достучаться до него, но он лишь шёл вперёд, к кухонной стойке, на которой лежал чёртов пистолет и большой желтый конверт, уже распечатанный, без почтовых штампов и марок. Обыкновенный желтый конверт, принесенный, по-видимому, тем самым типом. Блядь, да плевать на этот конверт, меня интересовал лишь пистолет, лежащий рядом с ним, к которому и шёл мистер тысяча настроений. — Эй, ты слышишь меня?

Я задела его за предплечье, всего на миг коснувшись кожи, но незнакомец, не обращая на меня никакого внимания, сел на высокий стул, как раз напротив пистолета, а я не нашла ничего лучше, чем сесть по другую сторону стойки, на такой же высокий стул с неловкой спинкой.

Он устало посмотрел на меня, будто совершенно не зная, что со мной делать, и потянулся за полупустой бутылкой Hennessy, часть внутренностей которой плескалась в стоящем рядом стакане. Он ему не понадобился, потому что мудака предпочел выпить прямо из горлышка, я же посчитала это приглашением и бессовестно допила остатки в стакане.

Быть может, если я буду чуть пьяна, умирать будет легче?

— Знаешь, что это? — Наконец, он оторвался от бутылки и положил ладонь на конверт, при этом чуть ли не продырявливая меня саркастическим взглядом. Лишь сейчас, при этом освещении и так близко, я заметила тени под его глазами, усталость, сквозящую в каждой черте лица, бледность, придающую ему несколько болезненный вид.

— Нет, — я помотала головой, в этот раз пряча руки между ног и пытаясь хоть как-то согреть их. Страх тонкой змейкой двигался вдоль по позвоночнику, замирая где-то на шее и вызывая вполне ощутимый озноб. Теперь я не боялась пистолета, спокойно и безмятежно лежащего на поверхности стола, — я боялась конверта, прижатого ладонью незнакомца. Длинные пальцы поглаживали край бумаги, голубые глаза почти не мигали, и напряжение становилось невыносимо тяжелым.

— Это мой самый легкий заказ...

Он кинул эту фразу легко и сухо, а я отказывалась верить, по-детски глупо надеясь, что все мои догадки окажутся лишь вымыслом, моим вымыслом, необоснованным и неподтвержденным фактами, хотя факты — вот они, налицо, кружатся вокруг меня, отражаясь в его глазах, пристально следящих за моей реакцией. Наверное, такая надежда присуща всем людям, когда они боятся верить в происходящее, когда они хотят думать, что всё это неправда, когда они хотят спрятаться от реальности и не видеть очевидного, когда они не желают чувствовать страха, боли, отчаянья. Когда они предпочитают закрыть глаза, чем видеть пропасть под своими ногами.

Я тоже хотела закрыть глаза, но не могла оторвать взгляда от его пальцев, ласкающих плотную желтую бумагу. Меня раздражала его медлительность, будто он специально дразнил меня, издевался, наслаждался своей властью, но напротив, он скорее выжидал, что-то обдумывал, на что-то решался, но никак не ловил кайф от своего положения.

— Как ты думаешь, почему?.. — его пальцы на мгновение скрылись в нутре конверта, и на стол полетела фотокарточка, на которой красовалась я, выходящая из магазина и смотрящая по сторонам. Это было недели две назад, когда мои волосы ещё были ярко-рыжего цвета и не такие длинные, как сейчас. Это было четырнадцать дней назад, когда я только вернулась с Лондона. Это было триста тридцать шесть часов назад, когда я вновь решила начать новую жизнь, после чего перекрасила волосы, пересмотрела свой гардероб и даже сменила машину.

Я не знала, что ответить, и лишь пожала плечами, вдруг почувствовав дикую усталость. Рассматривала себя на снимке, одновременно знакомую, но совершенно другую, а потом просто легла корпусом на стойку, подложив под голову руку и уставившись в пустую белоснежную стену.

Я, на удивление, была совершенно спокойна, отчего-то точно зная, что он не пустит пулю в мой затылок, не поступит как трус, не убьёт исподтишка.

— Который сейчас час?

— Три часа ночи. — Вновь зашуршал конверт, и мистер сама привлекательность затих, изредка переворачивая бумаги, по-видимому содержащие информацию об объекте, или как это у них называется? Жертве? В общем, обо мне. Даже интересно, как много он узнает из этого досье, как много деталей там прописано: быть может, мой распорядок дня, которого на самом деле нет совершенно, быть может, мои привычки, мои связи, мои увлечения, мои счета и отношение к религии.

Как глубоко изучают объект, прежде чем пустить его в расход?

— Ты поэтому назвал меня дорогой? Потому что тебе хорошо заплатили за мою смерть? — не то чтобы мне хотелось говорить об этом, но вдруг стало интересно, для чего вообще нужна была эта комедия, раз он уже знал, что лежит в конверте. Как, впрочем, и тот незнакомец, который принёс его.

— Нет, хотя второй твой вопрос близок к истине. Тейт не должен знать, каким образом ты оказалась в моём доме, пусть лучше думает, что ты моя девушка. — Странно, но только сейчас я заметила одну маленькую закономерность: голос незнакомца был всегда одной тональности, без резких скачков и звуковых перепадов — спокойный и размеренный, с легкой, едва уловимой хрипотцой. Наверное, таким голосом владеют люди, которые точно

уверены в том, что их всегда услышат, даже без повышения интонации.

Чёртов мудак мог бы быть менее идеальным, но даже его голос располагал к себе.

— Разве он не знает, что в конверте?

— Нет, считай его почтальоном, он не может вскрывать конверты.

— То есть чисто теоретически его имя тоже может оказаться в нём? — я наконец отвлеклась от рассматривания скучной стены и, сложив под подбородком обе руки, начала пялиться на незнакомца, который в свою очередь пялился на меня, а не на бумаги в своих руках. Всего лишь несколько листов, заключённых в опять же желтую бумажную папку.

Кто-то помешан на жёлтом, и это очевидно.

А информации обо мне было не так уж много.

— Чисто теоретически... может, — он кивнул, внезапно отбросив бумаги в сторону и заменив их на бутылку. Сделал один большой глоток, в то время как я наблюдала за его двигающимся кадыком, а потом протянул её мне, наверняка рассматривая меня как отличного одноразового собутыльника, а заодно какого-никакого собеседника, который никому ничего не расскажет. Никогда. Вообще никогда.

Тянуть не имело смысла, но я цеплялась за каждую секунду, чувствуя, что каждая последующая может стать итоговой для меня.

— Значит, этот Тейт знает код от лифта?

— Да, но только в тот день, когда приносит мне заказ. Я меняю комбинацию цифр каждый день.

— Ты шизофреник, — я опять пожала плечами, так и не приняв предложение выпить. В памяти всплывало воспоминание о последней пьянке, после которой я уснула в квартире убийцы, таким образом приговорив себя к смерти. Ведь если бы я воспользовалась его добротой сразу, то не попала бы в такую передрагу. Если только через дня два, когда он нашёл бы меня и убил из снайперской винтовки. Легко и просто, когда я даже не подозревала бы, что в меня выпущена пуля двенадцатого калибра.

— Это называется осторожность.

— А как называется твоё ранение? Если не секрет, — я не хотела его поддеть и даже не думала плевать сарказмом, но раз уж он такой умный и осторожный, то как мог подставить свой бок под пулю?

— А это самоуверенностью.

Ну, значит, он не столько и идеален — это радовало, как и то, что мы болтали уже минут пятнадцать — пятнадцать минут плюсом к моей жизни.

— Ещё один вопрос, мистер убийца, — на этой фразе он чуть нахмурился, но взгляда не отвёл и, как и стоило предположить, нисколько не смутился. — Как так получилось, что ты сел в машину именно ко мне, своей будущей жертве?

— Удача.

— Не моя, к сожалению, — мне вдруг стало отчаянно тоскливо и я перестала играть в гляделки, опустив взгляд на свою фотографию. А ведь я даже не знала, что за мной следят, что механизм запущен, и смертельная машина "заказчик — наёмный убийца — жертва" пришла в движение. Я вообще не знала, что такое возможно, хотя, если предположить, кем является мой отец... это даже логично.

— Это довольно любопытно, — он заговорил первым, отвлекая меня от мрачных мыслей и вновь перетягивая моё внимание на себя. Фотография лежала между нами, и он смотрел то на неё, то на меня.

Бутылка наконец заняла почётное место рядом с пустым стаканом, а незнакомец оперся подбородком о сцепленные под ним пальцы. В воздухе витал его, и только его аромат, впитавшийся в мою кожу на шее и наверняка исходящий и от него тоже.

Блядь, даже запах его парфюма не оставлял меня равнодушной, потому что был чертовски приятным, подходящим своему обладателю как никакой другой.

— Что любопытно?

— Мне никогда не доводилось так близко общаться с будущей жертвой, но, если честно, я представлял себе несколько иначе её поведение. Ты не умоляешь меня передумать, не обещаешь хорошо заплатить, ты даже не интересуешься, кто заказал тебя и на кого я работаю. Тебе совершенно похер?

— Не знаю. Наверное. То есть, есть ли в этом смысл? Ты не похож на того, кто проявляет милосердие. — Он не перебивал меня, а мне нечего было бояться. — И зачем мне знать, кто заказал меня? Не думаю, что от этого мне станет легче умирать. Я знаю, кто мой отец, и знаю, какие последствия может нести его род деятельности. Я не тупая, мистер сама привлекательность.

— Мистер сама привлекательность? — в его голосе сквозило удивление, но лицо оставалось непроницаемо серьёзным, бледным и на самом деле привлекательным, либо у меня напрочь отсутствовал вкус.

— Я не знаю твоего имени.

— Николас.

— Ты грек?

— Ты индианка?

— Один ноль в твою пользу, Николас.

А дальше, о святые угодники, он улыбнулся, в смысле не так, как улыбаются обычные люди — широко и при этом показывая зубы, а сдержанно, едва приподняв уголки губ вверх, которые, впрочем, тут же вернулись на место.

Этот мудака определенно любил выигрывать, и этот счёт был лишним тому доказательством. А ещё он не любил торопиться, потому что я до сих пор была жива.

— Ты ведь не будешь убивать меня здесь? — зачем вообще я задала этот глупый вопрос, ведь он не был похож на человека, любящего стирать мозги со стен. Слишком аккуратен и чистоплотен, судя по вылизанной дочиста квартире, ванной, наверняка его трудом вернувшей былой стерильный вид.

— Не буду, — он посмотрел на меня с долей задумчивости, и это навело меня на мысль, что мне удостоится сгинуть где-нибудь среди здешних достопримечательностей, в каком-нибудь из заброшенных зданий, в лабиринтах подвалов, которые станут моим пристанищем на целую вечность.

Становилось ещё более тоскливо и, чтобы не пустить слезу прямо при нём, мне пришлось прикусить внутреннюю сторону щеки и опустить голову, дабы не видеть его холодного, совершенно ледяного безразличия к моим стенаниям. Милосердием он действительно не отличался, как и чувством такта.

— Салфетки там, если ты вдруг надумаешь устроить истерику, — Николас встал со стула, неловко припал на левую ногу и схватился за бок. Я едва сдерживалась, чтобы не подставить ему подножку и не разбить его голову о блестящий чёрный пол.

К сожалению, в этом тоже не было смысла, разве что я продлила бы свои страдания и умерла уже голодной, мучительной смертью, а не быстрой и безболезненной. Так что, если

подумать, пуля в голову, ну или в сердце, не самая страшная смерть.

Спасибо, Николас, низкий тебе поклон.

— Я спать, — прошипел он сквозь зубы, взяв со стойки пистолет и, не оборачиваясь, направившись в сторону спальни.

Я изумленно подняла голову и, как идиотка, уставилась ему между лопаток. Его действия шли в разрез со всеми мыслимыми законами логики, кодексом убийц, если таковой вообще имелся, и я начала сомневаться в его адекватности, напрасно надеясь сдержать свой непослушный язык.

— А я? Разве ты не хочешь как можно быстрее получить свои деньги?

— Так не терпится умереть, Лалит? — Неправильное ударение резануло по ушам, и я закатила глаза, подгребая бумаги, лежащие на стойке, ближе к себе. Всё же интересно узнать, что они на меня накопили.

— Я Лалит, Ла-лит, ударение на букву "и".

— Неважно, не вздумай шуметь, — он уже дошёл до комнаты, и с моего места я могла видеть как поднялась его рука, чтобы схватиться за ручку двери.

— И ещё, можно я воспользуюсь твоим душем? После таких снов я до сих пор влажная, если ты понимаешь, о чём я.

Его пальцы сжались в кулак, замерев в нескольких дюймах от ручки.

Я услышала тихие ругательства и прикусила язык.

Рука до сих пор не двигалась, словно мистер сама привлекательность раздумывал над тем, а не убить ли меня прямо сейчас, тем самым избавив себя от глупых вопросов и интимных подробностей.

Я напряглась, прислушиваясь к наступившей тишине, а потом вздрогнула, когда он быстро зашёл в свою спальню и громко хлопнул дверью. Раздался характерный звук брошенного в стену предмета, и я вспомнила о его многострадальном пистолете, с ничуть не завидной участью, чем у меня.

Разрешения он мне, кстати, так и не дал.

Но это вряд ли остановит меня в последний раз насладиться душем.

— Спокойной ночи... Николас.

***

На самом деле всё это было довольно-таки нелепо, до смешного нелепо: вся эта ситуация с заказом, поведение мистера сама привлекательность, да и моё тоже. Было странно раздеваться в его ванной и рассматривать себя в зеркале — ненакрашенную, бледную, так не похожую на меня, словно там, в отражении, и была настоящая я, всё это время ищущая своё место в жизни, и наконец нашедшая, как это не прискорбно звучало, в смерти. Будто все мои попытки убежать от себя за последние два года и должны были привести меня сюда, в это жуткое место без окон, без выхода, с хозяином-мудаком, в руках которого была моя жизнь. И всё же это не делало его злодеем-социопатом в моих глазах, ведь это была всего лишь его работа, скорее главным злодеем во всей этой истории был заказчик, по каким-то причинам решивший от меня избавиться.

Впрочем, даже это меня мало интересовало.

Время шло, досье, оставленное на стойке, уже было прочитано, фотографии просмотрены. Ничего нового: основные факты, номер машины, место жительства, напечатанные мелким официальным шрифтом на трех страницах, вместивших всю мою жизнь.

Оказывается, она была довольно скучна, не считая двух приводов в полицию за нарушение общественного порядка. Внутренний бунтарь во мне иногда срывался.

Сейчас он подозрительно молчал. Рассматривал себя в зеркало и молчал.

Снятая одежда валялась на полу, трусики, уже выстиранные мною, висели на краю раковины, а я всё не могла оторваться от своего отражения, словно пытаюсь на себя насмотреться. За спиной слышался звук льющейся воды, помещение медленно наполнялось влажностью, я попыталась улыбнуться, но вышло как-то натянуто-криво, губы, как будто сведенные судорогой, растянулись в некрасивую, наигранную ухмылку.

Моё собственное отражение издевалось надо мной, а мне, если честно, было не до смеха. Зато я наконец смогла отвернуться и, вступив в душевую кабинку, закрыть за собой створку.

Горячая вода приятно ласкала тело, а я искренне не понимала, зачем мне это — умирать можно и с влажными трусиками, зато с приятными образами мистера сама привлекательность, во сне на меня навалившегося. Я старательно мылилась гелем для душа, стащенным мною с полки, закрывала глаза, представляя себя дома, но насыщенный мужской аромат, наполнивший кабинку, то и дело напоминал мне о том, где я.

Дома всегда пахло грейпфрутом, в моей ванной всегда пахло грейпфрутом, а я любила грейпфрутовый сок, смешанный с водкой.

Наступившая после отключения воды тишина немного пугала, и я не нашла ничего лучше, чем напевать попсовую песню. На душе было хреново, и, скорее всего, это была попытка хоть как-то сдержать постепенно приходящее понимание — блядь, я ведь скоро умру, совсем скоро, как только мудак по имени Николас выпится, вполне возможно попьет кофе, проверит свой пистолет и решит прийти за мной.

Я могла бы закрыться и не выходить.

И это была чертовски глупая затея, потому что на одной воде я бы протянула не более двух недель, если не меньше, и потому что собственных запасов было катастрофически мало. Практически не было.

Всё ещё напевая мелодию, я открыла створку душевой кабинки, и тут же застыла, ошарашенно смотря на спину Николаса, поймавшего мой возмущенный взгляд в зеркале.

Рука инстинктивно прикрыла грудь, вторая легла на треугольник между ног, и я сделала шаг назад, не зная куда деться от столь пристального взгляда.

— Какого чёрта ты здесь делаешь?

— Это моя ванная.

— Но она занята, как видишь, ты мог бы проявить хоть каплю уважения. — Николас тяжело вздохнул и опустил голову, уставившись ровно на то место, где покоились мои мокрые, в прямом смысле слова, трусики.

Моя бледность сошла на нет.

— Мне нужно обезболивающее, — после этих слов он отвлекся от изучения моего нижнего белья и потянулся к шкафчику с препаратами, его взгляд в отражении мельком пробежался по моей фигуре, я сжалась ещё больше и вновь сделала шаг назад, ощутив лопатками влажную поверхность кабинки.

Дотянуться до полотенца не было никакой возможности, а попросить его не поворачивался язык.

Видимо, он прочёл это на моём лице, потому что, достав шприц и какую-то ампулу, взял полотенце и, повернувшись ко мне в полоборота, протянул его.

Я несмело вцепилась пальцами в махровую ткань, на миг оголив свой второй размер, и, повернувшись к мудаку спиной, обернула полотенце вокруг себя.

— Спасибо.

Руки мелко дрожали от ощущения скорой развязки.

Я не могла сосредоточиться и нервно сжимала края полотенца, прижимая его к груди, там, где так отчаянно билось сердце. Я представила себе как от его ударов ломаются ребра, как их острые осколки разрывают мышцы, кожу, как торчат белыми пятнами на окровавленном фоне. Как кровь от ран стекает по моему телу и скапливается под ногами, постепенно заполняя ванную.

Мне кажется, я чувствовала запах металла, и кровавая картина, воспроизведенная моим ненормальным мозгом, была до ужаса реалистичной.

Хотелось жить.

А я, как назло, не могла дышать от душившего меня отчаяния.

— У тебя есть успокоительное? — я посмотрела на него, слегка повернув голову и краем глаза наблюдая за тем, как он без заминки вводит иглу в плечо. Его палец, нажимающий на шприц, застыл, и Николас посмотрел на меня. Слишком проникновенно для убийцы, слишком понимающе для палача.

— Есть. Отличная водка.

— А грейпфрутовый сок?

Палец доделал свою работу, и шприц полетел в раковину.

— Считай это последним моим желанием, я ведь имею право на последнее желание? — мой голос был до неприличия тих, позорно затравлен, умоляюще плаксив, отчего мне стало до ужаса стыдно. Я прочистила горло и сказала уже громче: — Ведь имею, да? — для того, чтобы выйти из кабинки, мне потребовалось сделать три шага, три шага навстречу смерти, которые дались мне тяжелее трёх миль. Ещё тяжелее было подойти к нему и встать напротив.

Он смотрел на меня с высоты своего роста, позволяя по полной прочувствовать свою беззащитность и бессилие. Молчал, всё больше нагнетая обстановку и наверняка замечая, как бешенно бьется моё сердце в такт ему вторящей груди.

Мне хотелось закричать лишь бы он не молчал.

Этого не потребовалось.

— Одевайся, Лалит, нам пора.

Я находилась словно в вакууме, плотном-плотном тумане, изредка рассекаемым горлышком бутылки, который я прикладывала к губам, делая как можно более большой глоток.

В его успокоительном, то есть водке, я видела своё спасение.

Поэтому так самоотверженно поглощала её, даже не пытаюсь вырваться из почти наркотического состояния, постепенно расслабляющего не только моё тело, но и мысли, ставшие вдруг легче, глупее, проще. Казалось, сознание само решало свои проблемы, без применения психологических приемов, без настоящих успокоительных, без глупых попыток настроить дыхание и унять нервную дрожь.

Я медленно спускалась к своей смерти, с каким-то болезненным безразличием относясь к своей судьбе. Слушала мерное гудение механизма и среди обрывков реальности изредка вылавливала фигуру Николаса, стоящего у другой стенки лифта, с пистолетом в руке и сумкой в другой. Он был совершенно спокоен, расслаблен и уверен в своих решениях. Ему было абсолютно похер, что буквально в нескольких шагах от него стоит будущий труп, без движений, без мыслей, без слов. Пустое место, мертвое тело, никто и ничто в сравнении с целой вселенной.

Я глупо хихикнула, пошатнувшись оттого, что лифт остановился, характерно дернувшись. Николас перевел на меня взгляд и недовольно поджал губы; туман рассеивался, ключьями падая к нашим ногам.

Мне становилось холодно и неудобно.

— Тебе пора завязывать, — он прошел мимо, обдав меня могильным холодом, а заодно и своим ароматом, но я, хихикнув ещё раз, лишь крепче обхватила холодную, покрывшуюся конденсатом бутылку. Оставалось чуть больше половины, и я не хотела оставлять водку без хорошей компании в лице меня. Высокие каблуки мешали идти; тусклый свет заброшенных катакомб бросал тени на обшарпанные стены с кусками отставшей от них грязно-зеленой краски; бесконечные линии труб, тянувшихся под потолком, преследовали нас по всему пути, до самого выхода, где мистер сама привлекательность замешкался, пытаюсь открыть ржавый замок ржавой двери с такой же ржавой ручкой.

В двух шагах от меня была улица, свежий воздух, высокое небо.

Я пододвинулась чуть ближе, по неосторожности вдолбившись лбом в спину мудака; попыталась его обойти, но широкая спина загородила весь узкий проход, через который, нет, точно, через который мы сюда не заходили, а значит, это был запасной выход, ведущий, скорее всего, в мой тупик — место, где меня не станет.

Я неосознанно отшатнулась назад, окончательно скидывая с себя нирвану, и начала часто дышать, чувствуя подступающую тошноту. Даже свежий воздух, наконец ворвавшийся в мертвые коридоры мертвого здания, не смог облегчить мои страдания.

Глоток водки заглушил начинающуюся истерику; бульканье содержимого в бутылке немного рассеяло тишину; мне стало легче — легче настолько, что я смогла заглушить в себе желание упасть перед ним на колени. И в голове созрел коварный план, в котором главная роль уготована этой самой бутылке. Я подняла руку вверх, начав замахиваться, холодная водка потекла по руке, ручейками спускаясь к подмышке, а мистер сама привлекательность, словно почувствовав, резко развернулся, с ходу приставив пистолет к моему лбу.

Я застыла как мраморное изваяние, с жалостью провожая последние капли водки, исчезнувшие в районе моей подмышки.

Всё это произошло за долю секунды.

— Я вышибу тебе мозги здесь... если хочешь, — дополнил он, прожигая меня равнодушным взглядом.

— Мне, если честно, всё равно, — на удивление я говорила чётко, без пьяного лепета, без намёка на страх. Рука устала и мне пришлось её отпустить, в то время как мистер сама привлекательность продолжал сверлить во мне дырку дулом пистолета, кажется, только и ждущего, чтобы плюнуть в меня пулей.

— Мне нет, не хочу каждый раз запинаться о твоё тело.

От его бесчувственности хотелось плакать, поэтому моя нижняя губа начала непроизвольно дрожать, выдавая меня с потрохами — я была жалкой и слабой, с едва ли подающей признаки гордостью, которая хоть как-то удерживала меня в рамках.

Отцу точно было бы за меня стыдно...

— Да пошёл ты... — Бутылка полетела в сторону, а я набралась наглости отвести его пистолет от моего лба, при этом не отводя взгляда от его глаз, смотревших на меня с всё тем же равнодушием. Наверное, каждая его жертва чувствовала это его равнодушие на себе перед тем как отдать Богу душу. Наверное, каждая его жертва попадала под прицел профессионального взгляда, даже не подозревая, что находится под прицелом. Наверное, каждая его жертва умирала намного легче — легче оттого, что не знала, даже не подозревала, что умрет.

Их сила была в их незнании.

Я же знала точно, а это, признайтесь, намного сложнее.

— Давай закончим с этим, — я натянуто улыбнулась и, слегка задев его плечом, прошла вперед, первой вступив на территорию предутреннего воздуха, сумерек, вот-вот готовых смениться на свет восходящего на кромке горизонта солнца, бросившего красную линию на край неба. Звезды бледнели, становились выше, уступая место новому дню. Прохлада коснулась моих оголенных плеч, заставив меня вспомнить об оставленной в машине джинсовке, а ещё о мокрых трусиках, так и не успевших высохнуть и красовавшихся сейчас на краю раковины в ванной мудака.

Надеюсь, он вспомнит, чьи они, перед тем как выкинет в мусорный бак.

Его машина была, как и стоило предположить, чёрной, хотя могу поспорить, что при свете дня она окажется тёмно-синей. Великолепный, кричащий своей дороговизной Aston Martin, припаркованный в открытом боксе через дорогу. Он мигнул фарами, приветствуя своего хозяина, и поглотил меня в свой светло-бежевый салон, пахнувший кожей и чем-то горьким.

Я скинула туфли, задирая ноги на сиденье и прижимая колени к груди. За тонированным стеклом красная кирпичная стена казалась мне полотном запекшийся крови.

— Пристегнись, — Николас сел на сиденье рядом, и в тишине отчетливо послышалось жужжание привода, опускающего руль ближе к водителю. А его слова были настолько неуместны, что я рассмеялась, всё ещё рассматривая стену, под урчание заведенного мотора побежавшую перед глазами.

— Спасибо за заботу, Николас, — я ещё плотнее прижала колени к груди, пытаюсь хоть как-то согреться. За окном мелькали заброшенные, как и его дом, здания, пугающие меня чёрными провалами разбитых окон, мёртвой запущенностью, обречённой тоской никому-не-

нужности. Нас окружали проросшие кустарники, местами пролезающие через потрескавшийся асфальт и заползающие на бетонные ступеньки лестниц; листья помятого и заржавевшего металла, свисающего с дверей и больших ворот; мусор, забившийся в углы построек и валяющийся по сторонам от дороги. — Ужасное место.

— В семидесятых здесь был лакокрасочный завод, — наконец он вынырнул на широкую дорогу, похожую на ту, по которой мы приехали сюда, и прибавил скорость, отчего я стукнулась лбом о стекло, в которое так самозабвенно смотрела.

— Сегодня ведь шестое? Если я не ошибаюсь.

— Да.

— Я навсегда зависну в своём возрасте, только представь. Двадцать два, хотя завтра мне исполнилось бы двадцать три.

— Интересное рассуждение: зависну.

Я не смотрела на него, но могла поспорить, что при этом он улыбнулся своей странной улыбкой, скрытой лишь в уголках губ. Спрятанной от всех и ото всего — настоящие убийцы не любят улыбаться, наверное...

— Разве нет? Это конец, дальше уже ничего нет: ни времени, ни страха, ни боли. Совершенно ничего, даже пустоты, понимаешь? И мне будет поебать, как я выгляжу, кто и что обо мне думает и думает ли вообще. Ищут ли меня и плачут ли обо мне, — я правда не хотела с ним откровенничать, но почему-то именно сейчас, наряду с нервным ознобом, я чувствовала совершенно отвратительное одиночество, которое заставляло меня цепляться за единственно живого человека рядом со мной, пусть этот человек и был моим убийцей. Тем более, что ему до моей бредятины не было никакого, совершенно, чёрт побери, никакого дела.

Да чтоб ты сдох, мистер сама привлекательность.

Я перевела на него злой взгляд и начала пристально рассматривать его профиль, подсвеченный светом от передней консоли с вмонтированным в неё экраном и различными кнопками. Его бледность бросалась в глаза, а напряженные скулы указывали на то, что обезболивающее оказалось не очень-то эффективным, впрочем, как и мое успокоительное, остатки которого осели на моей коже едва уловимым запахом спирта.

— Что ты чувствуешь, когда убиваешь людей?

Он слегка повернул ко мне голову, и я не смогла различить оттенка его взгляда, скрытого от меня падающими на лицо тенями.

— Ничего. Мне не жаль, если ты об этом.

— Я не об этом. Что ты чувствуешь, когда имеешь власть над чьей-то жизнью? Ты ощущаешь себя Богом? — я неловко поерзала, ощущая давление джинс в самом неподходящем месте, не защищенном от плотного шва нижним бельем. Пришлось спустить ноги и вновь поерзать. Умереть в комфорте мне не дано точно. Николас не выражал совершенно никаких эмоций, наверняка мечтая избавиться от меня поскорее. Это подтвердил резкий поворот вправо и вжатая педаль газа. Мы неслись по дороге, огибающей город и ведущей в неизвестно куда. И пока я смотрела на него, а он на меня, краем глаза продолжая следить за дорогой, — асфальт закончился, уступив место гравийной дороге.

Мои мысли заглянули под днище машины и оценили дорожный просвет.

Мистеру сама привлекательность, по-видимому, было не до клиренса.

— Я ощущаю себя мусорщиком, избавляющим этот мир от мусора, — он произнес это уверенно и твердо, даже не пытаясь приукрасить свою работу и заставляя меня задуматься.

— Значит, я мусор?

— Значит.

Машина остановилась, и я уставилась в боковое стекло. Любитель заброшенных зданий привёз меня в бетонную могилу, состоящую из трёх стен и четвертой, разрушенной, лежащей на земле грудой поверженного бетона и арматуры, которая торчала в стороны железными прутьями. На улице было светло, хотя мы и провели в дороге не более двадцати минут; небо уже поглотило звезды, а солнце почти коснулось просыпающимися лучами самой высокой точки небосклона, ослепительно-голубого, без любого намёка на облачность.

Отличный день, чтобы умереть.

Я вышла из машины и задрала голову вверх, прислушиваясь к шагам Николаса, огибающего машину и приближающегося ко мне. Заботливый толчок в спину вернул меня на землю, и я поморщилась от вонзившихся в голые стопы мелких камней. Надевать туфли не имело смысла, поэтому я, прошипев в сторону мудака проклятия, пошла вперед, то вставая на носочки, то останавливаясь и убирая с пяток особо надоедливую крошку.

Впереди маячила стена с большими окнами-глазницами, лишёнными не только стекол, но и рам, глядящих в лесной массив, испещренный песчаными грядками. Где-то вдалеке, за деревьями, притаился город, слышимый здесь лишь неясным гулом просыпающихся автомобилей, автобусов, людей. Он постепенно оживал, возвращаясь в свой прежний ритм, в то время как я безропотно шла к своей смерти.

— Надеюсь, ты умрешь в самых страшных мучениях, мистер мудак, — я даже не посмотрела на него, лишь упрямо вскинула подбородок и бодро вступила под своды полуразвалившейся крыши, балки которой беспомощно искали опору в упавшей стене. Я нашла свою опору в уцелевшей и, повернувшись к ней спиной, уставилась на Николаса, остановившегося на входе.

Видимо, с меткостью у него проблем не было, как и с самоконтролем, который покинул меня как только дуло пистолета поднялось на уровень моих глаз.

Думать о конце и видеть его — разные вещи.

Знать о смерти и чувствовать её приближение тоже.

Я не удержалась и крепко-крепко зажмурилась, при этом обняв себя за дрожащие плечи.

Прозвучал выстрел, стремительно скрывшийся в пространстве, и я изумленно открыла глаза. Мистер сама привлекательность стоял там же, у развалившейся стены; крыша всё также нависала над нами, показывая обрывки неба; я до сих пор была жива и чувствовала холод.

Истерика медленно захватывала меня в тиски, и я, поняв, что Николас выстрелил в воздух, пыталась сделать хотя бы один вдох. Слезы душили, а я постепенно сползала по стене вниз, до тех пор пока не оказалась на земле и не спрятала лицо в ладони.

Мне было похер, что он обо мне подумает — я ревела, навзрыд громко, сотрясаясь всем телом и не зная, как остановиться. Последние сутки проносились в сознании чёрно-белыми кадрами, быстрыми, мелькающими, вызывающими головокружение. Начиная с самого утра и заканчивая финишными моментами.

По правую руку от меня чиркнула зажигалка, повеяло табачным дымом, и я застыла на вдохе, с удовольствием вгоняя в себя отравляющий воздух.

— Не знала, что ты куришь, — я украдкой посмотрела на Николаса, сидящего, как и я, на земле, скопировавшего мою позу и смачно затянувшегося сигаретой. Его затылок

упирался в стену, грудь мерно двигалась, а изящные пальцы сжимали источник сизого дыма, от которого у меня потекли слюнки. Пистолет лежал на его ногах, как преданный пёс, защищающий своего хозяина.

— Я тоже не знал...

Я, словно ребенок, шмыгнула носом и потянулась за сигаретой. Николас не сопротивлялся, сразу отдав её мне.

Первые лучи солнца коснулись стены над нашими головами, и я подняла голову, выпуская дым в линии света. Дым красиво проходил сквозь них, клубился изгибами и танцевал танец ветра, играющего с ним. Это было так прекрасно, так ярко и завораживающе, что я забыла про слёзы, ещё не высохшие на скулах, — всё мое внимание было устремлено на представление табачного дыма.

Оказывается, в обыденных вещах красоты не меньше, просто мы ее не видим, привыкая и не желая замечать даже в упор.

— Я понимаю тебя, — выдохнула я и отвлеклась от созерцания дыма. Он лениво повернул ко мне голову и забрал сигарету из моих всё ещё дрожащих пальцев. Следующая затяжка была его, как и порция дыма, заполнившего линию света. — Тяжело убивать человека, даже не зная, за что убиваешь. Я права?

Мистер сама привлекательность не сказал ни слова, лишь сделал новую затяжку и выкинул сигарету в сторону, при падении разбросавшую вокруг себя искры.

Эти искры, кстати, тоже были прекрасны.

— Думаю, твой отец следующий, — обронил он, продолжая изучать моё заплаканное, наверняка с распухшими и красными от слёз глазами лицо.

Я вновь шмыгнула носом и облизала пересохшие губы. Стоило предположить, что главная их цель не я, а Энтони Нери — мой отец, всю свою жизнь находящийся по другую сторону закона. Что он сделал на этот раз, я не знала, потому что вот уже два года созванивалась с ним только на Рождество.

Семейный конфликт не желал разрешаться, а я не собиралась возвращаться домой, всё это время путешествуя по миру и пробуя новую для себя самостоятельную жизнь.

Кажется, сейчас самое время вернуться... пока не поздно.

— Что мне делать, Николас?

Всего на миг он опустил глаза, словно раздумывая над моими словами, а потом его взгляд вновь застыл на мне. Становилось неловко и неудобно, и всё это напомнило мне встречу двух бывших друзей, которые не виделись очень и очень давно, — не имеющие общих тем, с потухшими воспоминаниями, не знающие, о чём поговорить и только мечтающие поскорее разминуться, — они пытаются поддержать вежливую беседу, а в итоге замолкают и прячут глаза куда угодно, захлебываясь в неловкой тишине.

Я захлебывалась тоже, ожидая его ответа.

— У тебя ещё есть время, Лалит. Мы вернемся обратно, и ты сядешь в свою машину, выкинешь телефон, забудешь про кредитки, при первом же удобном случае купишь новую тачку: неброскую и неприметную. Ни самолетов, ни поездов, ни автобусов. Звонки отцу только через общественные телефоны. Постарайся добраться до него быстрее, чем они доберутся до тебя.

— Я не знаю, где он сейчас.

— Так узнай, это твой единственный шанс. Могу поспорить, что со дня на день его фамилия окажется в желтом конверте, вот только исполнитель будет другой.

Я старалась уловить информацию, мысленно прорабатывая план и надеясь на положительный исход. Я уже выкинула телефон, спрятала карточки, купила тачку — как и сказал мистер сама привлекательность, неприметную. Господи, да пусть это будет хоть старый и повидавший виды Buick, отвратительно зеленого цвета, как в фильмах шестидесятых. Или устаревший Ford с максимальной скоростью двадцать миль в час. Да хоть семейный Dodge из восьмидесятых — уже неважно.

Важно одно, стоп...

— Что ты сказал?

— Ты о чём? — Мы продолжали сидеть, никуда не торопясь, не считая минуты, когда на самом деле нам нужно было не просто бежать, а бежать без оглядки, пытаюсь спастись от чёрт знает кого. Солнечные лучи уже поднялись к основанию крыши и исчезли где-то в балках, становилось теплее, и я уже не чувствовала того холода, что терзал мои плечи до этого, только липкое предчувствие тревоги растекалось по венам, замирая неприятным покалыванием на кончиках пальцев.

— Ты сказал, что исполнитель будет другим. Что это значит?

Николас раздраженно сжал челюсти, словно его достала надоедливая муха, а потом, опираясь о стену одной рукой, встал. Его рана вновь беспокоила его, и это было заметно по его позе, по наклону торса чуть вправо, по искажившей бледное лицо гримасе, появившейся лишь на мгновение и также быстро исчезнувшей.

— Николас, черт бы тебя побрал, ты не можешь так просто уйти, — чтобы вскочить на ноги, мне потребовалось куда меньше времени, чем ему сделать три шага. Я встала прямо перед ним, напроць забывая о благоразумии и желая лишь одного — докопаться до истины, понять, получить больше информации, которая помогла бы мне спасти жизнь.

Признаться, тогда я думала лишь о себе и отце, которого обязана была предупредить.

И я не знала, чем рисковал мудака, решив меня отпустить.

— Иди в машину, пока я не передумал, — ни один мускул не дернулся на его лице, когда я угрожающе подошла ближе, почти касаясь его груди своей. Я не боялась, не теперь, когда точно знала — он не убьет меня, не передумает и не изменит своего решения. Я смотрела на него снизу вверх, замечая каждую морщинку в уголках глаз, складку на лбу и даже небольшой шрам на линии подбородка; пушистые ресницы, которым позавидовала бы даже Мисс мира — и думала, что после всего произошедшего между нами за последние двадцать минут он стал мне чуточку ближе, чем обыкновенный прохожий.

— Я прошу тебя, всего лишь один ответ. Через полчаса мы расстанемся и ты больше никогда меня не увидишь. Просто ответь мне, мистер упрямый мудака.

Его пальцы плотнее обхватили рукоять пистолета.

Я не двинулась с места, потому что мне было совершенно похер на его смертельную игрушку.

Солнце приятно грело спину и задницу.

А мне было приятно находиться рядом с Николасом.

— Моё имя в желтом конверте — дело времени. Как видишь, я не выполнил заказ, нарушив основное правило: не сближаться с объектом. Нет трупа — нет доказательств, Лалит. Так что теперь мы на равных.

Я почти не дышала, вслушиваясь в его слова и ища подвох. Да кто они, блядь, такие?

Последнюю фразу я сказала вслух.

— Тебе лучше не знать, — он сделал шаг в сторону, всё-таки избавляясь от моего

напора, и, не оборачиваясь, пошел к машине.

Я поторопилась за ним, уже не обращая внимания на впивающиеся в ноги камешки. Впереди маячил, как я и подозревала, тёмно-синий Aston Martin и смутная надежда, что я смогу выбраться из всей этой передряги живой...

Обратный путь — это напряженное молчание, в которое мы провалились словно в трясины. Каждый думал о своем, я настойчиво пялилась в окно, Николас следил за дорогой, изредка переключая скорость. Нарушать тишину совершенно не хотелось, хотя в моей голове роилась куча вопросов, самый главный из которых — на кого же работает мистер сама привлекательность, раз даже он не застрахован от смерти. Впрочем, от смерти не застрахован ни один наемный убийца ни в одном мире ни в одной вселенной — закономерность убийств заключается в том, чтобы не оставлять свидетелей. Киллер своего рода тоже свидетель, какой-никакой, но свидетель, и лучше, чтобы он тоже молчал.

Самое надежное молчание у трупов, отсюда вполне логичный вывод: Николас рано или поздно тоже пошел бы в расход, но уж точно не закончил бы жизнь где-нибудь на берегу озера, попивая горячий чай и зарываясь пальцами в шерсть своего друга-ретривера, сменившего холодную сталь пистолета.

Я незаметно глянула на него, он выглядел совершенно спокойным, мое эго чертыхнулось и совершенно некрасиво упало на колени — я тоже хотела быть спокойной, не чувствовать страха и не поддаваться панике, но, как только я представляла, что мне придется в одиночку спасать свою жизнь, начинала нервно теревать край надетой на меня майки.

Блядь, я до сих пор была в этой злополучной майке, признаться честно, несколько бесстыдной; в запыленных светлых джинсах, продолжающих врезаться куда не надо; босиком, растрепанная и ненакрашенная, к тому же с красным носом и припухшими от слез глазами. На лицо полная деграция и тяжелое положение находящегося в полнейшей заднице человека.

Женщина во мне протестовала от такого обращения, и я отогнула козырек, чтобы посмотреть в зеркало. Картина, если честно, была куда более удручающей, чем я себе представляла. Мне пришлось придвинуться ближе, чтобы рассмотреть убожество, смотрящее на меня в зеркале.

— Твою мать... — Николас резко затормозил, и я едва ли успела вытянуть руки на консоль, чтобы не оказаться расплющенной по лобовому стеклу. Ты прав, мудака, мне не хватало только разбитой головы и парочки синяков на лбу для полноты картины. Я зло шикнула, медленно поворачивая голову к нему, мудака никак не реагировал, продолжая пристально смотреть вперед, на большие ворота, ведущие на территорию завода. — Что случилось?

— Что-то не так, — машина крадучись поехала вперед, темно-синий кузов скользил по дороге словно притаившаяся змея, Николас был похож на готовую ринуться в бой пантеру, я же напоминала потрепанную курицу и никак не вписывалась в их компанию. Признаться, эта роль меня мало устраивала, но без сумки и своих вещей я мало чем могла себе помочь.

— Что не так?

— Твой язык. Он слишком длинный и задает много вопросов, — один его взгляд потушил во мне желание спорить, и я послушно притихла, настороженно всматриваясь вперед, в лабиринты зданий, которые мы должны были преодолеть. Мало того, что я старалась не делать лишних движений, так почти не моргала, искренне надеясь, что предчувствие Николаса окажется ложным.

Звонок его телефона заставил меня вздрогнуть.

Я выругалась и тут же прикусила язык.

Машина остановилась, и мистер сама привлекательность нажал на кнопку. Фразы его были сухими, небрежными, голос, как всегда, без оттенков, безэмоциональный, слишком официальный. И пока он говорил обо мне, глядя на меня и не собираясь оправдываться, я вжималась в сиденье, будто пытаюсь слиться с бежевой обивкой.

По-видимому, Тейт был здесь и знал, что я тоже была здесь.

Мне становилось по-настоящему страшно.

Машина дала задний ход, медленно и осторожно.

Мудак смотрел в боковое зеркало и ловко выкруливал назад, телефон до сих пор был прижат к уху, а я продолжала свои жалкие попытки спрятаться. Проклятия сменились на молитву, в то время как Николас спокойненько сбросил вызов и, вынырнув на дорогу, дал по газам.

Мне всё-таки удалось слиться с сиденьем. Напряжение обрушилось непосильной ношей, и я совершенно не знала, как справиться с этим, как распрямить плечи и задать свой главный вопрос: что мне делать теперь?

— Мы опоздали. Мне стоило спрятать твою машину, а тебе не стоило выходить из ванной. Тем более в мокрой майке, — губы Николаса сложились в подобие улыбки, той самой его фирменной, я же непонимающе уставилась на него. — Видимо, Тейту понравилось зрелище.

— Это не смешно.

— Не смешно, ты права. Ты помнишь номер отца?

Помню ли я номер отца? То есть помню ли я номер единственного родного человека? Человека, который заменил мне мать, друга, в какой-то период даже врага? Человека, с которым я не виделась хуеву тучу времени и даже не представляла, какие обстоятельства смогут вновь сделать нас семьей? Да, блядь, знала. Начиная от первой цифры и заканчивая последней.

Один. Двести двенадцать. Семь. Пять. Семь. Семьдесят пять. Пятьдесят семь.

Всё просто, мистер сама привлекательность.

— Знаю.

— Отлично.

Наконец, дорога, по которой мы ехали, начала казаться мне знакомой, и я впервые за всё это время улыбнулась — не натянуто, не обреченно, а так, как улыбаются люди, после долгих метаний вышедшие на свет из абсолютной тьмы. Они щурятся от яркого солнца и вдыхают теплый воздух, а вместе с ним надежду, что всё плохое осталось позади, за спиной, забывая при этом, что тьма — вот она, стоит обернуться назад и протянуть руку.

Нельзя радоваться раньше времени, для начала нужно отойти подальше, поэтому я перестала улыбаться и, повернувшись к боковому окну, начала смотреть в сторону.

Николас молчал, а мне было тяжело молчать, тяжело оставаться одной в полной тишине, и лишь начинающийся поток автомобилей, ожививших трассу, хоть немного заглушил мою тревогу.

— Николас?

— Что?

— Почему бы мне не обратиться в полицию?

Мотор заурчал утробным голосом, а мистер сама привлекательность скосил на меня глаза.

— Даже не думай, — в его голосе было столько скрытой угрозы, что я непроизвольно поежилась и отодвинулась ближе к двери и как можно дальше от мудака. Казалось, он мог придушить меня прямо здесь, причем одной рукой и не прекращая вести машину.

— Я не скажу им про тебя.

— И что же ты им скажешь? Если не секрет...

Действительно, а что я им скажу? Что ко мне в машину сел раненый человек, и нет, он не был убийцей, в смысле он не хотел меня убивать, но ему принесли желтый конверт, и там оказалось мое имя. А раненый человек на самом деле оказался наемным убийцей. Черт, как ни крути, а всё упиралось в него. Иначе ж откуда мне узнать про заказ и мое имя в конверте? Ну если только я не владею даром предвидения и не читаю мысли на расстоянии.

А вообще, со стороны это похоже на паранойю.

— Ничего.

— Ты не последовательна. Только что ты хотела им что-то сказать.

— Передумала.

— А заодно и непостоянна.

— Я хочу в туалет, — мне задолбалось слушать его анализ, и это первое, что пришло на ум. Николас сделал большой вдох, при этом недовольно поджав губы. Думаю, сейчас он вспомнил о том, что всего полчаса назад у него был шанс меня пристрелить. — Пожалуйста.

Он резко перестроил машину в другой ряд, я же вцепилась в ручку двери и вновь зашипела, мой локоть горел от удара с дверцей. Я поставила еще один минус к своей внешности и, заметив в стороне заправку, начала надевать туфли. Наверняка там можно найти и телефон, на которого, к сожалению, у меня не было денег. Признаться, у меня не было вообще ничего: ни денег, ни телефона, ни одежды, часть которой, самую маленькую ее часть, я оставила в квартире Николаса.

Самое худшее положение в моей жизни.

Уверенность в собственных силах падала с космической скоростью.

— Знаешь, в принципе ты мог бы завести меня домой, — я пожалала плечами, а мистер мудак пропустил мою просьбу мимо ушей, припарковывая машину на служебной стоянке, спрятанной за зданием магазина — нарушение правил было в его крови.

— У тебя поразительная тяга к приключениям, Лалит. И если ты хочешь сдохнуть у себя дома — мешать не буду.

— Ладно, как скажешь, — я вновь пожалала плечами, Николас вышел из машины, как-то нервно хлопнув дверцей, а я продолжала сидеть, пристально наблюдая за каждым его шагом. Господи, всё-таки было в нем что-то опасно притягательное, неуловимое, порой даже жуткое, и, учитывая его род деятельности — это было вполне логично.

Он обладал магнетической харизмой хладнокровного убийцы, я же, по ходу, оставила свои мозги на месте моей несостоявшейся смерти, там, где он впервые проявил ко мне участие. Всего лишь один поступок, перечеркнувший все его грехи и реабилитировавший его в моих глазах. Осталось лишь влюбиться в него и встать на сторону зла, прямо как Харви Квинн.

— Идиотка... — я прикрыла глаза, но тут же резко открыла, когда мудак постучал по стеклу. Кажется, он был... мягко говоря, недоволен.

— Ты же не думаешь, что я буду с тобой водиться?

— Прости, я задумалась, — мне хватило пары секунд, чтобы выскочить из машины и последовать за ним.

Мой вид начал смущать меня ровно в тот момент, когда я увидела взгляд девушки-кассира. Он был изучающе цепким, пренебрежительно неприятным. Я почувствовала себя гадким утенком и неосознанно прижалась к мистеру сама привлекательность, пытаюсь спрятаться за его спиной. Спина Николаса напряглась, но он не попытался отстраниться, что придало мне уверенности в своей неотразимости. Я гордо задрала подбородок и смело взглянула на нахалку с неприязненным взглядом, который теплел только в те моменты, когда она смотрела на Николаса.

Знала бы она кому так льстиво улыбается.

Мистер сама привлекательность не улыбнулся ей ни разу, судя по ей недовольному лицу, которое превратилось в разочарованную гримасу. Она со скривившимися губами наблюдала за тем, как он оборачивался ко мне и брал меня за локоть, подталкивая в сторону телефона, висящего на стене по левую руку. В той же стороне был вход в туалет.

Я торжествующе ломанулась по направлению к двери, но Николай еще сильнее сжал мой злосчастный локоть.

— Сначала звонок.

Чтоб ты сдох.

Монетка, извлеченная им из кармана, радостно плюхнулась в прорезь для монет, брякнулась о внутреннюю стенку телефона и затихла, подарив мне шанс поговорить с отцом. Руки предательски дрожали, ладони вмиг вспотели, и злосчастная трубка чуть не вылетела на пол, но оказалась вовремя подхвачена мистером хорошая реакция. Я благодарно улыбнулась и начала нажимать на кнопки.

Николай стоял за моей спиной и дышал мне в затылок.

Воздуха катастрофически не хватало, и мне становилось душно.

Я мечтала хотя бы о капельке личного пространства, поэтому попыталась сделать шаг в сторону, мудак прекратил мои попытки, оперевшись обеими руками о стену.

Он боялся, что я скажу что-то лишнее, а я, если честно, вообще не знала, что говорить.

— Пап, привет, — всхлип застыл на выдохе, и я прижала ладонь к губам, слыша в трубке родной, до боли знакомый голос. Он был жив, он был растерян, он был рад и он до сих пор, несмотря ни на что, был моим отцом. — Да, со мной всё в порядке. Мне нужно кое-что сказать тебе.

Мистер сама привлекательность склонился к моему уху, обдавая меня своим ароматом и теплом тела, совершенно бесстыдно навалившимся сзади. Я недовольно повела плечом, пытаюсь избавиться от непрошеного гостя, и вместо этого лишилась трубки, ловко вырванной из моей руки.

Мое возмущение не возымело эффекта, попытки вернуть трубку не увенчались успехом, и я затихла, прижатая к телефону и окруженная высокой фигурой Николаса, словившего меня в ловушку.

Мне не осталось ничего кроме как уставиться на его шею и довольствоваться подслушиванием разговора.

— Боюсь, ваша дочь была несколько нечестна с вами. С ней не всё в порядке, а если быть точнее, она в опасности.

— Кто это? Только попробуй сделать с моей девочкой что-нибудь...

— Замолчите, мистер Нери, и слушайте меня внимательно, — мистер хладнокровие столь же хладнокровно смотрел на меня, в упор, наверняка перенимая привычки своего смертоносного друга, слава богу, вот уже целый час не пялившегося в мой лоб. И я,

откровенно говоря, несколько по нему не скучала. — С вашей девочкой ничего не случится, если вы сейчас меня выслушаете.

В трубке послышались не вполне приличные ругательства, которые я знала наизусть и которыми частенько пользовалась. Николас прищурил глаза, наверняка замечая родственное сходство.

— Боже мой... — на особо грязном ругательстве я покраснела и отвернулась в сторону, чтобы не видеть лица мудака, на удивление терпевшего такое к себе отношение.

— Я убью ее сейчас же, если вы не заткнетесь.

В трубке обосновалась тишина, и Николас иронично изогнул брови, перехватывая мой полный возмущения взгляд.

— Привезите мне ее, и я заплачу вам. Просто назовите свою цену.

— Думаю, ваша девочка справится сама. Куда ей приехать?

— Детройт, Окленд Авеню. Она знает. Послушайте, я не могу приехать за ней, таковы обстоятельства, помогите ей.

— Она приедет, — Николас даже не стал ждать, не дал мне возможности попрощаться с отцом как и не дал согласия помочь мне — он просто положил трубку и перехватил мой испуганный взгляд. Взгляд, отражающий реальность, где я оставалась совсем одна.

И это, черт побери, было ужаснее всех ужасов мира.

Меня снова начало трясти, потому что я видела в его глазах уверенность, приговор, который он вот-вот исполнит, просто оставит меня здесь и уйдет, сбросив на меня ответственность за мою жизнь. Блядь, может потому, что я ему нахрен не сдалась, ведь моя жизнь — это мои проблемы. Я закусила нижнюю губу, обняв себя за плечи, и не торопилась избавиться от его тепла, пока он продолжал нависать надо мной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты всё поняла?

— Николас...

Он собирался уйти, просто взять и уйти, действительно бросив меня у этого проклятого телефона.

Я, словно матерый питбуль, вцепилась в его руку.

Слезы наворачивались на глаза, и где-то в груди нарастал ком отчаяния, того самого отчаяния, что я не раз уже чувствовала за последние сутки. Мне хотелось вцепиться зубами в его футболку и не отпускать ни при каких обстоятельствах. Впрочем, его пистолет с легкостью бы справился с моими челюстями.

— Николас, не оставляй меня, я не справлюсь. Мне больше не к кому обратиться. Прошу, — я смотрела в его холодные голубые глаза, надеясь найти там хоть капельку понимания, но холод оставался холодом, равнодушие — равнодушием. — Я не смогу, мне страшно.

Ярко-накрашенные губы девушки, стоящей за кассой и наблюдающей за нами, расплылись в улыбке. Я мысленно проломила ей голову и стерла довольство с красивого лица. Во мне начинали появляться задатки потенциального убийцы.

С кем поведешься...

Мои пальцы соскользнули с его руки, и я поникла, наконец вспомнив про свою гордость.

Мы стояли в небольшом магазинчике, с рядами полок и расположенными на них чипсами, газировкой и прочей ерундой. Маленький телевизор в верхнем правом углу, за

плечами покрашенной сучки, вещал о проливных дождях; ярко-алые ногти отбивали ритм о стойку, а я постепенно замерзала, осознавая, что как-то внезапно, сама того не желая, выпала из этой жизни, превратившись в беззащитную мишень.

Могу поспорить, с моей смертью ничего не изменится: магазинчик, девушка, газировка, телевизор... Всё это останется на месте, а я исчезну, как никому не нужное воспоминание.

— Николас, я обещаю молчать, не задавать глупых вопросов и вести себя тихо. Всего семьсот миль, я не успею тебе надоест, — я шепнула это ему в спину, даже не надеясь, что он услышит. Он сделал еще пару шагов к выходу, а потом остановился, опустив голову.

Проклятая сучка не спускала с него глаз.

Я тоже.

Только в моем случае не было спортивного интереса, лишь жизненная необходимость удержать мистера саму привлекательность.

— В машину, живо... — процедил он, вызывая у меня искреннюю радость. Я совершенно забыла о сучке, высоких каблуках, отсутствии нижнего белья и своем положении недотрупа. Мир теперь не казался мне таким страшным, а мистер мудака не походил на бесчувственного убийцу. Я смело шагнула из тьмы, при этом едва не сбив Николаса со своего пути, и ринулась навстречу свету, вернее темно-синему Aston Martin, ожидающему нас на стоянке.

Оставалось около семисот миль, примерно десять часов пути и встреча с моим отцом, который обязательно всё разрешит.

— Спасибо, Николас...

Мы въехали в город в плотном потоке машин. Я не нарушала обещание и молчала, украдкой поглядывая на мистера само спокойствие, хотя, если хорошо присмотреться, можно было заметить его напряжение: быть может, от всей этой ситуации, быть может, из-за беспокоившей его раны. Мало приятного иметь дырку в боку, и всего на мгновение, слишком быстрое, я его пожалела, правда потом уже пожалев о своей жалости, ибо всё, что с ним произошло — его вина, и в принципе, он это заслужил.

А если копнуть поглубже, намного глубже, чем могли бы копнуть мои мозги, его ранение можно было принять за божье проведение, то малое, чем могла отплатить судьба за его грехи. Заметьте, грехи немалые. Он убивал, убивает и будет убивать людей, считая их мусором, засоряющим этот мир. Он зарабатывает на них деньги и ездит на дорогом автомобиле, скорее всего расплатившись за него кровавыми деньгами, как и за брендовую одежду, приятный парфюм, оружие, в конце концов.

Я задумалась, уставившись на его профиль, и почему-то ощутила себя частью его жизни, не лучшей его частью — не противоположностью, которой я хотела бы себя считать, а его отражением, таким же бесчувственным и аморальным, ведь я знала, чем он занимается, но ничего не предпринимала, не бежала сломя голову в полицию, а наоборот пользовалась его услугами, становясь соучастником преступления.

Оказывается, судить его я не имела никакого права.

И всё же, мне было интересно, смогла бы я убить человека? Ну раз уж я так спокойно отношусь к его хобби.

— Ты хочешь просверлить во мне дырку?

— Что? Нет, нет, прости. Я задумалась.

— Второй раз за сутки... я считаю, — он откровенно надо мной издевался, и лучшее, что я могла сделать, это показать ему язык.

— Я говорил, что у тебя длинный язык? Я пообещал, что помогу тебе добраться до Детройта, но не уточнил, в каком виде. Так что я могу его укоротить.

И, кажется, он не шутил.

Я отвернулась к окну, вглядываясь в постепенно чернеющее небо. Не прошло и двух часов с моей истерики, утреннего солнца, что играл с табачным дымом, а погода уже начала меняться, предвещая проливной дождь, о котором щебетал телевизор на заправке. Мне вспомнилась та покрашенная сучка, и я удовлетворенно улыбнулась, представляя ее разочарованный вид и радуясь своей маленькой победе. И поебать, что эта победа стоит несколько сотен тысяч, которые озвучил Николас, согласившийся мне помочь.

— Что ты планируешь делать? — ну ладно, хорошо, я не могу молчать вечность, тем более мурак вроде как был в хорошем настроении.

— Для начала нам нужно сменить тачку.

— Жаль, мне нравится эта, — я провела ладонью по кожаной обивке сиденья и устроилась поудобнее, на самом деле понимая резонность слов Николаса. Машина слишком заметна, если не сказать, что попросту бросается в глаза — своей роскошью и индивидуальностью, тем более, что Тейт, или как там его, наверняка знает о её существовании.

— Мне тоже.

Первые капли дождя ударили в лобовое стекло, и я вновь взглянула на небо.

Настроение погоды менялось также быстро как и настроение мистера сама привлекательность, потому что следующую мою реплику он заткнул предостерегающим взглядом и последующими словами:

— Ты обещала не надоедать. Помни об этом, когда вдруг решишь вновь поболтать.

Я замерла на полуслове и закрыла рот.

В салоне раздалась телефонная трель, а мистер мудак не торопился его взять, и, кстати, этому поступку тоже было объяснение — его могли вычислить, те, кто устроил за мной охоту.

Я нервно поерзала на месте, пытаюсь избавиться от давления джинс, то и дело напоминающих мне об отсутствии белья.

Мистер сама привлекательность смерил меня убийственным взглядом. Костяшки его пальцев побелели, и, могу поспорить, он тяжело вздохнул. Двигатель работал мерно и слаженно, посылая в салон приятное слуху рычание двенадцати цилиндров.

Я виновато улыбнулась и пожалала плечами, извиняясь за лишние неудобства в виде моих нелепых телодвижений. Дождь начал отчаянней стучать по стеклу. Хотелось есть, спать и в туалет. Хотелось стакан прохладного грейпфрутового сока и горячую ароматную ванну, спрятанную под облаками пены. Хотелось нормального человеческого комфорта: чистой одежды и возможность привести себя в порядок.

Я чувствовала нарастающую усталость от бессонной ночи, проведенной в квартире Николаса, поэтому чуть откинула спинку сиденья, приняв полулежачее положение. Говорить о своих желаниях мистеру тысяча настроений было страшновато, хотя, думаю, он был бы не против такого расклада.

Глаза постепенно слипались, и я не заметила как задремала. Только когда сбоку хлопнула дверца, я открыла глаза и непонимающе уставилась в залитое дождем лобовое стекло. Впереди, чёрной точкой, маячила высокая фигура Николаса, направившегося к широкой двери одноэтажного здания, напоминающего какой-то склад. По обе стороны от дороги стояли разномастные машины, разных возрастов и размеров: седаны, купе, минивены, огромные внедорожники — всё, что я смогла рассмотреть через пелену дождя, обступившего меня со всех сторон.

Чтобы хоть как-то развлечь себя, я начала переключать радио — диски в машине отсутствовали напрочь, видимо, Николас не был меломаном, а судя по его поведению, так и вообще предпочитал тишину.

Прошло ровно двадцать минут с его ухода.

Мне становилось не по себе, и я то и дело поглядывала на дверь, в которой он исчез. Широкая железная махина не собиралась его выпускать, вызывая у меня искреннее беспокойство.

Нервы накалялись с каждой последующей минутой, пока я не решила сходить за ним.

Прохладный дождь обрушился на меня непрерывным потоком, я же безрезультатно старалась прикрыть себя руками, чувствуя, как постепенно намокает одежда, а волосы начинают приобретать вид сырых паклей.

Женщина во мне вновь запротестовала.

За то время, что я бежала до двери, я успела промокнуть насквозь, а Николас всё также оставался внутри.

Выйти под дождь было плохой затеей, зайти в здание — ещё хуже, потому что как

только я оказалась внутри, то сразу наткнулась на мистера мудака, тут же развернувшегося на шум. Вместе с ним развернулся и парень, стоящий с ним рядом и громко присвистнувший. Он нахально уставился в район моей груди, где уже обитал взгляд Николаса, и широко улыбнулся, наверняка находя мой вид забавным.

Или... стоп...

Это было ощущение дежавю.

Я вспомнила гостиную в квартире мудака, вспомнила Тейта и слова про прекрасное зрелище. Я опустила взгляд и прошипела сквозь зубы, тут же неловко обнимая себя за плечи.

Мне было стыдно настолько, что я не могла произнести ни слова в свое оправдание.

Моя грудь поздоровалась со всеми просвечивающими через ткань сосками и ореолами вокруг них.

Николас в несколько шагов преодолел расстояние между нами и встал вплотную ко мне.

— Подними руки.

— Что? — я смотрела на него растерянно и непонимающе, пока он не сжал челюсти и не дернул уголком рта, что означало, скорее всего, крайнюю степень его раздражения.

Больше мне повторять не пришлось, и я в полном недоумении подняла руки.

Он ухватился за края моей майки, на секунду коснувшись меня кончиками пальцев, и одним резким движением сдернул её, оставляя меня по пояс обнаженной.

В голове пронеслись грязные мысли о том, что часть обещанного ему вознаграждения мне придется оплачивать телом, причем его друг тоже будет иметь долю. Я мельком взглянула в сторону незнакомца и поджала губы, быть может ища поддержки, быть может, желая удостовериться в ошибочности моих выводов, но молодой парень продолжал смотреть в спину мудака ошарашенным взглядом.

Моя майка мокрым пятном приземлилась на пол, Николас смотрел мне в глаза, благородно не спускаясь ниже. Таким же резким движением он снял с себя футболку, вывернул её и сунул в мои дрожащие руки.

— Одевайся.

Моей скорости позавидовал бы даже матерый морпех, одевающийся за сорок пять секунд.

Его футболка была влажной от дождя, но ещё хранившей его тепло, как и его запах, заставивший меня сделать глубокий вдох, как только ткань коснулась моего лица, позже осев на плечи и прикрыв всё самое главное.

Я сказала тихое спасибо и облегченно выдохнула — мое тело останется при мне и не будет использовано в грязных целях.

Незнакомец расслабился тоже, но, чувствуя настроение Николаса, не посмел улыбнуться, а потом и вовсе отвернулся, склонившись над столом.

А я не могла отвести взгляда от удаляющейся от меня спины с приклеенными на пластырь марлевыми салфетками, закрывающими рану. Кстати, она кровоточила, а мистер сама привлекательность делал вид, что ничего не происходит.

Не удивлюсь, если кроме обезболивающего он вкалывает себе дозу адреналина. Мне бы она тоже не помешала. Белая майка валялась у моих ног бесформенной кучей материала, а я неловко одергивала края длинной мне футболки, не зная, что делать дальше: либо подойти к столу и принять участие в дискуссии, в принципе, касающейся и меня, либо остаться на месте и притвориться неодушевленным предметом. Николас не дал мне никаких указаний, и я не нашла ничего лучше, чем маленькими шажками продвигаться по направлению к ним.

Вокруг меня было бывшие офисное помещение, с кое-где оставшейся офисной мебелью, когда-то чистый пол, выложенный светлым ламинатом, грязно-белые стены, заляпанные приклеенными на скотч постерами рок-групп и не совсем одетых девушек. Висящие на потолке лампы, без колпаков, местами мигающие. Полный хаос на полках, установленных по периметру: ключи, запчасти, бутылки с маслами и промасленные тряпки — всё слилось в один большой беспорядок, который вряд ли бы удовлетворил мистера перфекциониста, содержащего свою квартиру в вылизанной чистоте.

Николас был здесь совершенно чужим, что не вязалось с панибратскими отношениями с молодым незнакомцем.

— Кто так тебя, друг? — спросил он, когда мудак подошел к столу, сверкая своим накаченным, о святые угодники, идеальным торсом. Какая потеря для пресса: с занятиями в спортзале придется несколько повременить.

— Работа.

Его друг не пошел дальше в расспросах, лишь сел на край стола и закурил сигарету.

У меня вновь потекли слюнки и к тому же заурчало в животе.

В наступившей паузе это прозвучало угрожающим рычанием.

— Простите, — я извиняюще улыбнулась, и незнакомец улыбнулся мне в ответ.

— У меня есть пончики, будешь?

Уговаривать меня не пришлось и я живенько подошла к протянутой им коробке, уже чувствуя к нему симпатию. Вообще, как оказалось, мое расположение легко купить. Учитель, мистер сама привлекательность. Один пончик и я ваша. Николас взглянул на меня исподлобья, но я продолжала мять угощение, нисколько не стесняясь паренька, смотрящего на меня с добрым пониманием.

— Меня, кстати, Дейви зовут, — он протянул мне руку, не слишком чистую, замазанную ввевшимся в кожу машинным маслом, мазутом или литолом. В ответ я протянула свою — замазанную сахарной пудрой. Вот так мы и подружились под уничтожающий взгляд мудака, нисколько не разделяющего нашего настроения. — Там кофе, — указал он на небольшой столик со стоящей на нем кофеварке, — правда остывший.

— Спасибо, — я не торопилась выпускать его руку, глупо улыбаясь и раздумывая над тем, как же очаровательны люди в своей простоте и дружелюбии. А Николасу определенно было чему поучиться у своего друга.

Наконец наши пальцы расстались, и я потянулась к столику за кофе, оставляя их общество. Их разговор был в приглушенных тонах, но я всё равно слышала каждое слово и впадала в некое подобие обреченной тоски. По-видимому, Дейви был в курсе хобби Николаса и прекрасно знал, с кем тот связался. Он не давал ему никаких шансов на хороший исход, изредка косился на меня и ободряюще улыбался, наверняка думая, что я не прислушиваюсь к их разговору.

Мистер мудак стоял на своем и не собирался отступить.

Даже через расстояние я чувствовала его уверенность, которая в какой-то момент начала восхищать.

Дейви считал его безумцем, я же настоящим мужчиной.

От пончика осталась лишь липкая влага на моих пальцах, кофе превратился в небольшой осадок на дне стакана, джинсы противно липли к телу, и мне до ужаса хотелось их снять. Николас бы этого не одобрил точно, а вот Дейви повеселился бы сто процентов.

Рост мистера сама привлекательность переваливал за шесть футов, я оценила его брюки

и длину своих ног — мои ноги проигрывали его ногам в добрых семи дюймах. Идея снять джинсы отпала сама собой.

— Ты не сможешь проскочить, Ник, не удивлюсь, если дороги перекрыты. Зависни где-нибудь на пару деньков, — Дейви уже курил вторую сигарету, загнав её в уголок рта и выпуская дым через второй. Выглядело это забавно, тем более на фоне его серьезного обеспокоенного лица.

Я совершенно не вовремя начала икать. Их разговор прервался, и оба, как по команде, повернулись ко мне.

Блядь, нелепее ситуации не придумаешь.

— Я замерзла... всего лишь... и кофе, кстати, был холодным.

Николас раздраженно выдохнул, а Дейви сочувственно кивнул.

Этот парень мне нравился всё больше.

— Ладно, нам пора. Она имеет привычку засыпать в самых неожиданных местах, — мудако резко выпрямился и протянул руку Дейви. Ключи от машины сверкнули блеском металла, а потом брякнулись в ладонь мистера сама привлекательность, тут же сжавшего их в кулак. — Ты знаешь, что делать с моей машиной. Спасибо за помощь.

— Удачи вам, — Дейви, широко улыбаясь и чуть не выпустив сигарету из зубов, хлопнул Николаса по плечу и протянул руку мне. Я не заставила себя ждать, отлипнув от столика и подойдя ближе. Короткая встреча, быстрое расставание. — Всё будет хорошо, красавица, ты в надежных руках.

Мне вновь захотелось плакать и, вместо того, чтобы пожать его руку, я бросилась ему на шею, обнимая по-дружески крепко.

Со стороны это выглядело довольно-таки душещипательно, но мудака несколько не тронуло.

— Спасибо, Дейви.

Его улыбка останется в моей памяти навсегда — я это точно знала, как и то, что больше мы никогда не увидимся, не пересекемся, не встретимся, ворочаясь в разных мирах и шагая по грани. Это странно, как мимолетные знакомства могут застревать в памяти, но именно таких людей мы помним всю свою жизнь. Я тоже собиралась... помнить.

— Пока, — я помахала ему пальчиками перед самым выходом и поспешила за Николасом, вновь вступив под проливной дождь. Села в машину, ощущая непонятную тоску, и крепко сжала зубы, чтобы совсем не раскиснуть. Машина двинулась по дороге, мистер сама привлекательность молчал и смотрел в сторону, разыскивая нужный автомобиль. Я гадала, каким он будет. Не угадала — мы остановились напротив неприметной белой Toyota Corolla, которую так полюбили американцы за её практичность и надежность.

Если честно, я думала о Ford Focus, но мудаку было виднее, раз уж он взялся доставить меня на место.

— Пошли, — он припарковался рядом и выключил зажигание.

Это было мое второе прощание за последние десять минут. Стало ещё тоскливей, и я замешкалась, мысленно расставаясь с машиной. Этот запах — горький, включающий в себя аромат натуральной кожи и ненавязчивого ароматизатора, я постараюсь запомнить и, быть может, когда-нибудь куплю себе точно такую, с точно таким же ароматизатором, и с элегантным парфюмом, которым здесь пахло тоже.

Казалось, Николаас чувствовал мои переживания, и в его взгляде мелькнуло понимание. Он не торопил меня и не нарушал тишину, позволяя мне по полной прочувствовать эти

мгновения. Его пальцы продолжали сжимать руль, большой палец ласкающе скользил по кожаной оплетке, туда-сюда, нежными поглаживаниями. Я замороженно смотрела на его движения.

— Если честно, я буду скучать по ней. Отличная машина.

— Согласен.

Он резко сбросил руки, словно пытаюсь избавиться от меланхолии, и потянулся назад, за лежащей на заднем сидении сумкой. На половине дороги Николас завис и, крепко сжав челюсти, закрыл глаза. Его ресницы трепетали, как и ходящие ходуном от частого дыхания ноздри. Ему было чертовски больно, и я положила ладонь на его плечо. Оно было гладким и твердым, мои пальцы ни в какую не хотели лишаться такой приятности, и я не торопилась отдернуть руку.

— Я сама, ладно?

Он коротко кивнул, не открывая глаз, и сел на место, откинувшись затылком на подголовник. Я быстро достала вполне увесистую сумку и положила её на его колени.

— Спасибо.

— Обращайся.

Мы вышли из машины одновременно; одновременно хлопнули дверцами; одновременно посмотрели друг на друга через стену настырного дождя и одновременно сделали шаг прочь от темно-синего Aston Martin.

Теперь нашим другом на ближайшие десять часов станет Toyota Corolla, в жизненных приоритетах которой доставить нас до Детройта и при этом не привлечь внимание.

Один этап пройден.

Честно говоря, новая машина, везшая наши задницы по улицам города, не смогла развеять драматичную тоску, охватившую меня после расставания со старой, не в плане рухляди тачки, которую Николас оставил на стоянке, под проливным дождем, одинокую и чужую среди посредственных машин, наверняка взирающих на неё с жалостью и в тайне завидующих её богатому положению. Они завидовали её дорогому виду, дорогой начинке и дороговизне сборки, я же завидовала сухой футболке мудака, которую он извлек из своей сумки и тут же надел на себя в то время как я оставалась в насквозь мокрой одежде.

Благо без своей развратной майки, но всё же... это нисколько не умиляло моего положения всё той же мокрой курицы, мечтающей только об одном: снять со своей задницы противно прилипшие к ней джинсы. Они обтянули меня словно вторая кожа, и мне становилось откровенно холодно, я то сжимала, то разжимала колени, пыталась привстать и даже незаметно расстегнула пуговицу, хлопала себя по бедрам ладонями, растирая их и не обращая внимания на изредка соскальзывающий на меня взгляд мистера сама привлекательность.

Его футболку, кстати, я сняла бы тоже, и похер, что он обо мне подумает — здоровье дороже.

— Ты перестанешь это делать?

Николас не выдержал первым, и я отчетливо почувствовала его раздражение, когда он процедил этот вопрос сквозь зубы. Просто взял и выжал из себя, напомнив мне мясорубку, наконец выплюнувшую в миску долго сопротивлявшийся ей фарш.

— Что делать?

— Ты прекрасно меня понимаешь, Лалит.

Легкий поворот головы, его неоднозначный взгляд, в котором черт ногу сломит, и гудок проезжающего автомобиля, чуть не задевшего крыло арендованной нами машины.

Мистер спокойствие оставался мистером спокойствием, никак не отреагировав на глупую отчаянность придурка-водителя, безмозгло выползшего на встречную. Я же застыла как вкопанная, ещё не до конца осознав, что только что произошло. Казалось, вся вселенная была против моего существования и подыгрывала тем, кто хотел меня убить. Отличный расклад — уверенность в том, что мы доедем до Детройта пошатнувшись, процент везения упал на несколько десятков вниз, я же почувствовала себя нелюбимчиком судьбы.

— Ты побледнела.

А Николас продолжал издеваться.

— Да, мистер сама привлекательность, я побледнела. Только представь. Не каждый день мне выпадает счастье попасть под дуло пистолета и узнать, что это неслучайно. Что на самом деле эта херня планировалась ещё несколько недель назад. Не каждый день я знакомлюсь с простреленным убийцей, скачущим по чужим машинам и только мечтающим от меня избавиться. Не каждый день узнаешь, что у отца какие-то к херам обстоятельства, поэтому он не может мне помочь, — я говорила это, редко отвлекаясь на дыхание; усиленно жестикулировала, тыкая пальцем куда-то вперед; натягивала ремень безопасности и старалась развернуться в сторону мудака, чтобы он мог по-настоящему познакомиться с моим гневом.

Николасу было совершенно поебать на мою вспышку злости, он продолжал смотреть на

дорогу, изредка бросая на меня равнодушный взгляд, и это заводило меня ещё больше.

— А теперь только подумай: мне выпал шанс, мааленький такой шанс, выйти из всего этого дерьма живой, а тут какой-то придурок на своей колымаге чуть не впечатался в нашу машину. В конце концов, я хочу есть, хочу в туалет, а ещё я замерзла. Замерзла, блядь, потому что я мокрая. Насквозь мокрая. Я устала... я правда устала, Николас, — последние мои слова как-то сдулись, сдулась и я, сразу поникнув, опустил плечи и спрятав сложенные в молитвенном жесте ладони между ног.

Кричать в каменную стену было бесполезно.

Мистеру сама привлекательность было всё также поебать. Могу поспорить, что он был бы рад запихнуть меня в багажник и остаток пути проделать в полном одиночестве и спокойствии.

Единственное, что он сделал после всего мною сказанного — это изменил параметры кондиционера, отчего на меня повеяло откровенным жаром.

— Спасибо, мистер мудака.

Пистолет, лежавший рядом с переключателем скоростей, переключался в руку Николаса, а потом уверенно уперся в мой висок, обжигая его холодом стали.

Я тяжело вздохнула — это мы уже проходили, появлялась привычка пофигизма на смертельную игрушку убийцы. Только представьте, к этому тоже можно привыкнуть.

— Повтори.

— Спасибо, милый-милый Николас, — я не скрывала сарказма, не сдерживала наигранно вежливую улыбку, не пыталась избавиться от внимания пистолета.

— Запомни, Лалит, мы не друзья, совсем не друзья. Я могу с легкостью пристрелить тебя, а заодно и твой длинный язык. Двести тысяч не удержат меня, ты поняла?

— Да, поняла. — И даже эта его реплика не навела на меня страх, скорее потому, что я действительно привыкла, либо была уверена, что он этого не сделает. Ни за что не сделает, даже если я назову его ублюдком, дерьмом и нелюдимым динозавром. — Прости.

Висок обрел свободу, а мистер сама привлекательность одарил своим вниманием дорогу. До выезда из города оставалось меньше мили, я повернулась к окну и начала вглядываться в пробегающие мимо здания. Когда-то, а если быть точнее около двух недель назад, я также вглядывалась в них, с жадностью глотая детали и ожидая от этого города чего-то большего, чем обычная точка на карте.

Я ожидала, что найду здесь дом — ошиблась, как ошибалась десятки раз, последние два года переезжая с место на место. Признаться, обрести его означало для меня найти покой от воспоминаний, от прежней жизни, принять прошлое и отпустить его, прийти к настоящему и наконец простить отца. Кто знал, что именно страх перед смертью, как и знание того, что Энтони в опасности, сможет сдвинуть айсберг с места и толкнуть меня на встречный шаг, в Детройт, где и ждал меня папа.

Николас начал сбавлять скорость, тем самым заставляя меня вынырнуть из собственных мыслей. Я тревожно посмотрела в лобовое стекло, на образовавшуюся впереди пробку, размытую, как и все остальное серой пеленой дождя, и повернулась к мудаку, ища в его профиле ответы. Он был обманчиво спокоен: расслабленная поза; одна рука, сжимающая руль, и другая — лежащая на переключателе скоростей; ленивый наклон головы чуть вправо; без напряжения: губы, подбородок, скулы. Только пристальный взгляд в даль выдавал его подозрения, постепенно набирающие обороты.

Дейви мог оказаться прав...

— Николас...

— Тшщ, помолчи, Лалит.

Я покорно заткнула рот и вжалась в сиденье, не переставая следить за его движениями. Мне было страшно, страшно настолько, что я предпочла бы выбежать из машины, под сильный дождь, чем слушать эту гнетущую тишину.

Наконец, мы доехали до тупика и уперлись в зад старенького Fiat, точно так же, как и все, попавшего в пробку. Сзади нас пристроился огромный внедорожник, мелькнувший фарами в зеркале заднего вида.

Николас вцепился в руль двумя руками и оперся о полученную конструкцию лбом.

Я догадывалась, о чем он думает, и от этого становилось ещё тяжелее.

Слишком много времени мы потратили зря, и эти "кто-то мои заказчики" успели предпринять меры.

— Не успели, — четко сказал мистер сама привлекательность, при этом резко подняв голову и дав задний ход. Огромный внедорожник подал сигнал и замигал фарами, угрожая нам расправой при любом маневре. Николас, как и в разговоре с Дейви, не собирался уступать. Он вновь дернулся вперед и дал чуть вправо, выиграв для нас несколько дюймов. Fiat впереди двинулся с места, подарив нам возможность вновь дать назад и вновь вперед, и опять же вправо. Мы постепенно выезжали из колонны машин, при этом всё больше раздражая угрюмый Dodge, готовый подмять под себя маленькую по сравнению с ним Toyota, настырно двигающуюся к цели.

Николаса не остановил бы даже танк, и я вновь поддалась слабости, восхитившись его смелым упрямством. Дейви оказался прав не только в том, что дороги перекрыли, но и в том, что я находилась в надежных руках. Впрочем, эти руки были заинтересованы выжить, ведь мистер мудак находился в том же положении, что и я. То есть... в ловушке. Он подтвердил мои догадки, включив карту города на экране и задав вопрос в поисковик о пробках.

Они были на всех выездах из города.

И я впервые серьезно задумалась о том, кто за мной охотится. Этот вопрос поселился в моей голове, и я боялась его озвучить так же сильно как и боялась оставить его неозвученным. Ситуация всё больше накалялась, а Николас как назло молчал, наконец выбравшись из ряда машин и перестроившись на другую полосу. Гигант-Dodge остался далеко позади.

— Это не конкуренты отца, да?

— Называй вещи своими именами, Лалит. И да, это не мафия.

Моё сердце гулко ударилось о ребра, и кончики пальцев чуть ли не покрылись инеем. А дождь всё продолжал барабанить по стеклу, словно издеваясь над нами, словно показывая, что его планы нарушить никто не может... в отличие от наших.

— Я имею право знать правду. Слышишь? Ты слышишь меня?

— Я не глухой.

— Так скажи, черт бы тебя побрал.

— Тебе лучше не знать.

— Я уже слышала это.

Он начинал меня выбешивать, и я вновь заводилась, совершенно забыв про усталость, мокрую одежду, капкан, в который мы так глупо попали. Казалось, что цель моей жизни теперь только и состояла в том, чтобы узнать, кто — кто хочет стереть из списков живых

фамилию Нери.

Николас кинул на меня мимолетный взгляд, показал пальцем на сумку и коротко приказал достать сигареты. Первая затяжка досталась мне, а потом зажженная мною сигарета перекочевала в изящные пальцы мудака.

Он сделал глубокий вдох и, вытянув губы трубочкой, выпустил из себя дым, всего на мгновение скрывший за собой и без того занесенную дождем дорогу. Я непроизвольно обхватила удерживающий меня на месте ремень, осталось чуть-чуть до грани и я вцеплюсь в его горло. Обещаю.

— Я не могу тебе этого сказать, Лалит.

— Господи, кто они? CIA? FBI? NSAC? Какая-то тайная организация по борьбе с преступностью? Но ведь я не преступник, Николас. Я не сделала ничего из того, за что меня можно бы было убить.

— Именно поэтому ты жива.

В подтексте это звучало как: именно поэтому я тебя не убил. А это значило, что он пошел против системы, против того, на кого работал, и чьих методов, по ходу, не разделял. Чертов мудака был не безнадёжен, даже более того, он был паталогически болен чувством справедливости, иначе стал бы он рисковать собственной жизнью?

Вырисовывалась совершенно идеальная картина совершенно идеального отрицательного-неотрицательного героя, в которого по обыкновению влюблялись главные героини-дурочки.

Я дурочкой не была и не собиралась в него влюбляться, зная, кто он был на самом деле.

Мой вопрос остался без ответа, а мистер сама привлекательность ехал в район, пользующийся дурной славой и избегаемый приличными гражданами. Я — жившая здесь чуть более двух недель, тоже об этом знала, хотя это не остановило меня лично удостовериться в слухах и проехать по нему на своей машине — её пожирали жадными взглядами, чуть ли не на ходу снимая колеса. Николас же совершенно уверенно лавировал на улицах современного гетто, населенного латиноамериканцами и неграми, погрязшими в бедности и преступности.

Я впервые засомневалась в его благоразумии, и вопрос, шаявший в мозгу едкими искрами, постепенно угас.

Дворники мерно ворочались из стороны в сторону.

Николас прижался к убогому зданию, построенному, наверное, ещё в начале двадцатого века. Обыкновенное кирпичное, оно было затеряно в череде таких же зданий, казалось, готовых вот-вот разрушиться. Но шли года, а они стояли, как и этот район, не выползающий из нищеты.

На вывеске красовался рожок ванильного мороженого, чашка кофе и аппетитный маффин, который бы я проглотила даже не пережевывая. Кофе перед нами не выглядело популярным, более того, оно казалось заброшенным, вымершим, закрытым, но, несмотря на это, в моем желудке предательски заурчало. Я неловко дернулась в надежде заглушить утробные звуки движениями, Николас посмотрел на меня с видимой снисходительностью.

Давай, мистер мудака, ты можешь издеваться надо мной сколько тебе вздумается и даже не надейся, что я удовлетворена твоим молчанием по поводу моего вопроса.

— Я советую не отставать от меня, — на этих словах Николас взял сумку, характерно поморщился, скосившись набок — прямо как кукла, управляемая кукловодом, выронившим из пальцев одну сторону крестовины. На его лбу выступила испарина, и на скулах заходили

желваки.

— Тебе помочь?

— Дай мне время, — прошипел он, и я, освободившись от давления ремня, затихла.

Мой желудок вновь дал о себе знать. Пончика, по-видимому, оказалось маловато.

Мистер сама привлекательность шевельнулся в сторону дверцы, я сделала тоже самое.

Мы вновь одновременно вышли под дождь, могу поспорить, нам позавидовали бы синхронистки-победительницы олимпиад, обладающие многочисленными наградами.

Дождь не желал сдаваться и буквально за несколько секунд уравнил наше с Николасом положение. Он был таким же мокрым, как я, с разницей в том, что нес это достойно, расправив плечи и изредка облизывая губы от попадающей на них воды. Я же предпочла вжать голову в плечи и прикрыть её двумя ладонями, выстроив их в домик. Тяжелая дверь, не раздумывая, поддавалась силе мудака, а я подумала о том, что крайне глупо монтировать такую дверь в кафе — детки могли остаться и без мороженого.

В этот раз присвистнула я, оказавшись вовсе не в кафе, а в настоящем баре со стойкой у противоположной стены и полками с расположенным на них разномастным алкоголем. Если Николас хотел напиться, то я, собственно, была не против.

Столы и стулья по сторонам, игровые слоты, запрещенные в городе, бильярдные столы в отдельной зоне — всё как в лучших заведениях для непредвзятого люда, не желающего разбираться в количестве вилок на столе. На вилки мне было совершенно похер, даже если они тут не прилагались к тарелкам, а вот амбал латинской внешности за стойкой заставил насторожиться.

Я неосознанно искала защиты у мистера сама привлекательность, поэтому не отставала от него ни на шаг, то и дело касаясь его руки своим плечом.

— Ник, черт бы тебя побрал, какими судьбами?

А у мудака было много друзей — много для убийцы-затворника, жившего в затерянном лакокрасочном заводе, о котором я даже не подозревала раньше.

— Привет, Рэй, мне нужен кров. Ты не против?

Рэй слегка нахмурился, то ли не желая видеть Николаса в своем кафе-баре, то ли подозревая, что с ним приключилось что-то из ряда вон выходящее, которое может случиться и с ним. Татуировка на его плече натянулась от напрягшихся мышц, когда мужчина оперся о стойку, агрессивно расставив руки и уставившись на мистера мудака настороженным взглядом.

— Что-то случилось?

— Случилось. Так что?

Всё это время я пыталась не появляться из-за спины моего недоубийцы, чтобы не навлечь на себя тяжелый взгляд бармена. Вера в то, что Рэй был другом мудака, постепенно превращалась во что-то эфемерное. Я готовилась податься назад, если вдруг амбал решит познакомить нас с припрятанным за стойкой дробовиком.

Николас чувствовал себя вполне уверенно.

— Надеюсь, ты свалишь отсюда как можно быстрее, — губы Рэя вытянулись в улыбке и он протянул руку, чтобы поздороваться с мистером сама привлекательность, улыбнувшись тоже. Да-да, той самой едва уловимой улыбкой.

Я наконец вздохнула спокойно и вышла из своего укрытия, привлекая внимания Рэя к себе. Он изучающе оглядел меня и молча мотнул головой в мою сторону. Это было похоже на сговор двух шпионов, имеющих свой собственный язык жестов.

Теория о секретной организации теперь казалась мне идеальным вариантом.

— Она со мной.

— Пятый номер, — Рэй слегка нагнулся, показывая нам бритую голову, и положил ключи на стойку, тут же подхваченные мудаком. В ответ на стойку легли четыре сто-долларовые купюры, на которые я посмотрела с изумлением — если это цена за сутки, то нас ожидал роскошный номер с ванной и плазмой. Я предвкушала шелковое белье и бесплатный алкоголь в мини-баре.

Мои фантазии насчет этого развеялись как только я зашла вслед за Николасом и закрыла за собой дверь. Цена такой конуры была минимум двадцать баксов, а если быть более точным, она не стоила ни хуя. Я разочарованно облокотилась о стену, вдыхая пропахший табачным дымом воздух и рассматривая скупой на отделку номер с грязно-голубыми обоями и желтоватым потолком.

— Четыреста долларов? За это? — вопрос вылетел сам собой, и я прикусила губу, боясь навлечь на себя недовольство Николоса, до сих пор не объяснившего, что мы здесь делаем. Хотя... не трудно догадаться, что он решил залечь на дно и повременить с отъездом из города.

Ситуация становилась всё более херовой.

— Номер бесплатный, столько стоит молчание.

Если бы я умела молчать, то давно стала бы миллионершей.

Молчать я не умела точно.

— И здесь одна кровать.

Его брови издевательски взметнулись вверх, в уголках губ притаилась ухмылка, и он скользнул по мне намеренно похотливым взглядом. Шаг в мою сторону, ещё один... стена, к которой я прилипла и от которой не собиралась отлипнуть. Постепенно нарастающее волнение и проклятая дрожь, видимая невооруженным глазом.

Ты нисколько не волнуешь, меня мистер мудака.

— Здесь нет двухместных номеров, Лалит. Но ты можешь выбрать отдельный, только не вздумай оставлять дверь открытой, помни, где мы, — последний слова он кинул в мою сторону, когда подошел к двери и чуть приоткрыл её, по-видимому собираясь уйти.

Я нервно сглотнула и вновь посмотрела на кровать.

Я не была ребенком и подозревала к чему может привести ночь в одной постели с мужчиной. Успокаивало одно — этот мужчина был ранен и морщился при резких движениях. Если думать логически, толкаться в меня ему тоже будет больно. Мазохистом он не был, раз вкалывал себе обезболивающее, которое осталось в его квартире. Так что, чисто теоретически, я могу быть спокойна.

Я улыбнулась ему, до сих пор стоящему в дверях и ждущему от меня ответа, провела рукой по волосам, зачесывая их назад, и смело шагнула вперед, соглашаясь с его условиями.

— Хорошо.

— Тогда закройся, я съезжу в аптеку и куплю что-нибудь перекусить.

Я застыла на месте, прокручивая в голове слова про аптеку. Все мои аргументы вспыхнули ярким пламенем.

За спиной хлопнула дверь и послышались удаляющиеся шаги.

И если честно, часть меня удовлетворенно хмыкнула...

Это было воистину жуткое и неприятное место, жуткое не потому, что здесь, вполне возможно, собирались одни отморозки, компанию которых мы дополнили, а скорее потому, что здесь было действительно грязно, поэтому первым делом я по-хорошему рассмотрела постельное белье, на удивление чистое и ещё сохранившее аромат кондиционера. Это успокаивало, скопившаяся на тумбочке пыль — нет, местами прожженный ковролин тоже. Свисающие с карнизов занавески, больше похожие на застиранные тряпки; тусклые светильники; не совсем молодой шкаф, по-видимому купленный на барахолке, либо испытанный на своем веку столько, что его в пору пожалеть. Я правда пожалела его — после того, как едва успела подхватить сорванную с петель дверцу, чуть не прихлопнувшую меня своей тушей. Благо хотя бы в весовой категории я ей не уступила, поэтому все её коварные планы были пресечены выставленными вперед руками — вселенная не собиралась сдаваться в желании укокохать меня, я же не собиралась так просто мириться с этим. Также как не собиралась больше ничего трогать, впереди меня ждал горячий душ, сухое полотенце и еда, обещанная мистером сама привлекательность, свалившим отсюда в неизвестном направлении.

Ванная встретила меня ржавой раковиной, убогим душем, облезлым зеркалом, в отражении которого я с трудом себя узнала. Тут даже можно было поспорить: кто из нас с зеркалом выглядел более облезло, по крайней мере у него не было спутанных волос, растерянного взгляда и затравленного вида. Мне вновь становилось за себя стыдно, поэтому я расправила плечи и одним движением сняла футболку Николаса, безжалостно закидывая ее в угол.

За стеной раздался гул толпы и жаркие рыки рестлеров, мочкующих себя на ринге.

Мне показалось, что стены нет совсем, так отчетливо слышались голоса.

Я даже потрогала её пальцем, подойдя к ней на цыпочках и для пущей уверенности ударив ладонью. Стена выстояла, постоялец за ней бросился в меня смачным ругательством, а я показала ему средний палец и продолжила раздеваться, уже с трудом стягивая с себя джинсы, которые ни в какую не хотели расставаться с моими бедрами. Кажется, в тот момент я пообещала себе исключить их из гардероба совсем.

А мистер мудак до сих пор не возвращался, и я напрасно прислушивалась к шагам за дверью. Он не вернулся даже после того, как я приняла душ, совсем не торопясь, по полной наслаждаясь успокаивающими струями и намыливая себя так отчаянно, что кожа безбожно покраснела, и в это время я думала, что для того, чтобы чувствовать себя человеком, на самом деле нужно совсем немного. Оказывается, раньше я не понимала многих вещей, сейчас же моя философия постепенно менялась. Я даже была благодарна судьбе за то, что она показала другие стороны жизни, помогшие мне расставить приоритеты — дорогой клуб не значит счастье, фирменный шмотки не значит комфорт, лощеный денди не значит настоящий мужчина. В данную минуту меня искренне радовало чистое сухое полотенце, вполне удобная кровать и Николас, рискующий ради меня, ну и пары сотен тысяч, конечно, жизнью.

За окном темнело. Волосы высохли в творческом беспорядке, и я до сих пор была в полотенце, как преданный щенок ожидая мистера сама привлекательность, который не то что не торопился, он вообще забыл про меня совершенно.

Становилось холодно и неудобно, и каждый шорох за дверью воспринимался мной как маленькая надежда увидеть этого засранца, по-видимому, решившего меня здесь оставить. Наверное, это было бы его лучшее решение, потому что в таком случае шанс выжить самому превращался из призрачного в реальный, а вот мое положение можно бы было назвать безвыходным.

Нижняя губа предательски задрожала, и я обняла подушку, свернувшись в калачик на кровати и уставившись на дверь. Я молила её наконец открыться и пропустить в комнату мистера мудака.

Она услышала мои молитвы, потому что внезапный стук, пусть и тихий, заставил вскочить с кровати. Я мигом подлетела к двери и, не задумываясь о том, кто там может быть, открыла её нараспашку, с улыбкой облегчения натыкаясь на Николаса, держащего в руках бумажные пакеты.

— Считай, ты уже мертва, Лалит.

Его наша встреча не обрадовала точно.

И лицо у него было, мягко говоря, перекошенным от гнева.

Я недоумевающе смотрела в его спину, пока он проходил мимо меня и кидал пакеты на пол рядом с кроватью.

В комнате запахло чем-то съедобно вкусным, отчего я повела носом и скинула с себя оцепенение.

— Почему?

— Потому что перед тем как открыть дверь, нужно узнать, кто за ней стоит, — Николас повернулся ко мне, довольно резко, смерив меня злым, о святые угодники, по-настоящему злым взглядом. Я опасливо сделала шаг назад, для чего-то прижав руки к груди и вцепившись в беззащитное полотенце. Уголок рта мистера мудака как-то судорожно дергался, выдавая рокочущий в нем гнев.

Съедобно вкусный запах меня больше не интересовал, только причина беспричинной ярости Николаса, прожигающего меня тяжелым нахмуренным взглядом, который вмиг лишил его титула мистера спокойствие. Я даже боялась вытянуть язык.

— Еда и одежда в пакете, — бросил он, наконец перестав сверлить во мне дырку и, взяв свою сумку, скрылся в ванной, при этом так громко хлопнув дверью, что я неосознанно подскочила на месте, вместе с пустившимся в испуганный галоп сердцем, трепещущем в моей груди.

Упоминание о еде возымело эффект, и спустя минуту я вышла из оцепенения, крадучись подобравшись к пакетам.

Мистер мудак был само очарование.

Он позаботился о моем гардеробе, купив целомудренное платье чуть выше колена, тёмно-бардового оттенка, напомнившее мне форму наших горничных. Проклятые джинсы, как назло оказавшиеся на два размера больше и сползающие с моих бедер. О Боги! Он даже купил мне ботинки, обычные черные, с металлическими заклепками по верхнему краю. Кто же знал, что они тоже окажутся велики, всего лишь на размер, ладно, но это заставило меня задуматься над тем, как я выгляжу со стороны. Особенно меня беспокоили джинсы...

Я задумчиво посмотрела на них, разложенных на кровати, и задрала полотенце, чтобы ощупать свои бедра и ягодицы. Мои бедра были моими бедрами, ягодицы — ягодицами, а значит, глазомер Николаса был сбит. Интересно, как с таким глазомером он справляется с заказами.

— Не помешал?

Мои руки резко соскользнули с задницы, полотенце вернулось на место, и я тупо улыбнулась, чувствуя, как щеки заливают румянец.

Блядь, ты как всегда во время.

— Нет, нисколько, — я обернулась к нему с все той же тупой улыбкой и развела руки в стороны. Он вернул былое спокойствие, былую серьёзность и былой сарказм. Отлично, эту ночь я могла ночевать на кровати, а не под ней, дрожа от страха. Мы смотрели друг на друга несколько миллисекунд, если таковые вообще имеются, а потом я вернулась к содержимому пакета, удивившего меня ещё больше.

Потому что там лежал комплект нижнего белья.

Красивый такой комплект красного оттенка.

Кружевной и, судя по лейблу, не дешевый.

Вот только... на два размера больше.

Я приняла это за издевательство и, развернув трусы, показала их мистеру сама привлекательность.

— Это шутка?

— Это трусы, свои ты оставила в моей квартире, — Николас невозмутимо прошел к окну и слегка отогнул занавеску, словно шпион просматривая улицу.

— Я вижу, мистер душка, а теперь ответь мне на вопрос: у меня действительно такая задница? А это? — я бросила на кровать верхнюю часть комплекта и прищурила глаза, глядя в затылок мудака, на что он лишь слегка повернул голову и вновь вернулся к своему занятию. — У меня в жизни не было таких сисек. Ни-ко-гда. Ни до знакомства с тобой, ни тем более после. Они не растут за сутки.

— Значит, тебе есть к чему стремиться, — он лишь пожал плечами, а я совершенно не знала, что ответить, опустив взгляд на свою грудь, прикрытую полотенцем.

Мой второй размер смотрел на меня едва заметными полукружиями.

Я приложила к нему ладони и сжала его, добавляя объема. Так он выглядел куда более аппетитней.

И все же он мне нравился, а ты, мистер любитель больших размеров, можешь засунуть свои вкусы в задницу.

Я победно улыбнулась и подняла голову.

Взгляд Николаса вновь завис на мне, его пальцы отпустили занавеску, и я отчетливо почувствовала напряжение, стеревшее с моих губ улыбку. Это было чертово сексуальное напряжение, причем именно с моей стороны, потому что мудака был совершенно хладнокровен и, на удивление, добр — он не плюнул в меня сарказмом.

Оказалось, я рано радовалась.

— Если тебе так нравится ласкать себя, я могу выйти.

Я чуть ли не задохнулась от подступившей внезапно злости. Сжала челюсти, чтобы не выронить грязное ругательство в его сторону и, схватив платье и ботинки, отправилась в ванную, где могла взять себя в руки. Он был убийцей, он был мудаком, а теперь приобрел еще и статус грубияна. Мое желание наброситься на него с кулаками стало настолько острым, что я не смогла сдержаться и пару раз ударила ладонью о стену.

Рестлеры за ней молчали, постоялец же загнул такой мат, что я испуганно отошла от неё и перестала дышать. Идея спустить пар на стену была до ужаса плохой идеей, зато на фоне неё появилась другая, совершенно безумная, а именно раздобыть где-нибудь алкоголь,

не раз выручавший меня в таких ситуациях. Втиснуть себя в платье и надеть ботинки было делом парочки секунд. Пропустить волосы сквозь растопыренные пальцы ещё меньше. В зеркале на меня смотрел подросток-неформал, плюющий на все законы макияжа, моды и стиля и выбравший пугающую естественность.

Мне было совершенно похер, тем более, что я не была подростком. Я представляла, как забеспокоится мистер мудака, когда я скажу ему, что решила спуститься в бар.

Сумасшедшая мысль о том, что он может пойти за мной, приятно грела моё эго. В конце концов, он обещал доставить меня до Детройта, и я это помнила, он это помнил, сделка была заключена. А если честно, мне просто хотелось внимания, особенно после того, что я почувствовала, когда осталась с ним в одной комнате в одном полотенце.

Наверное, именно поэтому его спокойствие и равнодушие, плюс неуместный сарказм, внезапно начали раздражать.

Мне просто нужно было расслабиться, и я не задумываясь вышла из ванной, сразу выловив лежащую на кровати фигуру мистера мудака. Его глаза были закрыты, ноги вытянуты и закинута одна на другую, руки же покоились под затылком, поддерживая голову скрещенной под ней конструкцией. Черная в белую крапинку футболка отлично сидела на накаченном торсе и выпирала в том месте, где проходила повязка. Черные джинсы, босые ноги.

Я рефлексивно облизнулась, рассматривая всё это великолепие.

— Мне нужны деньги.

— Зачем?

— Я хочу спуститься в бар и что-нибудь выпить.

На его лице не дернулся ни один мускул.

— Запиши на мой счет. И да, Лалит... — невозмутимо произнес он, когда я в полном разочаровании от рухнувших надежд двинулась к двери. — ...Не говори никому сколько стоит твоя жизнь...

— Спасибо за совет, Николас.

***

А знаете, Рэй был отличным парнем — мало того, что он взял на себя обязанность по поводу моей неприкосновенности, так ещё угостил коктейлем собственного изготовления, всего за десять минут расслабившим меня окончательно. Теперь я не чувствовала обиды — за то, что была совершенно не нужна мистеру мудаку; не чувствовала страха от этого места и людей в нём находящихся: парочки молодых парней и одного зрелого, пьющего пиво прямо из бутылки за стойкой, в нескольких шагах от меня; не чувствовала стыда, за то, что повела себя как избалованная глупая девчонка, рискующая своей жизнью и честью ради внимания.

Я чувствовала лишь приятное тепло, разливающееся по венам, и совершенное спокойствие — это место всё больше вызывало доверие, а предупреждения Николаса насчет опасности оказались напрасными. На миг мне даже показалось, что он делал это специально, чтобы сэкономить на номере-молчании и привязать меня к месту, таким образом лишив себя возможных проблем.

Чертов хитрец.

Когда Рэй отвлекался на работу и переставал со мной разговаривать, оставляя одну, мне становилось скучно. В такие моменты я ложилась корпусом на стойку, подкладывала под голову руку, а второй болтала трубочкой в стакане. Затем склоняла её ко рту, тянула губы навстречу и делала большой глоток, слегка обжигающий горло.

Третий такой коктейль слегка подпортил мою координацию, и я уже не болтала трубочкой, боясь опрокинуть стакан.

Четвертый вызвал во мне позорную жалость к самой себе. Я сидела за стойкой, на высоком стуле, без нижнего белья, в отвратительно безвкусном платье, в месте, куда не вступала нога истинной леди, с коктейлем в руке, оплаченным моим собственным убийцей, совершенно наплевавшим на меня. Раньше хотя бы у меня был поклонник — его пистолет, постоянно в меня тыкавшийся, сейчас же я была никому не нужна, и от этого вновь становилось херово.

Самое интересное, что с повышением градусов в моей крови я совсем забыла о том, что за мной ведется охота, всё это отодвинулось на второй план, стало неважным, существовал лишь этот самый момент, этот самый бар, эта самая страница жизни. Никаких новых глав, абзацев — вроде я научилась жить настоящим, не убегать от прошлого и не бояться будущего.

Чертов гребаный отличный супер-коктейль.

Жалость к себе норовила вылиться в слезы.

Я неловко слезла со стула, пошатнувшись, но всё же устояв. Ухватила за стойку и улыбнулась Рэю, тревожно на меня посмотревшему. Мой оттопыренный вверх большой палец успокоил его.

Но не успокоил меня.

Перед глазами всё плыло, и коридор передо мной качался из стороны в сторону, прямо как ночью, когда я напилась в квартире Николаса. Признайте, это походило на устойчивую систему — прятаться от проблем в алкоголе, и почему-то именно сейчас мне стало за это стыдно. Да-да, перед мистером сама привлекательность, который наверняка уже сделал выводы, ведь не просто же так он советовал мне завязывать.

С этими едкими мыслями я едва дошла до нашего номера и ввалилась в него совершенно беспардонно, с неловким шумом и громким выдохом.

Мистер мудака лежал на кровати и, по-видимому, спал. По крайней мере на мое появление он никак не отреагировал. Отлично, значит, он меня не ждал — и это слегка задело. Настолько слегка, что я пошатнулась, после чего такой же шатающейся походкой подошла к кровати и рухнула рядом с ним, на живот, совершенно не стесняясь его близости и уставившись в его плечо, мелькающее передо мной накаченными мышцами. Несколько бестолковых движений ногами, и мои ботинки с грохотом упали на пол. Николас тяжело вздохнул и открыл глаза. Его ресницы трепетали, он повернул голову в мою сторону и перехватил мой пристальный взгляд.

— А если бы я не вернулась? Ты даже не стал бы переживать за меня?

— Нет, — его голос был сух, тих, словно выжат, я же прикусила губу и задумалась над его ответом. Действительно, нахера вообще ему за меня переживать. Мы не друзья, не приятели, не любовники, просто оказались в одной яме — всё легко и просто. — Это был твой выбор, Лалит.

И здесь было не к чему придраться. Твою мать, хоть кто-то уважал мой выбор. Я улыбнулась и подложила руки под грудь, наконец перестав играть в гляделки.

— Папа никогда не уважал его, именно поэтому я сбежала.

— Что он сделал? Так просто не сбегают.

— Он убил моего парня, Николас, посчитав его недостойным. Просто взял и отправил в тюрьму. Подставил его. Эрик повесился в камере, — я прошептала это тихо, едва слышно, но

мистер сама привлекательность слышал, я ощутила, как он понимающе кивнул и отвернулся, проявив такт... ну или безразличие.

Мне захотелось спать.

— Спокойной ночи.

***

На удивление мое пробуждение не было страшным: у меня не болела голова, меня не тошнило, более того, я ощущала себя живым человеком, просто поздно легшим спать. Я даже не испытывала жажды и с восхищением вспоминала коктейль Рэя, рецепт которого нужно было обязательно взять. Кажется, в его состав входила водка и что-то ещё, и что-то ещё, и что-то ещё. Ох, Господи, там было полно ингредиентов. Сейчас я с трудом вспоминала названия бутылок, мелькающих в его руках, когда он делал этот чудо-коктейль.

К черту коктейль.

Я открыла глаза, надеясь увидеть Николаса, но, как и предполагалось, его не было в постели, что позволило мне как следует вытянуться и обхватить подушку руками. Сладкая истома потекла по мышцам, и я удовлетворенно застонала, вытянув ноги еще сильнее. Вставать совершенно не хотелось, хоть я и учуяла аромат крепкого кофе, стоящего где-то неподалеку, буквально за моей спиной. Чтобы посмотреть на его источник, мне нужно было повернуться — поворачиваться было до ужаса лень.

Оголенные ягодицы приятно холодило воздухом.

Одергивать платье было тоже лень, поэтому теперь я просто надеялась на то, что Николаса не было в комнате. Блядь, как всегда мои надежды оказались напрасными.

— А ты не перестаешь удивлять.

Я разочарованно закатила глаза и медленно повернулась на его голос. Он стоял держа в руках чашку, источавшую этот горький аромат кофе, голый по пояс, с еще влажными после душа аккуратно причесанными волосами, в свободных спортивных штанах, наподобие таких, что носил дома. Опять же босой и по-утреннему свежий, прямо как его свежесваренный кофе. Я же прекрасно понимала как выгляжу после сна.

Брр, просто не думать-не заикливаться-не стесняться.

— Стараюсь, — я недовольно ворчала пока вставала с кровати и шла по направлению к ванной. Половины слов я, кстати, не могла разобрать сама, потому что это была жалкая-жалкая попытка скрыть смущение. Николас проводил меня загадочным взглядом, который оборвался на двери, захлопнутой мною, но не закрытой. Я не считала нужным от него прятаться, думая, что на самом деле он совсем не тот, от кого бы я прятаться хотела, а ещё я надеялась, что он воспримет это как приглашение.

Потому что этот день вполне мог быть последним для нас.

Потому что к вечеру мы могли расстаться, разойтись, разъехаться по разные горизонты и потому что в будущем мы могли уже не встретиться. Никогда. И это слово пугало, вызывая в душе что-то напоминающее отчаяние, тихое тлеющее отчаяние, от которого хотелось убежать. Я же предпочла заглушить его мыслями о скорой встрече с отцом и безопасности, которую он мог мне гарантировать. Хотяяяя, это тоже спорный вопрос.

Чтобы привести себя в порядок мне потребовалось около трех минут. Повторный удар гонга за стеной — любитель реслинга переключился на бокс, — отсчитал начало раунда, и пока боксеры навешивали друг другу тумачи, я стояла напротив зеркала и пялилась на свое отражение, в котором в ответ на меня пялился мой второй размер, так не понравившийся мистеру мудаку.

Становилось невыносимо грустно, и я оперлась о раковину руками, опустив голову и разглядывая ржавые на ней разводы. Жирными, кроваво-рыжими пятнами они стекали по её бокам и концентрировались в центре, придавая ей совершенно запущенный жалкий вид.

Новый день начинался с непонятной тоски, вцепившейся в мое сердце.

Быть может, это было предчувствие, гнетущее мерзкое предчувствие, от которого холодели ладони.

Дверь за спиной открылась совершенно бесшумно, и я подняла взгляд, в отражении зеркала натываясь на мистера мудака, застывшего в её проеме. Он был невозмутимо уверенным в том, что я его не прогоню.

И он был чертовски прав.

Я распрямила спину и продолжала наблюдать за его последующими действиями, такими же решительными и твердыми, как все его действия, начиная с самого первого, когда он запрыгнул в мою машину и нагло приставил пистолет к моей скуле. Блядь, это было так давно. Слишком давно, чтобы быть правдой. Сейчас я даже не представляла, что со мной было, если бы этого не случилось, ведь тогда он убил бы меня не задумываясь.

И этого самого момента никогда бы не произошло. Только представьте как непредсказуема судьба — я осталась жива не благодаря тому, что он не смог в меня выстрелить тем утром, а благодаря тому, что из миллионов машин он сел именно в мою.

Николас остановился за моими плечами и посмотрел в зеркало, тягуче медленно скользнув взглядом по моей фигуре. Моя грудь выдала меня с головой затвердевшими в миг сосками, и я ощутила близость его члена, спрятанного за тканью штанов, своими ягодицами. Мне было страшно шелохнуться, двинуться навстречу, даже вздохнуть, будто я опасалась что он уйдет, испарится, исчезнет.

А я не хотела, чтобы он исчезал. Правда.

Его горячие пальцы провели ласкающую линию вдоль моего позвоночника и остановились на основании поясницы.

Я судорожно выдохнула и вцепилась в края раковины, откинув голову чуть назад, так, чтобы ощутить его дыхание на своей шее.

Ощутила, когда он склонился к уху и также тягуче медленно шепнул:

— Ты не закрыла дверь.

— Знаю...

Блядь, вселенная, остановись. Просто зависни на несколько долбанных секунд, чтобы я смогла прочувствовать тот самый момент, когда наши взгляды встретились в зеркале, и Николас, стоявший за спиной, склонился к моему уху, жарко шепча всего лишь одну фразу, которая заставила меня выгнуться в желании ощутить его близость. Это был самый порочный и в то же время невинный момент из всех подобных моментов в моей жизни, в моей нелепой, абсурдной, удивительной жизни, которая висела на краю, беспечно размахивая ногами и смеясь над опасностью.

Мистер мудака был одной из них, но это не остановило меня броситься навстречу первобытным инстинктам покориться сильнейшему, который действовал совершенно уверенно и отточено, словно ему каждый день приходилось покорять непокорных девиц, после одной лишь ласки превращающихся в разогретый пластилин. Я в него тоже превратилась и нисколько не жалела об этом, со стопроцентным доверием отдаваясь на волю мужчины, нет, не просто мужчины, а моего несостоявшегося убийцы, за двое суток превратившегося в моего любовника.

Вот так просто, словно и не было между нами никаких недоразумений, словно он не угрожал мне пистолетом и не собирался убить.

Словно мы встретились как обыкновенные любовники, чтобы провести день вместе и вновь разбежаться.

Словно... ох, Господи... я тихо застонала, когда Николас подошел вплотную и уперся в мои ягодицы возбужденным членом, твердым и упрямым, показывающим боевой настрой хозяина, который, положив одну руку на мою талию, прижал меня к себе. Сильно. Так, что я чуть пошатнулась, ни в какую не желая отлипнуть от раковины — мне нравилось наблюдать за нами в зеркало. Нравился мой туманный от желания взгляд, покрасневшие щеки, приоткрытые губы, в общем весь мой до ужаса распутный вид. Нравилась неслышимая уверенность мистера мудака, его губы на моем плече, горячие, влажные, ласкающие. Нравилась его рука, покоившаяся на моей талии, и согревающие низ живота пальцы. Нравилось даже мигание лампочки над головами и звуки, издаваемые телевизором в соседнем номере.

Я молила Бога, чтобы в мире не случилось чего-то из ряда вон выходящего и ничто не смогло бы нарушить интимность момента. Впрочем, я вообще плохо соображала, чтобы молиться, поэтому это больше походило на примитивное "пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста", особенно когда Николас положил вторую руку на мою грудь и слегка сжал её, при этом резко выдохнув и уткнувшись в изгиб моей шеи.

И всё-таки моя грудь ему нравилась, чертов притворщик.

Я улыбнулась и изогнулась ещё больше, отклонив голову назад, на его плечо, и прикрыв глаза. Моя рука неосознанно потянулась вверх, к его затылку, и я напрочь испортила его идеально уложенные волосы своими невинными ласками.

А в это время моя грудь воспряла духом и, очутившись в теплой ладони, стала обостренно чувствительной, воспринимающей каждое движение умелых пальцев, которые сводили меня с ума и заставляли часто дышать.

Твою мать, мистер сама идеальность возбудил меня одной лишь незамысловатой лаской соска и напором своего тела, которое бесстыдно вжалось в меня сзади.

Его вторая рука, до этого мирно покоившаяся на моей талии, медленно двинулась вниз, и, когда его пальцы коснулись моих влажных складок, я глухо застонала, поводя бедрами назад и ещё крепче цепляясь за раковину.

Мои ногти противно царапнули металл.

Я открыла глаза и уставилась на себя в зеркало, отразившее возбужденную до предела меня и Николаса, напряженно сжавшего челюсти и нахмурившегося. Его глаза были закрыты, а лоб действительно нахмурен. Он дышал тяжело и рвано, и я отчетливо чувствовала его поднимающуюся и опускающуюся грудь своими лопатками.

— Что-то не так? — вырвалось у меня, когда я, прочистив пересохшее горло, смогла вернуть способность говорить.

Он резко открыл глаза и едва заметно кивнул, после этого проведя языком от основания моей шеи до конца плеча. Легкий укус и его пальцы, скользнувшие по моей плоти и остановившиеся ровно на клиторе.

Я опять сжала края раковины и выдохнула "о, Боже".

Вопрос завис в воздухе, а Николас перестал ласкать мою грудь и обхватил ладонью мою шею. В тот момент я поняла, что обратного пути нет, и, что даже если я решу сейчас отказаться, вдруг вспомнив о своей чести, мистер мудака уже не сможет остановиться. Блядь, да я была готова продать душу дьяволу лишь бы он не останавливался, лишь бы не отпускал и сделал наконец то, что мы так оба желали.

Причем я даже в большей степени, потому что его ласки между моих ног становились всё более настойчивыми, они подвели меня к грани, и я жадно хватала ртом воздух, мечтая о большем, мечтая оказаться наполненной и почувствовать Николаса в себе. Его член, сдерживаемый брюками, хотел того же самого, он напористо толкался в мои ягодицы, искал выхода и наверняка проклинал своего хозяина, в приоритете которого было мое удовольствие.

Моё удовольствие готово было вылиться в оргазм, и я протестующе сжала бедра, мелко-мелко дрожа и шумно вдыхая воздух. Николас застыл, продолжая удерживать меня за шею и прижавшись губами к моему виску.

Этот засранец наверняка ждал моей инициативы, поэтому я не заставила себя ждать и, чуть подавшись бедрами вперед, завела руки за спину и вцепилась в пояс его брюк. Даже чертов торнадо не заставил бы меня от них отцепиться, даже ядерная война не смогла бы остановить меня в тот момент, и я уверенно потянула их вниз, выпуская на волю его член, сразу уставившийся в мою задницу.

Мистер мудака издал утробное рычание и сжал мою шею сильнее, отчего я как-то растерялась и потеряла былую смелость.

Между ног было совершенно влажно, и я расставила их чуть шире, когда почувствовала свободу от всё это время покоящейся там ладони Николаса, чуть согнувшего ноги и направившего свой член в меня. Я ощущала его своей плотью и, пригвожденная к телу мистера сама привлекательность чертовой рукой на шее, умудрялась несдержанно тянуться навстречу.

— Черт, — с жарким выдохом он резко вошел в меня, чуть задержавшись там и вновь выскользнув.

Я забыла своё имя, год своего рождения и название страны, в которой живу. Я забыла обо всем на свете, наконец вплотную познакомившись с мудаком младшим, толкнувшимся в меня так, будто он всю жизнь только этим и занимался.

Самое время ахнуть и восхититься его самоуверенностью и наглостью.

Николас двигался во мне совершенно по-свойски, абсолютно смело, местами плавно и аккуратно, местами срываясь и набирая темп. Казалось, ему не хотелось торопиться, поэтому в такие моменты он разочарованно рычал и чуть сбавлял скорость, при этом умудряясь быть везде: прикосновениями к моей талии, к моей груди, шее; дыханием в моих волосах, на моих губах. Это было нечто особенное, нечто такое, отчего у меня срывало башню, и я не обращала внимания на некую грубость его ладони, ни в какую не желающей расставаться с моей шеей. Я была чертовски послушной, выполняя все его, а главное, и свои желания.

Сдерживаться и стесняться не имело смысла, и я полностью увлеклась движениями внутри меня. Вперед-назад, вперед-назад. Впе-ред-на-зад.

Николас продолжал толкаться, при этом вежливо заставив меня повернуть голову в свою сторону и наткнуться губами на его губы. Они были сухими и неторопливыми, когда мистер железная выдержка начал меня целовать, так самозабвенно приятно, что я совсем потеряла связь с реальностью.

Крики телевизора утонули в напряженном ожидании концовки.

Я перестала отвечать на поцелуй, зависнув как каменное изваяние и вцепившись пальцами в раковину. Николас терзал мои губы, не обращая внимания на слабые признаки жизни и напряжение, потому что прекрасно понимал моё состояние и был готов помочь мне прийти к разрядке.

Блядь, по-видимому, всё к чему он прикасался, приходило к разрядке.

Его член во мне совершенно обнаглел, продолжая вколачиваться все сильнее и нетерпеливее, и, как ни странно, мне это нравилось. Оставалось всего несколько мгновений — я это чувствовала, ощущая постепенно подкатывающие волны удовольствия, должного завершиться оргазмом.

Господи, я обещаю быть послушной и смиренной всю оставшуюся жизнь, только пусть мистер мудака не останавливается. Пусть... пусть... пусть...

Мой протяжный стон перекричал отчет рефери, и я обессиленно обмякла, едва удерживаясь на дрожащих от испытанного оргазма ногах. Николас помогал мне в этом, приняв на себя обязанности по удержанию моего безвольного тела, вес которого вскоре я перенесла на раковину, уперевшись в её обеими руками и прогнувшись в пояснице. Благо рука мудака, до этого сжимающая мою шею, переключалась на мои бедра, где уже прописалась другая. Внутри разливалось приятное тепло, этакая нега, задевающая каждую клеточку тела на своем пути. Спазмы и пульсация уменьшались, и я потихоньку приходила в себя, мысленно благодаря Николаса за наслаждение, им подаренное.

Ему, кстати, тоже оставалось недолго, поэтому толчки его становились размашисто глубокими, частыми, неистовыми. Мои ягодицы с громким звуком бились о его пах, а второй размер раскачивался в такт движениями, пока Николас не сделал завершающий толчок и не застыл во мне, тут же навалившись сверху и прижавшись ко мне максимально близко.

Твою ж мать, это был самый безумный секс на моей памяти.

И он был идеальным. Настолько идеальным, что я потеряла дар речи.

Звонок мобильного развеял момент близости и совершенно неуместно нарушил тишину.

Николас, под мой разочарованный вздох, выскользнул из меня, и потянулся вниз, к карману брюк, в котором, как оказалось, лежал мобильник.

Я задумалась над тем, что твердость его члена во время прелюдий могла оказаться

банальным обманом, а Николас принял вызов, задержав шумное дыхание и сказав короткое "слушаю".

Его лицо из блаженного и расслабленного превратилось в непроницаемо каменное, и он тут же сбросил звонок, молча рассматривая меня в отражении зеркала.

Смутное предчувствие полного дерьма, нависшего над нашими головами и готовящегося вылиться, перебороло приятную истому, ещё владевшую моим телом. Я различала во взгляде Николаса что-то страшное и непоправимое, чего отчаянно боялась и не хотела знать.

Но вместо этого вновь вытянула язык:

— Что случилось, Ники?

— Не называй меня так, звучит как кличка собаки. Дейва убили, — бросил он равнодушно, нагибаясь и возвращая брюки на место.

Я ошарашенно застыла, отказываясь верить в происходящее и думая о том, что буквально вчера он был жив, живее всех живых, здоровее всех здоровых, — и тупо наблюдала за тем, как мистер сама привлекательность, больше ничего не сказав, покидал ванную, где всё было пропитано сексом и удовольствием, теперь разбавленным горьким недоумением.

Блядь, Дейви же ничего не сделал, совершенно ничего, если подумать, — он всего лишь помог своему другу, который и привел к нему убийц. Николас стал косвенной причиной его смерти, и теперь я поняла, что его показное равнодушие — это лишь желание скрыть боль от потери друга и вину за его смерть.

Понимание этого медленно, но верно переключалось и на мои плечи, и я обессиленно сникла, рассматривая себя в зеркале и приходя к выводу, что на самом деле моя жизнь не стоит ни одной жизни в мире, тем более двух, одна из которых ещё теплилась, но была делом времени, как выразился сам мудака.

Теплая сперма скользнула вниз по бедру, и я опустила голову, вновь начав разглядывать ржавые разводы, теперь казавшиеся мне кроваво уродливыми намеками. За дверью, со стороны комнаты, была абсолютная тишина: ни шагов, ни признаков ярости, ни угрожающих звонков.

Через несколько минут, приведя себя в порядок и втиснув себя в треклятое платье, я вышла из ванной. Николас стоял у окна и курил, никак не отреагировав на мое появление, я же не знала, что делать: подойти к нему и проявить поддержку, либо свалить нахрен из номера и оставить его одного. Оба варианта казались мне, мягко говоря, непутевыми, поэтому я выбрала третий — молча легла на кровать и, приняв позу эмбриона, спряталась от всего мира в воображаемый кокон, через который не смогла бы пробраться даже самая изворотливая пуля самого безжалостного пистолета в руках самого профессионального убийцы. Через который не доходил бы ни один звук и ни одно прикосновение. Внутри которого я была бы в полной безопасности, в тишине и покое.

Это были мои иллюзии, потому что кокона не существовало, не могло быть, и потому что Николас с легкостью развеял мои заблуждения.

— Ты меня слышишь?

— Что?

— Аэропорт Хартсфилд-Атланта, ячейка тридцать три, код замка девять-три-ноль-три-семь-ноль.

— Зачем мне это?

— Повтори, — в голосе Николаса послышалось нетерпение, и я повернула голову,

настороженно всматриваясь в его фигуру.

— Аэропорт Хартсфилд-Атланта, ячейка тридцать три. Код замка девять-три-ноль-три-семь-ноль. Зачем мне это, Николас? — подступающая злость на него душила, и я вскочила с кровати, в несколько шагов преодолев расстояние между нами. — Ты должен мне объяснить. Зачем, зачем ты это сказал?

Да, черт побери, я догадывалась. Тут же отметала догадки и злилась, потому что это не могло быть правдой, точнее я не хотела, чтобы это было правдой. Не хотела так сильно, что набросилась на Николаса, заставив его обратить на меня внимание. Я била его в грудь ладонями, пытаюсь выбить из него объяснения, и повторяла свое "зачем?", пока не оказалась прижата к стене навалившимся на меня мудаком, дышавшим глубоко и зло и крепко сжимающим мои руки, до этого причинявшие ему боль.

— А затем, что это не красивая история со счастливым концом, Лалит, и не фильм с бессмертным героем-качком, справляющимся в одиночку со всем дерьмом, встающим на его пути. Я знал, на что шел, и принял решение, которое считал нужным. Обратного пути нет, — его гневный шепот заставил меня утихнуть, и я молча слушала его откровения, растерянно хлопая ресницами и ощущая горькое прозрение. Это действительно не красивая сказка и не выдуманный экшн, где добро побеждает зло. Это ебучая реальность, которая не любит проявлять милосердие. — И если у меня есть хоть один шанс доставить тебя живой, я сделаю это, потому что мне больше нечего терять. Я уже фактически мертв, прими это и запомни долбаный код ячейки. Ты поняла меня? — на этих словах он лишь крепче сжал мои запястья, и я согласно кивнула, ощущая предательское жжение в глазах.

Блядь, а мне не хотелось плакать. Только не при нем.

— Тогда... чисто теоретически... тебе не нужны двести штук, — это была дурацкая шутка, да, но она по крайней мере разладила его хмурую складку на лбу и дала мне шанс успокоить нервы, немного расслабиться, оттянуть момент отвратительного отчаяния, готового захлестнуть с головой. Я пожала плечами и улыбнулась сквозь выступившие слезы.

Мистер сама привлекательность расплывался перед глазами, и я упустила мгновение, когда он отпустил мои руки и сделал шаг назад, даря мне свободу.

— Собирайся, нам нужно выезжать. Пробки в городе привлекли внимание прессы, а им не нужен лишний шум, так что блокада снята.

— Кто они? — Плевать, если этот вопрос вновь останется без ответа, но я не могла не попытаться.

На удивление Николас не послал меня.

— Ты всё узнаешь, Лалит, если запомнишь код.

— Я запомнила.

— Вот и отлично. Собирайся.

— Мне нечего собирать, — я уже практически успокоилась, но продолжала стоять у стены, смотря на Николаса с какой-то тихой обреченностью, минуты нашей близости остались в далеком прошлом, и впереди нас ждало неясное будущее, пугающее меня не меньше чем приставленный к виску пистолет. И если честно, вчера, до известия о смерти Дейва, мне было намного легче.

Я, не произнося ни слова, наблюдала за Николасом, мельтешащим по комнате и собирающим свои вещи. Он без стеснения передо мной стащил с себя домашние штаны и тут же надел черные джинсы, совершенно забыв про нижнее белье. Черная футболка и ботинки, один взмах рукой и волосы, всклокоченные мною, заняли свое идеальное место в идеальной

прическе.

Весь его образ был идеально-черным, несколько угрожающим, и всего на миг я подумала, что он может сойти за героя-качка, справляющегося со всем дерьмом.

— Пошли, нам нельзя медлить, — он взял свою сумку и, достав оттуда скрученные в трубочку деньги, наконец посмотрел на меня, прилипшую к стене как неудачливое приведение. Я, как китайский болванчик, запрограммированный кивать в любом случае, даже если он не согласен — кивнула, и перед тем, как подойти к двери, нагнулась, чтобы надеть обувь. Николас стоял сзади, и я услышала как он чертыхнулся, наверняка заметив отсутствие на мне белья.

Да-да, мистер сама привлекательность, трусы, что ты мне купил, останутся здесь. У меня есть привычка не только засыпать где попало, но и оставлять белье в тех местах, где я побывала. Хотя фактически я их не носила, боясь потерять по дороге, так что считай это нарушением традиции.

Коридор поглотил нас в неясном тусклом свете, сжимая с двух сторон блекло-бардовыми стенами, я шла рядом с Николасом, обнимая себя за плечи и пытаюсь понять его настроение, потому что как только мы вышли за пределы номера, он вновь превратился в равнодушного типа, на лице которого не отражалось ни одной эмоции. Былое спокойствие шло ему, а вот меня искренне раздражало, как и то, что он молча указал мне на выход, когда сам подошел к Рэю и что-то спросил. Затем достал деньги и указал в сторону бутылок, одна из которых вскоре перекочевала в его руки.

— Пока, друг, — громко сказал Рэй и, пожав руку мистеру обманчивое спокойствие, поднял ладонь в прощальном жесте. Я, стоящая в дверях и не решающаяся выйти на улицу без Николаса, ответила ему тем же, а затем была вытолкнута на улицу прущим как танк мудаком.

Бутылка элитного виски была насильно втиснута в мои руки, и я удивленно посмотрела на Ники, продолжающего свой путь к машине. Я следовала за ним, часто перебирая ногами и стараясь за ним угнаться. Виски призывающе булькало в моих руках, а мне становилось интересно нахрена он мне его пихнул.

— Что это?

Он остановился у водительской дверцы и взглянул на меня. Машина радостно пикнула отключенной сигнализацией, и, о чудо, на губах мистера сама привлекательность появилась его фирменная улыбка.

— Подарок. С днем рождения, Лалит, — Николас сел за руль, а я не могла отвести взгляда от блестящей этикетки самого дорогого подарка в моей жизни. Чертов несносный хладнокровный недоубийца помнил о моих словах про день рождения, и это было вторым признаком его человечности после первого, когда он подарил мне шанс.

Отличный секс, отличный подарок, отличная возможность провести дорогу в компании неразговорчивого мудака и развязывающего мой язык виски.

— Спасибо.

На этот раз молчание меня не напрягало и я не пыталась его нарушить, с какой-то неприятной печалью провожая взглядом милую за милей. Николас оказался прав, и мы без труда покинули город, вырвавшись на финишную прямую и надеясь, что на ней ничего не случится. Десятки направлений из города увеличивали шансы проскочить незамеченными, спокойствие мудака успокаивало и меня — значит, ничего подозрительного его интуиция не чувствовала, и значит, наши преследователи ринулись в другое направление, оставив трассу на Детройт свободной.

Десять часов, три штата, семьсот с лишним миль.

И с каждой милей, с каждой секундой, с каждой минутой мне становилось легче дышать, я ощущала дыхание жизни и радовалась этому как ребенок, с сожалением вспоминая про смерть Дейви и мысленно прося у него прощения. Бутылка виски лежала на моих коленях, и я ни в какую не собиралась с ней расставаться, то и дело бросая на нее задумчивый взгляд. Если честно, в такие моменты мне до ужаса хотелось свернуть ей крышку и вцепиться зубами в содержимое, которое призывало меня своим бульканьем.

И, если честно, в такие моменты я чувствовала себя последней алкоголичкой, что было вполне логично, учитывая мои пристрастия к алкоголю за последние трое суток.

Где-то на одной четверти пути я всё же не выдержала и, отвернувшись от созерцания мелькавших за окном деревьев, с легкостью избавилась от преграды в виде крышечки, четкими щелчками обратившей на себя внимание.

Николас посмотрел на меня с укором, но не проронил ни слова, продолжая яростно защищать тишину и всем своим видом показывая, что мне тоже не стоит её нарушать. Я вежливо улыбнулась и, подняв бутылку чуть вверх, словно желая чокнуться с ним, поднесла горлышко к губам.

Теплый алкоголь беспрепятственно скользнул по моему языку, деснам, горлу, обжигающей лавой пронесся по пищеводу и затаился в желудке, привыкшем к нему настолько, что я не ощутила дискомфорта — только приятный жар, расслабляющий изнутри. Господи, спасибо тебе за то, что ты наделил людей умом, а они в свою очередь создали столь божественные напитки.

Машина плавно скользила по дороге, изредка подрагивая от попадающих трещинок в асфальте; в салоне было уютно и тепло, а после выпитого стало ещё теплее; Николас не обращал на меня никакого внимания, пристально глядя вперед и только вперед; автомобили, едущие с нами в одном направлении, стремительно проносились в даль, либо же оставались в хвосте, пропадая за поворотами; мне захотелось жить ещё сильнее, намного сильнее прежнего, и я уже с улыбкой ловила каждый знак, отсчитывающий новую милую.

После нескольких глотков я нуждалась в общении и, кинув на мистера сама привлекательность настороженный взгляд, чуть развернулась к нему, попутно прошипев на удерживающий меня ремень проклятия. Одно движение, и его тиски отпустили меня, позволив устроиться поудобнее и даже закинуть ногу на ногу.

— Даже не думай.

— Ты сам подарил мне виски, я не просила, и ты прекрасно знаешь, как он действует на женщин, так что, Николас, будь любезен поддержать разговор.

— Я не думал, что ты откроешь его в дороге.

— Поверь, я тоже об этом не думала, но ты не оставил мне выбора. Мне заебалось молчать. — На слове "заебалось" уголок рта Николаса характерно дернулся, и я уже точно знала, что это означало — злость, гнев, недовольство. В общем, что-то из этого. Мы оба, как по команде, взглянули на пистолет, лежащий между нами, на коробке передач, рукоятку в углублении для мелочей, — только Николас с мыслью заставить меня замолчать, а я, скорее всего, по привычке. Черное дуло было направлено в консоль, и я игриво изогнула брови, ожидая дальнейших действий мистера мудака. Костяшки его пальцев, сжимающих руль, побелели, и на этом всё закончилось, потому что Николас совершенно невозмутимо отвернулся от меня и вновь уставился на дорогу.

И это значило, что разговор окончен, а все мои реплики будут игнорироваться и превратятся в глупый диалог между мной и мной. Я разочарованно выдохнула, подумав о том, что Николас, пожалуй, самый неразговорчивый убийца в мире, по иронии судьбы доставшийся именно мне. Неплохая ирония, учитывая то, что это вообще ненормально — иметь собственного убийцу, который в итоге передумал меня убивать. Мои мысли против воли закрутились вокруг него, затем попав в водоворот воспоминаний о нашей близости. Она была около трех часов назад, но мелькающие в моем мозгу картинки вмиг оживили ее, и я прикрыла глаза, вылавливая ощущения своего тела, реагирующего на разбуженные фантазии.

Блядь, Николас был во мне, прикасался к моей груди и целовал мои губы. Николас обнимал меня, ласкал и довел до оргазма. Николас-Николас-Николас...

Я облизала пересохшие губы и, открыв глаза, украдкой посмотрела на его руки: сильные, с длинными пальцами и выпирающими венами, следующими от костяшек вверх и скрывающимися под рукавом футболки; внутри сладостно зануло и едва ощутимо запульсировало; я рефлекторно сжала бедра, а потом вновь расслабила; сделала маленький глоток и опять сжала.

Николас посмотрел на меня подозрительно, словно пытаюсь понять, что я задумала, а потом точно также посмотрел на мою ладонь, которая медленно-медленно легла на колено. Я едва сдержала довольную улыбку и неторопливо раздвинула ноги, чуть съезжая вниз по сиденью и предоставляя себе лучший доступ. Николас слишком резко для мистера само спокойствие вернулся на созерцание дороги, а я продолжила свои ласки, скользнув указательным пальцем с колена на внутреннюю сторону бедра.

Платье, вставшее на пути пальца, последовало за ним и собралось складками на сгибе бедер, освобождая мои ноги от своего присутствия.

В салоне послышался шумный вдох, и Николас напрягся. Его челюсти заметно сжались, но он упрямо смотрел только на дорогу, наверняка думая, что на этом я остановлюсь.

А останавливаться я не собиралась, тем более учитывая то, что воспоминания нашего секса переросли в предательское возбуждение. Желание вновь почувствовать его в себе вкупе со смелостью от выпитого победило над стеснительностью, и я совершенно развратно провела пальцем по складкам, запрокинув голову от удовольствия и обронив томный стон. В этот момент Николас чертыхнулся и переключил скорость, сильнее вжав педаль газа. Чертов мудака лишился своей невозмутимости, а я поняла, что двигаюсь в правильном направлении.

— Что ты делаешь?

— Ласкаю себя.

— Я вижу. Зачем?

Блядь, страннее вопроса не придумаешь. И первое место по глупым вопросам занимает

мистер сама привлекательность.

— Чтобы доставить себе удовольствие. — Волна приятной неги поднималась с каждым моим движением, и я выдохнула сквозь стиснутые зубы, непроизвольно двинув бедрами навстречу. Горлышко бутылки в моей руке удерживало позиции, хоть я и обхватила его с такой силой, что онемели пальцы. Николас то и дело отвлекался от дороги, кидая на меня быстрые взгляды и зависая им на самом интимном месте, скрытым от него складками платья и двигающимся пальцем.

Я ощущала совершенную эйфорию, едва сдерживаясь, чтобы не наброситься на мудака с безнравственными приставаниями. Черт-черт-черт, я хотела его ласк, его поцелуев, его внимания. Я хотела вновь оказаться в надежном кольце его рук и ощутить свою нужность, пусть даже если за ней стояли банальные человеческие инстинкты.

Я сошла с ума. Очевидно.

— Прекрати.

— Не могу, — о-о-о нет, мистер сама привлекательность, сейчас меня ничто не остановит. Сейчас, когда внутри всё буквально пылает, требуя продолжения и пульсируя больше, и больше, и больше. Мои ласки становились резче, и я изгибалась в пояснице, вжимая затылок в сиденье и так самозабвенно отдаваясь на волю ощущениям. Мне оставалось лишь закрыть глаза и прийти к финалу, который сосредоточился во влажных мышцах, содрогавшихся при каждом прикосновении.

И даже с закрытыми глазами я поняла, что машина останавливается и прижимается к обочине.

Щелчок ремня безопасности, и влажные губы мудака, накрывшие мои, искусанные мною. Его ладонь коснулась моей скулы и ласкающе двинулась вниз, по шее, груди, животу. Остановилась на внутренней стороне бедра и сжала его, пока я со всей страстью отвечала на поцелуй, слишком порочный, слишком умелый, слишком горячий. Он сводил меня с ума ещё больше, и я, сдавшись, выпустила бутылку из рук, таким образом отправив ее содержимое себе под ноги.

Николасу было поебать до стенаний выливающегося из бутылки виски, и он властно убрал мою руку, продолжив ласкать меня двумя пальцами, изредка соскальзывающими чуть ниже, туда, где с утра побывал его член. А он, кстати, мог и не понадобиться, учитывая то, что вытворяли его пальцы... и его язык во рту. Он имитировал поступательные движения, а Николас всё сильнее вдавливал меня в сиденье, тяжело дыша и, наконец, сделав то, о чем мой организм в данную секунду мечтал больше всего.

Он проник в меня пальцами, при этом большим прикоснувшись к клитору, и в момент, когда он входил в меня, нажатие большого пальца усиливалось, и я начинала задыхаться от наслаждения, совершенно не думая о мудаке младшем, наверняка желающим принять участие в этом безумии. Мать божья, да в тот момент я вообще мало думала, полностью потерявшись в его поцелуях и толчках внутри меня.

Блядь, эти пальцы могли посоперничать с самым умелым членом в мире; они постепенно накаляли напряжение внутри меня и вынуждали несдержанно двигать бедрами; они удовлетворяли меня в то время как я цеплялась за плечи Николаса и совершенно не в тему пыталась ответить на поцелуй, позже попросту оставив эту затею и позволив ему уткнуться в мою шею.

Горячее дыхание Ника было частым и тяжелым, и я ощущала пот на его виске щекой, к которой он прижался, пытаюсь совладать со своими желаниями.

Меня трясло. Его тоже.

Напряжение ломало действительность, а Николас ломал меня, насаживая на свои пальцы и продолжая ласкать клитор.

Мой второй за день оргазм вылился в протяжный стон и частые-частые спазмы внутри.

Я облизала губы, ощущая скопившуюся над верхней губой соленую влагу, и сжала бедра, нелепо дергаясь в конвульсиях от остатков уходящего удовольствия. Мистер сама привлекательность медленно достал из меня пальцы и провел ими по бедру, оставляя после них влажную дорожку. Я молчала, до сих пор цепляясь за его плечи и благодарно целуя в маячившую перед губами скулу.

— А ты? — прохрипела я, когда он начал выпрямляться и, подозрительно поджимая губы возвращаться на свое место. Только сейчас я обратила внимание на его бледность и нахмуренный лоб, услышала шипение, вырывавшееся сквозь сжатые зубы, пока он устало откидывался на спинку сиденья и прикрывал глаза, стараясь привести дыхание в норму.

— В следующий раз, когда я приду в форму, — на этих словах он слабо улыбнулся и дернул плечом, разминая затекшие мышцы и склонившись чуть вправо.

Твою мать, я совершенная дура, думающая только о своем удовольствии и не взявшая во внимание его рану, которая напомнила о себе нестерпимой, по-видимому, болью. Эйфория от оргазма заменилась жутким стыдом, и я прижала ладони к горящим от румянца щекам.

— Бог мой, Николас, тебе больно?

— В сумке есть салфетки. Ты справишься или тебе помочь? — Чертов мудака корчился от боли, при этом умудряясь думать о моей гигиене и откровенно издеваясь над моей гуманностью. Он восхищал своей выносливостью, и я поймала себя на мысли, что в последнее время меня слишком многое в нем восхищает.

С этим нужно завязывать, Лалит.

— Спасибо, я сама, — я даже не стала поправлять подол платья и потянулась назад, стараясь ухватиться за сумку. Теплая ладонь Николаса легла на мою ягодицу, погладила, а потом исчезла, оставив после себя приятное ощущение. И в то время как я подводила итоги, пользуясь его влажными салфетками, мистер сама привлекательность осторожно задирает футболку и также осторожно заглядывает под повязку. Видимо, увиденное ему не очень понравилось, поэтому он недовольно поморщился и приготовил шприц с обезболивающим. — Что-то не так?

— Всё отлично. Было бы неплохо перекусить, а заодно заправить машину, как думаешь? — Он улыбнулся своей фирменной улыбкой, но что-то грустное и одновременно неуютное мелькнуло в его взгляде, когда он на несколько секунд завис им на моем лице. Я всем сердцем хотела скинуть с себя этот взгляд, но, как замороженная, смотрела в его серые холодные глаза, отражающие пугающую действительность, где каждый момент мог стать последним. Прямо как у Дейви.

Слишком рано расслабляться.

— Николас...

— Ни слова больше. — Ну вот, а я уже решила, что он наконец станет нормальным человеком, видимо, радоваться тоже слишком рано. С возвращением, мистер мудака, признаться, ты мне нравишься больше, чем обреченно печальный меланхолик. — Через двадцать миль заправка, — Николас указал на дорожный знак, предупреждающий о цивилизации, и спустил лошадей, резко сорвавшись с места.

***

После проспиртованного запахом виски салона, который не проветрился даже при приоткрытом окне, свежий воздух показался настоящим раем, и я глубоко вдохнула, выйдя из машины и с жалостью посмотрев на пустую бутылку, на самом дне, то есть боку которой переливалась янтарная жидкость. Мой подарок был безвозвратно испорчен, коврик намочен, зато я была полностью удовлетворена и довольна, прямо как сытая оргазмами кошка. Именно как ленивая и сытая всё теми же оргазмами кошка я следовала за Николасом, не отставая от него ни на шаг и глупо улыбаясь. Признаться честно, мне нравилось его общество, как и тот факт, что мы отлично смотрелись вместе, ну если не считать моего тухлого безвкусного платья, портящего всю картину.

Мне нравилась та уверенность, что сквозила в каждом движении мудака, начиная с его походки и заканчивая небрежным поворотом головы; мне нравилось его спокойствие и самоконтроль; мне нравилась даже его безэмоциональность и равнодушие ко всему и всем, словно его появление являлось одолжением для всех и всего; мне нравилась его грациозная сила и игра мышц, когда он открывал дверь и, о боги, пропускал меня вперед, хвастаясь передо мной ещё и своим благородством.

Это благородство закончилось довольно быстро, а именно в тот момент, когда он указал мне на самый дальний столик и кивком головы приказал следовать за ним. Что ж, очаровашка-Николас, слушаюсь и повинуюсь.

Я окинула помещение быстрым взглядом, но не нашла ничего интересного или запоминающегося — обычное кафе из тысяч обычных придорожных кафе. Пара-тройка посетителей, уткнувшихся в свои мысли, и молодая девушка за стойкой, при нашем появлении настороженно замершая. Она оттаяла только тогда, когда мистер сама привлекательность прошел мимо и, дождавшись, когда я сяду на диванчик, попросил у нее меню.

За несколько секунд оно оказалось в его руках, потом было передано мне, и Николас, севший напротив, начал терпеливо ждать, когда же я озвучу заказ.

Проклятая официантка стояла над душой.

Наименования блюд вызывали обильное слюнотечение, и я, сглотнув, подняла глаза на безмятежного и умиротворенного мудака.

Произнесенный мною выбор вызвал легкое недоумение на его лице, но зато довольную улыбку у девушки, которая едва успевала записывать. Я же чувствовала острый приступ голода, толкающий меня перечислить практически все блюда, имеющиеся в этом заведении.

После моей долгой тирады Николас произнес короткое "кофе" и со снисходительным удивлением, не говоря ни слова, наблюдал за тем, как наш стол постепенно наполнялся множеством тарелок со вкусно пахнущей едой, которую я собиралась уничтожить. Мне было плевать, что он обо мне подумает, потому что алкогольная диета последних дней порядком надоела, и я до ужаса хотела попробовать вкус нормальной пищи. В конце концов, я имела право разорить его на хороший обед, учитывая то, что всё это время он меня не кормил.

Ладно, стоит признать, что я неплохо оторвалась засчет алкоголя.

— Только не говори, что ты всё это съешь, — чашка горячего кофе опустилась на стол, едва найдя себе свободное место, и я согласно кивнула, пододвинув себе тарелку с сочным стейком. От него шел изумительный запах, зажаренная корочка ещё скворчала, и я не обращала внимания на Николаса, не спускавшего с меня испытующего взгляда. Что ж, если я и выглядела забавно, то это была лишь его вина. Девушки — тоже люди, так что, мистер сама привлекательность, стоило кормить меня почаще.

Впрочем, его интерес ко мне постепенно угас, и он отвернулся к окну, позволив мне насладиться отлично приготовленным мясом. Кофе мудака до сих пор стояло не тронутым, и за то время, которое я потратила на стейк и яичницу, совершенно остыло, потеряв свою терпкость.

Николас же был подозрительно задумчив, он едва заметно поджимал губы и хмурил брови, в такие моменты опуская отрешенный взгляд на свои пальцы, барабанившие по столешнице. Господи, на те самые пальцы, двое из которых побывали во мне.

Ммм... и это было чертовски охуенно. Так охуенно, что я была готова повторить это при первом же случае.

При воспоминании об этом я неловко поперхнулась, тем самым вырвав его из раздумий и попав под прицел иронично понимающего взгляда. Всего на секунду он прищурился, будто догадываясь о моих мыслях, а потом совершенно неожиданно брякнул:

— Дай угадаю, о чем ты думаешь. Об этом? — он показал мне два сложенных пальца, пару раз согнул и разогнул их, и я поперхнулась ещё больше, выпуская наружу только что выпитый мною сок, который совершенно омерзительно скользнул по подбородку.

Подставленная вовремя салфетка спасла мое положение, а Николас скрыл улыбку в кулаке, прижав его к губам и посмотрев на меня исподлобья.

— Ты неисправима, Лалит.

— Я в туалет. — Черт, это была всего лишь попытка спрятать свои алеющие от стыда щеки, которые продолжали алеть даже после прохладных ладоней, прижатых к ним в попытке остудить. Я смотрела на себя в зеркало — совершенно пристыженную, и то и дело подставляла руки под струю холодной воды, надеясь, что это поможет мне вернуть былую бледность, так легко сорванную Николасом. Впрочем, мне не пришлось долго ждать, потому что румянец исчез всего лишь за одно мгновение, жалкое-жалкое мгновение, которое превратилось для меня в вечность, пока я ошарашенно наблюдала за тем, как ко мне приближалась крупная фигура Тейта.

И тогда я даже не думала, откуда он взялся и что делает в женском туалете. Да как он вообще сюда попал, ведь в числе посетителей его не было. Правда, при всем при этом в памяти всплыл настороженный ступор официантки, замершей при нашем появлении.

Тейт был всё также отвратительно лощен, с блеклым взглядом и тонкими, почти бескровными губами, чуть скривившимися в подобии брезгливой ухмылки.

Я застыла, уставившись на него в отражение зеркала и окунувшись в гулкий стук своего сердца, бьющего по барабанным перепонкам и пожирающего другие звуки.

Вода с подбородка капала на вытянутые передо мной руки.

А Тейт остановился за моей спиной и склонил голову набок, наблюдая за моей реакцией, которая выражалась в безмолвно открывающемся рте и нервной дрожи, сковавшей холодные уже руки.

Я хотела толкнуть его, хотела бежать, хотела спрятаться, но не могла даже пошевелиться, тупо рассматривая его лицо в зеркале.

— Повернись, — он сказал это тихо, но строго, так, что я не мешкалась ни секунды, будто всякая задержка в исполнении его приказов могла стать фатальной для меня. Чертов урод был выше меня почти на голову, и первое, что я увидела, это его зажатая в воротничок рубашки шея, которая собралась складками, когда он наклонил голову и посмотрел на меня в упор. — Найти вас здесь — предсказуемо. Арендорованные машины никогда не заправляются под завязку.

Его голос был омерзительно хриплым, тяжелым, грудным, и я непроизвольно наклонилась чуть назад, чтобы быть от него как можно дальше, чтобы не чувствовать угрожающего давления и чтобы выстроить между нами воображаемую стену.

— Открой рот, — его блекло-голубые глаза смотрели на меня со всей серьезностью, а я начинала ощущать подступающую истерику от вида наконец замеченного мною пистолета в его руке. Наверное, мои мозги будут отлично смотреться на огромном зеркале, которое покроется кровавыми брызгами. И только представьте, как прославится это кафе, когда в заголовках газет появится статья о том, что в ходе бандитских разборок здесь была убита дочь Энтони Нери.

От гребанных фантазий о скорой смерти мне стало тяжело дышать, и я не могла оторвать взгляда от постепенно приближающегося к моему лицу пистолета с глушителем. Почти как у Николаса. Только сияющего и ослепительно блестящего, старательно натертого мистером тяжелая челюсть, который был до тошноты невозмутим.

— Ну же...

При этих словах я послушно открыла рот и зажмурилась, чувствуя касание холодной стали на своих губах.

Вниз по щекам скользнули слезы, и я истерично всхлипнула, когда он толкнул свой пистолет глубже.

Противный привкус масла осел на языке, полностью переиграв вкус апельсинового сока, выпитого мною недавно, а глушитель удобно устроился в моем рту, пока Тейт дышал на меня угрожающими словами:

— Только не делай глупостей, девочка, и я, вполне возможно, подарю тебе лишних двадцать минут. Сейчас мы выйдем отсюда как старые-добрые друзья. Не стоит привлекать к себе внимание, хорошо?

Блядь, я согласна на всё, только чтобы избавиться от пистолета, смотрящего в мою глотку.

— Кивни, если поняла меня. — Всё, что я смогла сделать, это моргнуть, таким образом отправив новую порцию слез, скопившихся в моих глазах и превративших лицо Тейта в уродливо размытую мазню. Его тонкие губы выстроились в ещё более тонкую линию, и пистолет медленно пополз назад, освобождая меня от своего общества. — Только тсс, — он приложил палец к своим губам и кивнул головой в сторону выхода. Я незамедлительно двинулась к нему, но тут же оказалась в цепкой хватке Тейта, взявшего меня за предплечье.

Николас сидел на месте и всё также изучал улицу.

Лишь когда я опустилась на диванчик, он повернул голову и наткнулся на присаживающегося рядом со мной Тейта.

Его кулаки угрожающе сжались, и на мгновение мне показалось, что он собирается кинуться на Тейта, который хладнокровно приставил демонстративно выуженный из кобуры пистолет к мои ребрам. Я с отчаянной надеждой посмотрела на официантку, находящуюся к нам ближе всех, но тут же разочарованно сникла, понимая, что на нас никто не обратил внимания.

Мы лишь одни из многих, затерянные в толпе проходящих здесь лиц и обреченные не остаться в памяти.

— Ты думал, что обыграешь меня, Николас?

Смотреть на мистера сама привлекательность было моим спасением, будто его невозмутимое спокойствие, в которое он окунулся, взяв себя в руки, передавалось и мне, что,

конечно, было самообманом, потому что я не отличалась ни смелостью, ни хладнокровием, ни достоинством, ведь иначе бы я не позволила себе раскиснуть под прицелом безжалостного пистолета.

И, если честно, пистолета Тейта я боялась больше, чем оружия Николаса, может, потому, что чувствовала, что мне не суждено было умереть от руки мудака.

— Ты убил Дейва, — Николас, расслабленно откинувшись на спинку диванчика, проигнорировал вопрос и мельком взглянул на меня.

По моим щекам вновь скользнули слезы.

И я напряглась, когда дуло ошутимее ткнулось в бок, а Тейт зашевелился, что-то доставая из кармана.

— А ты променял наше доверие на это... — он небрежно кинул на стол клочок черного кружева, напомнившее мне про нижнее белье, оставленное в квартире мудака, и внимательно следил за реакцией Николаса, который оставался всё таким же невозмутимым.

— Ты побывал в моем доме.

— Его больше нет.

— Что ж, я не собирался здесь надолго задерживаться, — лицо Николаса превратилось в непроницаемую маску, и только его пальцы вновь вернулись к своему занятию — барабанить по столешнице. И теперь я думала о них только как о пальцах, барабанивших по столешнице.

На самом деле я исправима, мистер сам привлекательность, стоит только припугнуть меня пистолетом.

— Могу сказать тебе одно, Тейт, я не снимал их, — Николас плавно приблизился к столу и уперся в него локтями, при этом подперев подбородок сцепленными в замок пальцами. Я смотрела на него, изумленно хлопая ресницами и совершенно не понимая его тактики. — Хочешь знать, что меня больше всего раздражает в таких, как ты? — он даже не стал дожидаться ответа и чуть приподнял брови, не обращая на меня никакого внимания. Он смотрел только на Тейта, разговаривал только с Тейтом, интересовался только им. Я чувствовала постепенно подступающее отчаяние и боялась дальнейшего разговора до дрожи в коленках, словно последующие его слова должны были сбросить меня в пропасть. — Вы настолько тупы, что кроме как четко исполнять приказы, ничего не умеете. У вас нет своих мозгов и не будет, потому что за вас думают другие — это беда всех военных. Меня попросили убить её, — на последнем слове он указал на меня взглядом, при этом довольно странно выразившись — "попросили", будто это и не было его основной работой, — чтобы запугать Нери, но вы не учли одного: если он потеряет единственное, что у него есть, то что удержит его от дачи показаний? Ведь он не из тех, кто боится смерти. Чего вы хотели добиться, Тейт?

— Все боятся смерти. Даже ты. Это было бы предупреждением... Он должен знать, что мы настроены серьезно.

— Глупости, это было бы началом войны, в которой вы бы по-любому проиграли, — Николас довольно резко перебил Тейта, который отыгрался на мне, ошутимо ткнув под ребра своим пистолетом, отчего я рефлекторно напряглась и закусила губу. — Ты же понимаешь, лишь обещания фэбээровцев скостить ему срок развязывают его язык. И если он не сможет отвертеться от обвинений, то вполне может смягчить себе наказание посредством сотрудничества. Несомненно, он дорожит своей свободой, но ещё больше он дорожит дочерью.

Мистер тяжелая челюсть молчал, а я не успевала обдумывать слова мудака, который только что открыл мне факты, о которых, как оказалось, знал, но не говорил мне.

На самом деле он знал намного больше, чем я предполагала.

На самом деле он скрывал от меня очень и очень многое.

На самом деле за три дня, проведенных с ним, я так и не смогла его раскусить.

Идиотка.

А всё также неспешно Николас продолжал:

— А теперь пораскинь мозгами, Тейт, как можно подобраться к объекту, когда он сотрудничает с FBI и наверняка находится под их пристальным вниманием? Ну?.. Какой толк от мертвой девчонки, смерть которой является довольно сомнительной угрозой? И какой толк от живой дочери, ищущей защиты у своего отца — отца, что не сможет ей в этом отказать? Отца, что пойдет на любые условия, только чтобы его дочь осталась целой и невредимой. Отца, который рискнет жизнью ради неё, — Николас вновь указал на меня, равнодушно скользнув взглядом по моему вытянувшемуся от постепенно приходящего понимания лицу.

Я чувствовала как едкое разочарование концентрируется где-то в груди, причиняя физическую боль и лишая меня любой веры. Совершенно. Передо мной сидел человек, который всё это время играл отличную роль и шел к своей, только своей цели, потому что был наемником, убийцей, бессердечным монстром. Потому что был настоящим мерзавцем, разыгравшим грандиозную комедию.

Браво, мистер сама привлекательность, ты отличный актер. Интересно, трахать меня тоже входило в твой сценарий?

— Впрочем, мне плевать. Теперь она — твоя проблема. Ты можешь убить её прямо здесь, выполнив приказ. А можешь достигнуть главной цели, навсегда заставив Нери замолчать. Так или иначе, я сделал всё, что было в моих силах, и был на полпути к Энтони. Но ты предпочел всё испортить.

— Я не верю тебе, — Тейт говорил тихо, вкрадчиво, продолжая тыкать в меня дулом и, по-видимому, не собираясь уступать. А мне было совершенно всё равно, я смотрела на Николаса безучастным взглядом и даже не вслушивалась в их разговор, действительно провалившись в пропасть.

Идеальных мерзавцев не бывает, а идеального в мудаке было слишком много.

— Это твое дело. Я не собираюсь перед тобой оправдываться.

Я взглянула на Николаса, на его двигающиеся губы, вкус которых я успела выучить, на глаза: холодные и наполненные безразличием, и не смогла удержаться:

— Ты лжешь, — пошел ты нахер, мистер дерьмо, я не собираюсь тонуть одна, и утащу за собой всех, тем более тебя. — Я пообещала тебе двести штук.

— Брось, Лалит, счета твоего отца арестованы, а на твоём осталось не более двадцати тысяч — это по моим последним сведениям. С них я бы поимел больше, — он показал на Тейта, который подозрительно сощурил глаза, молча прислушиваясь к нашей перепалке.

— Ублюдох.

— Прости, ничего личного. И на будущее: не будь такой доверчивой.

— Твою мать, я ненавижу тебя. Ненавижу, — я совершенно забыла о пистолете, прижавшемся к моему ребру, о Тейте, что не ожидал от меня такого выпада, о людях, которые с интересом посмотрели в нашу сторону. Я забыла обо всем, как можно резче рванув вперед и желая достигнуть мудака, чтобы расцарапать его бесстрастное лицо, чтобы

оживить его кровавыми царапинами. стакан с недопитым соком упал, глухо звякнув от соприкосновения со столом; чашка с кофе слегка покачнулась, словно раздумывая а не выплеснуть ли из себя всё содержимое; и только Николас невозмутимо подался назад, с легкостью уходя от моего гнева. — Гори в аду, чертов ублюдок.

Я беспомощно вернулась на место, спрятав взгляд на разлитой лужице сока и не желая больше никого видеть. Усталость и опустошенность нагрянули внезапно, пришибли меня к диванчику и связали руки, так что я вся сникла и уже с полным похуизмом слушала, как Николас желал Тейту удачи, как вставал с места и давал советы по поводу меня и Энтони. Последний из них я слышала словно сквозь слой ваты:

— Обязательно посади ее на переднее сиденье, будет весело.

Я натянуто улыбнулась, едва сдерживая слезы, и показала ему средний палец, при этом встретившись с ним глазами. Его взгляд был чарующе глубок, до дрожи проникновенен, лишен привычной ему холодности и слишком серьезен, пока он как бы между прочим говорил:

— А ты, Лалит, не забудь пристегнуться... — на этих словах он развернулся и спокойно пошел к выходу, в то время как я обреченно смотрела в его спину и молила Бога, чтобы он сдох. Сдох самой мучительной и страшной смертью.

И если я останусь жива, мистер мудака, обещаю, что я сделаю всё ради этого. Клянусь.

Ладно, хорошо, я не знала, действительно не знала, когда моя жизнь пришла к такому пиздецу. Хотя смутные подозрения толкали на одну очень умную мысль — с самого моего рождения, когда меня угораздило родиться в семье Нери, в глубоком-глубоком прошлом предки которой начали свою деятельность в Детройте. Кажется, сначала это был вполне законный бизнес по строительству недвижимости, раскупаемой прямо как горячие пирожки во время "золотого века"; затем мой предприимчивый прадед создал собственную империю по кораблестроению, добавив к заработанному на недвижимости капиталу ещё несколько десятков миллионов; не обошлось без участия в контрабанде алкоголя, а также махинаций с государственными заказами. В общем, отца можно было легко оправдать — хотя бы тем, что все это началось не с него, а с Майка Нери, фамилия которого была известна по всему северо-западу, а затем слава о ней перекечевала восточнее, на побережье озера Мичиган, когда уже мой дед вздумал переехать в город ветров, посчитав, что из увядающего Детройта выкачено практически все.

На тот момент он был одним из самых известных людей в криминальном мире, потому что безмерные аппетиты к деньгам требовали все более решительных действий: заработанные деньги помогали наладить нужные связи, громкое имя внушало доверие, а любовь к риску, которую я бы назвала бесстрашием, толкали деда на совершенно скользкий путь, могущий привести к вершине... ну или к полной заднице.

К полной заднице его решения не привели, если не считать того факта, что умер он точно не своей смертью, а мой отец в свои двадцать пять встал во главу империи, взвалив на свои плечи нехеровый груз ответственности.

К слову сказать, до этого момента у него неплохо получалось.

До этого момента на меня ни разу не покушались.

До этого момента я не была под прицелом пистолета, ну или была, но предпочитала обо этом не думать.

Теперь же, сидя в машине, мне приходилось молча наблюдать за стоящим на улице Тейтом, разговаривающим по телефону и изредка бросающим на меня безразличный взгляд. Если честно, мой взгляд был не менее безразличным, потому что я чувствовала себя совершенно опустошенной, уставшей, вывернутой наизнанку и выпотрошенной как безмозглая курица. Насчет курицы я могла поспорить, а вот насчет безмозглой аргументов не было, потому что будь у меня хоть капля мозгов, я бы не повелась на обман Николаса, так отвратительно и низко воспользовавшегося моей доверчивостью.

Блядь, как же я могла повестись. Как? Как? Как?

Дура.

Я разочарованно выдохнула и прижалась лбом к прохладному стеклу. Скопившаяся на нем пыль хоть на секунду отвлекла от грустных мыслей, а заодно убрала из моего кругозора мистера квадратную челюсть, который наверняка советовался со своим начальством по поводу меня. Отчего-то я была точно уверена, что смерть ждет меня лишь после указателя со словом "Детройт", потому что Тейт нашел в плане мудака свою прелесть.

Николас был как никогда прав — толку от моей смерти не было, а вот мои дикие вопли о помощи могли пригодиться, ведь папа не мог меня бросить, предать, отдать на растерзание своим врагам, даже несмотря на наши натянутые отношения, вернее полное их отсутствие

после смерти Эрика.

Дверца сбоку хлопнула совершенно неожиданно, и я вздрогнула, едва не проглотив собственное сердце от страха. Оборачиваться не хотелось, я знала что меня ждет — блеклые глаза Тейта и его тонкие губы, вытянутые в жесткую линию.

— Мне нужен адрес. Ты ехала к отцу, а значит, знаешь где он.

Его речь была омерзительно грудной и тяжелой, отчего по моей спине пустились мурашки, доводя меня чуть ли не до озноба. Сказать, что я его не боялась... блядь, я боялась его больше смерти, прекрасно понимая, что в руках таких людей она покажется избавлением, и всё же это не помешало мне огрызнуться:

— Ты все равно убьешь меня, есть ли смысл открывать карты.

— Есть, если ты не хочешь узнать другие мои методы.

Твою ж мать, моя интуиция оказалась права — смерть покажется мне избавлением, если он познакомит меня со своими методами. Его слова заставили меня посмотреть на него, пододвинуться поближе к дверце и сжаться в напряженный комок. Я ни секунды не сомневалась в том, что он умеет выбивать признания, и его не остановит даже тот факт, что перед ним сидит обыкновенная девчонка, только начавшая жить.

Хорошо, не только, но двадцать три тоже не возраст.

— Папа убьет всех вас, если со мной что-то случится.

— Вот как? И где же он сейчас? Почему не защитит свою девочку? Ну раз он такой крутой, — Тейт злорадно надо мной издевался, а я не знала, что ответить, потому что, как оказалось, ничего не знала о своем отце. Не знала, что он попал в какую-то передрагу, что ему светил срок, что он сотрудничал с FBI, что он прятался от хер знает кого и находился под прицелом хер знает кого, тем самым подставляя и меня. Только судя по всему, сейчас он находился в более выгодном положении, потому что не сидел в одной машине с человеком, готовым на всё ради своей цели. — Не стоит меня запугивать, Лалит, ты не в том положении. Говори адрес.

— Да пошел ты...

Когда-нибудь я научусь следить за своим языком, а пока запоздало поднимаю руку в попытке защитить себя от удара, тут же заставившего меня замолчать. Резкая боль, постепенно перешедшая в пульсацию, вынудила меня поморщиться, и я бесполезно попыталась сдержать слезы, предательски скользнувшие по скулам. Металлический вкус крови почувствовался на языке, и я тупо наблюдала за тем, как несколько капель падали на мою грудь, тут же впитываясь и оставляя на бардовом платье мокрые пятна.

В машине стояла оглушительная тишина, такая пугающая, такая неприятная, что шум проехавшей мимо нас машины показался мне спасением от нарастающей внутри паники, готовой вылиться в унижительные рыдания.

Распухающая губа немела, я проверяла целостность зубов, а мистер квадратная челюсть разминал шею, будто готовясь вступить в бой, в котором я уже заведомо проиграла.

Будь ты проклят, Николас, ну почему ты не убил меня сразу?

— Еще одна попытка, девочка, и, прежде чем сказать что-нибудь, хорошенько подумай, — Тейт взглянул на меня угрожающе, слегка склонив голову набок и крепко сжав кулак, костяшки которого покраснели от соприкосновения с моей челюстью. Я старалась тяжело дышать, все больше вжимаясь в дверцу и мечтая выбежать из машины, пусть даже если это будет последнее, что я смогу сделать, потому что в реакции Тейта я не сомневалась тоже.

— Я... я не знаю...

Второй удар был таким же неожиданным, таким же резким и таким же болезненным, только обрушившимся на мою скулу и заставившим меня стукнуться головой о стекло. Я беспомощно всхлипнула и прикрыла лицо ладонями, ожидая новых ударов, новой боли, нового унижения.

Тейт не заставил себя ждать.

Громкий щелчок затвора вынудил меня затихнуть и задержать дыхание. Я медленно-медленно убрала руки от лица и с ужасом уставилась на приближающийся к коленке пистолет, через секунду упершийся в нее своим холодным дулом.

Мистер квадратная челюсть был пугающе безэмоционален, будто каждый свой день он начинал не с горячих тостов и кофе, а с чьей-нибудь простреленной коленки, меня же начинало трясти и унять дрожь в ногах становилось крайне трудно.

— Считаю до трех, Лалит. Раз... два...

— Господи, я не знаю. Я не знаю, я не знаю. Прошу вас, я говорю правду, я не знаю, где он. Он договорился с Николасом о встрече в Belle Isle Park, где должен был убедиться в том, что со мной все в порядке, а я должна была позвонить ему по прибытию в Детройт и подтвердить встречу, — мой лепет был такой унижительный и жалкий, что я закрыла глаза, постепенно пропитываясь к себе отвращением. Все-таки мне стоило быть более сильной, более гордой, более достойной, хотя стоит признать, что правду я все же утаила.

Дуло до сих пор упиралось в мою ногу.

Тейт подозрительно молчал.

Я не дышала, ожидая выстрела и стараясь не думать о том, как это больно. Твою мать, я не могла об этом не думать, только об этом, об этом, об этом.

— Хорошо, тогда прокатимся.

Долбаный ублюдок давал мне шанс прожить еще чуть-чуть, как когда-то дал его Николас, с разницей лишь в том, что Тейт не лгал мне, не обещал помочь и не играл роль для того, чтобы добиться своего — он был тем, кем являлся на самом деле — не джентльменом, не энтузиастом-спасителем, не другом и не благородным рыцарем — просто человеком, выполняющим свою работу. Может поэтому, я ненавидела его чуть меньше, чем мистера мудака, навсегда исчезнувшего из моей жизни и оставившего после себя ядовитое послевкусие. Оно до сих чувствовалось в моем сердце отравляюще горькой обидой, и я никак не могла избавиться от мысли, что меня тупо поимели, причем в прямом смысле слова.

— Ненавижу... — я не надеялась, что Тейт услышит мой шепот, но он как назло уловил и даже "вежливо" поинтересовался:

— Кого?

— Что будет с этим ублюдком? — Как ни странно, но он сразу понял, о ком идет речь. Понял и озвучил то, о чем я так сильно мечтала.

— Мои ребята займутся им, не переживай.

Блядь, какой же ты заботливый, мистер квадратная челюсть, ты просто сделал мой день. Я даже смогла улыбнуться, едва-едва заметно, потому что каждое движение лицевыми мышцами отдавало болью в разбитой губе и припухшей скуле, да и шишка от удара головой о стекло давала о себе знать.

Я почувствовала дикую усталость, скорее от обреченности и разочарования, чем от физической боли.

Я отодвинулась как можно дальше от Тейта и спрятала сложенные ладони между колен.

Я устала в окно, прижавшись к нему лбом и наблюдая за мелькающими разделительными полосами, из-за скорости сливающимися в одну сплошную линию.

Я впервые так отчаянно желала тишины и покоя, которые помогли бы мне прийти в себя и собрать мысли, важной составляющей которых являлся Николас. Этот сукин сын ни в какую не желал оставлять меня в покое, и даже в полудреме, когда я позволила себе расслабиться, я вспоминала детали нашего знакомства: его холодный прехолодный взгляд, его гребаную человечность тем утром, его горячие губы и слова про ячейку в аэропорте Хартсфилд-Атланта; бутылку виски, которую он мне подарил, и Дейва, убитого ни за что. Я вспоминала прохладный салон темно-синего Aston Martin и его задумчивость в кафе, перед тем, как всё это произошло.

А главное, в моем мозгу настойчиво стучало его последнее предупреждение "не забудь пристегнуться...". С какой стати ему, везшему меня на убой, вдруг проявлять такую заботу?

Мое пробуждение было на редкость некомфортным и болезненным, когда я неловко дернулась и стукнулась лбом о дверцу. Шея безбожно затекла, и всё лицо вновь заболело, как только я открыла глаза и непонимающе нахмурилась.

Машина стояла на обочине, Тейта не было за рулем, и, судя по часам на консоли, я проспала чуть менее трех часов. Осторожное прикосновение к губе и новая порция боли, вынудившая меня зашипеть, а в ушах одна и та же фраза насчет ремня: "пристегнись, пристегнись, пристегнись...".

Черт, Николас, какого хуя тебе от меня надо?

— Если тебе нужно в туалет, советую воспользоваться моментом — следующая остановка через четыре часа, — Тейт открыл машину внезапно, так, что я чуть не вывалилась наружу, потеряв опору в виде дверцы. Именно это заставило меня сгруппироваться и без заминки выйти из машины, вернее выползти из нее при помощи вцепившегося в мое предплечье Тейта. — Давай, у нас нет времени.

А он не собирался со мной церемониться.

— Здесь нет туалета, — констатировала я, оглядевшись по сторонам скоростной трассы, по которой проносились машины. Мистер квадратная челюсть показал в сторону кустов, я же слегка замешкалась, но, заметив его непоколебимость, двинулась в указанную сторону. Шорох его шагов слышался за спиной, и я недоверчиво оглянулась, наткнувшись точно на такой же недоверчивый взгляд.

— Ты ведь не собираешься держать меня на мушке? — я попыталась придать голосу как можно больше иронии, но Тейту было не до нее и совершенно серьезно он ответил:

— Именно это я и собираюсь делать.

— Блядь, я не смогу делать это при тебе.

— Это не мои проблемы, — он был ещё более невозмутимым, чем Николас, и это навело меня на мысль, что они могли бы стать неплохой командой. Один бы из них разводил жертв, играя с ними, а другой пристреливал, заканчивая их мучения. Идеально.

Невозмутимый ублюдок остановился в шагах десяти от меня.

— Ладно, — я пожалала плечами, взяв в руки подол платья, и начала собирать его в гармошку, не отводя взгляда от Тейта и победно улыбнувшись, когда он сдался и отвернулся в другую сторону. Твою мать, значит, мистер само бесстыдство тоже имел свои рамки, а это было отличным шансом сдать чуть назад и рвануть в кусты, которые смогли бы скрыть меня от него. Мне нужно было только сделать несколько шагов. Один, второй, третий, бешено стучащее в груди сердце и нервное напряжение, обхватившее все тело.

Я не знала, на что я тогда надеялась, как не знала и то, что хруст проклятого сучка под ногой станет причиной моего провала. Я лишь молилась Богу, чтобы Тейт не услышал, не понял, не раскрыл мой идиотски глупый план, который так и остался идиотски глупым планом, потому что как только я рванула в сторону кустов, бесполезно надеясь на свою прыткость, он остановил меня...

...Одним выстрелом, похожим на резкий металлический щелчок, который сшиб меня с ног, при этом опалив бедро пламенем.

Запыленная трава смягчила падение.

Меня трясло так, что я не сразу смогла нащупать рану, кровь из которой тут же омыла пальцы. Кожу жгло, а я беспомощно лежала на земле, и совершенно не знала, что делать и сколько мне осталось жить. Блядь, наверное, это самый болезненный день в моей жизни, которая, по ходу, оборвется в кустах.

А ведь я могла умереть и более эпично, например, в разрушенных катакомбах, под прицелом красавца-убийцы, оказавшимся еще и подлецом.

Черт, не о нем я сейчас должна думать.

— Какая любовь к жизни... — Тейт подходил ко мне медленно, иронично цокая языком и презрительно наблюдая за моими попытками отползти от него. Получалось пиздец как плохо, потому что правая нога, рана на которой жгла все сильнее, отказывалась отталкиваться от земли. В конце концов, я оставила эту затею и расслабилась, убрав руку от бедра и мельком взглянув на кровавую полосу.

Она показалась мне простой царапиной, правда глубже и шире, словно я по-хорошему напоролась на толстую проволоку. Никаких дырок, торчащих костей и вывернутого мяса. Я непонимающе посмотрела на склонившего надо мной Тейта, направившего свой пистолет точно между моих глаз.

Если бы я могла здраво мыслить, я бы захлебнулась от страха, но вместо этого опять не смогла сдержаться и плюнула в него сарказмом:

— Ты промахнулся.

— Я никогда не промахиваюсь, Лалит.

Что ж, ублюдок-Тейт не хотел меня убивать, но и жалеть меня он тоже не собирался, поэтому, перед тем как отключиться от сильного удара по голове, я успела прошептать ему свое коронное "пошел ты", сопровождаемое оттопыренным средним пальцем.

***

Я приходила в сознание медленно-медленно, вновь проваливаясь в темноту и теряясь там, а потом открывала глаза и цеплялась за свет, боясь не вынырнуть совсем. Отчего-то мне казалось, что задержишься я там еще на немного, то уже не смогу вернуться, поэтому усердствовала все сильнее и, преодолевая дикую головную боль, наконец разлепила глаза.

Дорога передо мной плавно качалась в такт плавно едущей машине.

Настойчивый гул в ушах проглатывал все остальные звуки.

Голова болела так, будто я попала под поезд. Огромный товарный поезд, сбивший меня несколько раз.

Хотелось пить.

Сама я сидела на переднем сидении в не очень-то удобной позе — как была закинута Тейтом, отчего все тело безбожно затекло, а ноги неприятно щипало.

Безжалостный ублюдок сидел за рулем и посмотрел на меня лишь тогда, когда я попыталась устроиться поудобнее.

Боль в бедре, кровь на котором успела спечься уродливыми бурыми кляксами, была обжигающе невыносимой, впрочем, как и везде, где меня коснулась деятельность Тейта. Признаться честно, будь у меня возможность ему отомстить, я придумала бы самые изощренные пытки за каждое причиненное мне неудобство. Для начала я сломала бы ему все пальцы, затем зашила рот и выжгла на груди веселого роджера, парочка выстрелов по коленкам и удар битой по голове. И нет, боже упаси, я бы его ни за что не убила — он умер бы своей смертью, от разрыва сердца к примеру, потому что не смог бы выдержать всех тех истязаний, которые всплыли в моем мозгу.

— Скоро Детройт, так что не думай отключаться.

— Ох, какая забота, я безумно тебе признательна, — я слабо улыбнулась, судорожно думая, как мне теперь выкрутиться и что сказать отцу, когда Тейт заставит меня ему позвонить.

Черт, что мне вообще делать? Ведь я не могу привести убийцу к папе. Не могу, не хочу, не имею права. Я не должна подставлять его, желая спасти свою задницу.

В конце концов, я Лалит Нери, дочь Энтони Нери, который желал бы видеть меня сильной. Так ведь, папа?

— Я Нери... — сказала я, сначала тихо, просто произнесла одними губами, так, что Тейт даже не услышал. — Я Нери, — теперь уже громче, гордо вскинув подбородок и развернувшись к нему в полоборота. — Я Нери, Тейт, и ты не заставишь меня предать своего отца.

Я смотрела на него с вызовом, едва умиряя kloкочущий в сердце страх и готовясь к самому худшему.

Я смотрела так, словно это был мой последний бой.

Я наблюдала за тем, как его квадратные челюсти становились ещё более квадратными, а проявившиеся желваки окончательно портили картину.

Я мысленно прощалась с гулом в ушах, с разъедающей тело болью и чертовой жизнью, которая и так слишком часто выигрывала. Блядь, да меня можно назвать везунчиком, если учесть сколько всего произошло со мной за последние дни.

Начинался пригород Детройта, до города оставалось не более десяти миль, и машина постепенно сбавляла скорость, следуя стоящим на обочине ограничительным знакам. Надо же, какая законопослушность.

Тейт со злостью посмотрел на меня, и я не отводила от него упрямого взгляда, не позволяя ему взять верх. Да-да, ублюдок, ты можешь убить меня прямо здесь, но я ни за что не приведу тебя к отцу.

Время шло мучительно медленно, и я благодарилась судьбу за каждый миг. За каждый долбаный миг, начиная с первого вздоха и заканчивая вот этой зрительной дуэлью, когда мы смотрели друг другу в глаза и каждый из нас знал, что победивших не будет, как впрочем, и проигравших.

Машина ползла по дороге словно черепаха, наверняка потому, что вот сейчас, в эту самую секунду Тейт раздумывал, что же ему делать дальше: либо свернуть на обочину и пристрелить меня, либо реализовать все свои умения по выбиванию информации.

Я дернулась чуть вправо, вытягивая большую ногу, и отвлеклась от созерцания блеклых глаз, уставившись в боковое окно. И пока Тейт смотрел на меня, я с интересом наблюдала за огромным внедорожником, едущим по дороге, параллельной нашей и скорее всего проселочной, потому что следом за ним клубились облака пыли, постепенно

превращающиеся в пылевой туман. А самое интересное было то, что он не пытался обогнать нас, хоть мы и ехали достаточно медленно, а будто наоборот, подстраивался под нашу скорость и двигался с нами нос в нос.

— Что ж, раз ты Нери, то умрешь как Нери, — Тейт прибавил скорость, переключившись на дорогу, а я пропустила его слова мимо ушей, все больше хмурясь и ни хера не понимая, потому что черная громадина тоже прибавила скорость.

Наконец, она была замечена и Тейтом, подозрительно взглянувшем в ее сторону.

Он вновь переключил скорость, пытаясь оторваться, а тонированный внедорожник стал еще наглее, все быстрее сокращая расстояние между машинами.

Блядь, проселочная дорога выходила на главную, а какой-то отморозок не собирался тормозить.

Я инстинктивно вцепилась в ручку двери, краем глаза замечая некое беспокойство мистера квадратная челюсть, который то и дело смотрел в сторону и, кажется, думал о том же, чем и я.

— Что происходит, Тейт?

— Я не знаю.

— Это FBI? Или твои друзья? Кто это?

Проклятый ублюдок ничего не ответил, а лишь вжал педаль газа, надеясь оторваться от монстрообразного Chevrolet Tahoe.

Да ладно, на своем Форде?

— Пропусти его.

— Заткнись.

— Господи, пропусти, — дороги постепенно сливались, а я истошно кричала свое "пропусти", дрожащими руками натягивая ремень безопасности, которым не была пристегнута. — Пропусти, пропусти, пропусти...

Знаете, время не останавливается, и мир не замирает, и вселенная продолжает двигаться в заданном темпе, просто мы воспринимаем все по-другому. Это для нас время растягивается в бесконечную линию, превращая секунды в вечность. Это для нас включается замедленная съемка, позволяя нам по полной прочувствовать весь ужас происходящего. Это мы оказываемся в эпицентре черной дыры, пока все вокруг остается прежним.

Это мы медленно умираем.

Я умирала тоже, от ужаса, нахлынувшего на меня вместе с въехавшей в нас машиной. Прямо в бок. Прямо в Тейта, который скрючился под давлением массы напавшего на него металла и боковой подушки безопасности, вставшей между ними. Машину проволочило несколько ярдов, а я не могла трезво мыслить, вжавшись в щекой в сработавшую подушку и стараясь сложить размытые образы перед глазами хоть в какую-то понятную для меня картину.

Лишь скрежет металла и звук разбиваемого стекла, крошкой осыпающегося на асфальт, держали меня в реальности.

В груди гулко ухало, и я упорно смотрела в сторону Тейта, нелепо склонившегося на бок, словно сломавшаяся марионетка. Его голова была опущена вниз и из рассеченной брови капала кровь, скапливающаяся на панели между нами вязкой и насыщенно-красной лужицей. Меня начинало тошнить.

— Отвернись, Лалит.

Не может быть.

— Я сказал, отвернись, — голос Николаса раздался со стороны переднего левого колеса, и я устало подняла взгляд, наконец заметив его самого. Он держал в руке пистолет, направленный прямо в макушку Тейта, до сих пор не пришедшего в себя. Его пальцы на правой руке странно подрагивали, а сам он не шевелился, все продолжая заливать салон кровью.

— Не могу.

— Тогда закрой глаза.

Я уже слышала звук выстрела, мистер сама привлекательность, — это щелчок. Громкий металлический щелчок, который забирает жизнь.

Стреляй...

Удивительно, как много эмоций может испытать человек всего лишь за секунду, минуту, сколько событий может перенести за час, сколько жизней прожить за сутки. Удивительно, сколько раз за последние дни я была на грани, на воображаемой черте, переступив которую я бы уже перестала существовать. Удивительно, как я до сих пор держалась в реальности, четко чувствуя сильные руки Николаса, помогающего мне выйти из машины. Еще более удивительно, как я могла сопротивляться, до сих пор ощущая к нему едкую ненависть и обиду, которая заставляла меня упрямо отбрыкиваться от его хватки и при этом находить в себе силы стоять на трясущихся от пережитого шока ногах.

Я ни хрена ему не верила и, прислонившись спиной к машине, со злостью смотрела в его бледное, скорее даже посеревшее лицо с бисеринками пота на лбу и над верхней губой. Дышал он поверхностно и рвано и морщился при каждом моем движении, когда я отчаянно пыталась скинуть его руки с себя.

— Не трогай меня, сукин ты сын, отвали, — мне казалось, что я кричала оглушительно громко, тогда как на самом деле это был жалкий затравленный шепот, вырывающийся из скованной подступающими рыданиями груди. Они нарастали где-то внутри, постепенно поднимаясь к горлу и лишая меня возможности закатить скандал.

За спиной Николаса садилось солнце, и я старалась держаться в тени его фигуры, чтобы получше рассмотреть ненавидимое мною лицо, которое я бы не задумываясь расцарапала, будь у меня чуть больше сил.

А их, как назло, после этой короткой борьбы, совсем не осталось.

— У нас нет времени, Лалит... — мистер сама привлекательность проговорил это слишком сдавленным голосом, и я настороженно затихла, не понимая уставившись в его глаза. Время вокруг нас остановилось совершенно, и мы тупо смотрели друг на друга, пока я, сбросив с себя оцепенение, не нанесла очередной удар, попавший ему куда-то в район живота, отчего он болезненно зашипел и чуть ли не согнулся пополам. Его пальцы соскользнули с моих плеч, и я наконец обрела свободу, которая нахлынула как-то неожиданно резко и вынудила меня еще ближе прижаться к машине, в попытке найти в ней опору.

Господи, в той самой машине, внутри которой был остывающий труп Тейта, убитого смертоносным хлопком. Прямо в голову. В чертову макушку с зияющей в ней дырой. Осознание этого заставило меня в ужасе отшатнуться от поверженного форда и вновь попасть в хватку пришедшего в себя Николаса, который опасно взглянул по сторонам.

— Не трогай меня.

— Замолчи и садись в мою машину, — он цедил это сквозь зубы, все сильнее сжимая мои предплечья и как-то странно склоняясь ближе, словно ему было больно стоять, больно говорить, больно дышать.

Я забыла о своей ненависти, о Тейте с развороченной головой, о солнце, что продолжало садиться, окрашивая пространство вокруг в серые холодные тона, я хмурилась, разглядывая лицо мудака, спускаясь ниже, на его грудь, а затем на живот, где черная футболка как-то подозрительно странно прилипла к телу.

Моя ладонь, до этого ударившая его в живот, тоже попала в поле зрения, и я ошарашенно растопырила пальцы, смотря то на нее, то на его поднимающийся от неровного

дыхания живот.

Кровь на ней была свежей, и я прислушалась к своим ощущениям, стараясь выловить неполадки в теле, признаком которых она могла являться. Ничего нового — совершенно, только жгучая боль в ноге и ломота, к которой, впрочем, я уже успела привыкнуть.

Прилипающая к Николасу футболка была ответом на мои вопросы, но я отказывалась в это верить, крепко-крепко сжимая зубы и стараясь не расплакаться. Блядь, этого ведь не может быть.

Гудок клаксона и последующий звук тормозивших покрышек помогли мне вынырнуть из прострации, и я резко подняла голову, натываясь на сведенные в тонкую линию губы Николаса, который прикрыл глаза и, пошатнувшись, успел вытянуть руку, чтобы опереться о машину за моей спиной, тем самым оградив меня от веса своего тела. Я осторожно прикоснулась к его груди, невольно заставив его открыть глаза, и скользнула кончиками пальцев вниз, туда, где было это проклятое сырое пятно, при соприкосновении с которым мои пальцы окрасились в темно-красный.

Мой несдержанный вскрик отразился в его привычной улыбке, и он перехватил мою руку, точно так же, как и я, рассматривая мои окровавленные пальцы.

— Вот поэтому у нас мало времени, я прошу тебя: садись в машину.

Слезы скользнули вниз по щекам и солеными каплями остановились на дрожащих губах, пока я пыталась совладать с наступающей истерикой.

Молчи, молчи, молчи, больше ни слова, мистер сама привлекательность. Просто заткнись и не произноси себе приговор. Так не должно было случиться, хотя всего несколько минут назад я молила Бога, чтобы чертов предатель сдох самой мучительной в мире смертью. Теперь же, увидев его вполне реально подступающую гибель, я не хотела признавать действительность, и с легкостью отпустила злость, терзавшую меня всю дорогу.

— Тебе нужно в больницу, Николас.

— Просто сядь в эту долбанную тачку, — свои слова он сопровождал раздраженным ударом по машине, я и испуганно вздрогнула, проглотив ком слез и послушно кивнув. И пока к поверженному форду подходил какой-то мужчина, опасно заглядывая внутрь, мы огибали его с другой стороны и синхронно-медленно, чертыхаясь от боли, садились в черную махину, которая практически не пострадала, не считая сорванного от удара бампера, поврежденной радиаторной решетки и помятого капота. Все же в больших машинах есть свое преимущество, не правда ли, мистер квадратная челюсть?

Я как можно удобнее устроилась на сиденье, вытянув больную ногу и краем глаза наблюдая за Николасом, всего на несколько секунд устало откинувшись на спинку сиденья. Его пальцы крепко сжимали руль, а сухие обветренные губы были приоткрыты от тяжелого неровного дыхания, которое то и дело как-то странно срывалось, то зависая совсем, то опять пускаясь в галоп.

В боковое стекло с его стороны постучали, и возмущенный нашей наглостью свидетель вопросительно изогнул брови, показывая пальцем в сторону форда. Машины, проезжающие мимо, заинтересованно притормаживали, чтобы их хозяева могли по полной удовлетворить свое любопытство и насладиться разыгравшейся перед ними трагедией.

Николас в свойственной ему манере невозмутимости завел двигатель и, равнодушно посмотрев на жестикулирующего человека, нажал на педаль газа. Ему было поебать до возмущения законопослушника, махающего нам рукой и копошащегося в кармане в поисках телефона. Он одним уверенным движением вывернул руль и, набрав скорость, ринулся

вперед, навстречу Детройту, который встречал нас аккуратными типовыми домами, построенными после первой волны оттока населения в пригороды, где жилье было намного дешевле, чем в центре.

Я прислонилась лбом к прохладному стеклу, мечтая привести мысли в порядок и избавиться от постепенно въедающейся в меня безысходности — груза, что начинал ощущать давить на плечи от мысли о том, что Николас ранен, вполне возможно, что очень и очень серьезно.

— Мне жаль, Лалит, — его привычно тихий голос не сразу вывел меня из раздумий, и я непонимающе нахмурившись, посмотрела на него. Он показал взглядом на мою ногу, а потом завис им на моем лице, будто извиняясь за то, что со мной случилось.

— Ты оставил меня с ним.

— Знаю.

— Он мог убить меня.

— Мог.

— Твою мать, ты же обещал. Обещал, что поможешь мне, — я говорила это эмоционально тыкая в его сторону пальцем, не сдерживая слезы и не собираясь уступить. Блядь, я не отступлю, пока этот засранец не объяснит мне каждый свой поступок, начиная с той гневной вспышки в отеле и заканчивая этим непонятным для меня лицемерием. И что-то подсказывало мне, что он тоже не отступит, уйдет от ответов, так и не раскрыв истину.

— Я лишь воспользовался ситуацией. С ним у тебя было больше шансов доехать до Детройта. Как видишь, я оказался прав, — Николас слабо улыбнулся, наверняка имея в виду свою рану. — Дейви нас сдал, и я не обвиняю его, — словно предугадывая мой последующий вопрос, произнес он. — У каждого свой порог боли.

Я изумленно открыла рот, в полной степени осознавая смысл его слов.

— Боже мой, его пытали?

— Не исключено, — сдавленный стон Николаса резанул по ушам, и я с беспокойством взглянула на него. Казалось, он едва держался в сознании — уж слишком часто жмурился и сильно сжимал руль, отчего вены на его руках то и дело вздувались, говоря о его напряжении.

— Тебе нужно в больницу.

— Нет времени.

— Блядь, ты можешь умереть, Николас.

— Мы успеем. Окленд-авеню. Осталось немного, — его фразы были обрывочными, речь тихой-тихой, а решимость оставалась прежней, той самой, которой я восхищалась раньше и до сих пор продолжала восхищаться. Все-таки ты не такой уж и мудака, мистер сама привлекательность, потому что в итоге, несмотря на твой идиотский рискованный план, ты доставил меня до Детройта.

— Ты позволил мне усомниться в тебе.

— Так было нужно.

— Терять веру в людей так же страшно, как и последнюю надежду, Николас, — на этой фразе он перехватил мой печальный взгляд и несколько секунд не отводил глаз, мысленно со мной соглашаясь. Горечь ситуации зашкаливала, мы будто понимали друг друга без слов, и это была своего рода исповедь... прощание... конец нашей истории. Блядь, я не хотела об этом думать, не хотела омрачать предстоящую встречу с отцом унылыми мыслями о последнем свидании с мистером сама привлекательность. Ведь у нас все получилось, все

получилось, все получилось.

— Прости, твоя жизнь важнее боли от разочарований.

— И это говорит человек, который хотел меня убить, — я неловко улыбнулась, опустив взгляд на свои руки, все еще имеющие следы крови, и с нетерпением ждала ответа Николаса, мечтая услышать истинную причину такого поступка. Ведь просто из-за денег так не рискуют, не рискуют ведь, правда?

— Может, я до сих пор жалею, что не сделал это, — чертов засранец улыбался, сквозь боль и обреченность, сквозь трагизм реальности, сквозь грязь нашей жизни. А я отчего-то точно знала, что он ни о чем не жалел, как и я кстати. Не жалела о том, что он, будучи подстреленным, залез в мою машину, которую я, наверное, так больше и не увижу. О том, что он впустил меня в свою квартиру, а значит, и в свой жуткий смертельный мир, ставший, пусть и не надолго, моим миром. О том, что я познакомилась с его человечностью тем самым утром в разрушенных катакомбах, когда он выстрелил в воздух, потому что не смог выстрелить в меня. О том, что он подарил мне надежду, правда потом забрав, но в итоге вернув ее обратно — в мое потрепанное жуткими событиями сердце, вновь нашедшее в себе силы верить. И сейчас оно трепетало от волнения, потому что мы все ближе и ближе подбирались к месту, стараясь не нарушать правила дорожного движения и не привлекать к себе внимания — любая задержка могла стать фатальной.

Знакомое здание появилось на горизонте огромной темной громадиной с мертвыми и пустыми окнами. Все в стиле дотлевающего Детройта: обшарпанная штукатурка, кое-где разбитые стекла, изрисованные граффити стены. Пугающий провал высоких дверей, скрытых в арочном проходе, напротив которого мы остановились.

— Это здесь? — с тяжелой отдышкой произнес Николас и тут же затих, обессиленно опустив голову на скрещенные на руле руки. Я испуганно дернулась к нему, опасливо прикоснувшись к его подрагивающей спине, и до боли прикусила щеку с внутренней стороны, чтобы не удручать и без того дерьмовую ситуацию своими слезами.

Потому что обретая одно я теряла другое, теперь, после всего произошедшего со мной, ставшее для меня не менее важным.

— Здесь. Николас, нам нужно в больницу, ты слышишь меня? — я слегка сжала его плечо, и он чуть развернулся ко мне, задумчиво разглядывая меня, не может быть, смеющимся взглядом.

— Сначала я сдам тебя твоему папаше, иначе ты сядешь на мою шею окончательно.

Все это была ложь, потому что и я, и он знали — он не протянет так долго.

Николас не мог ждать, и, как назло, поблизости от нас не было ни одной машины, указывающей на то, что здесь кто-то был, кто-то ждал, кто-то мог нам помочь. Быть может, папа еще не приехал, быть может, где-то задержался, быть может, сейчас он был всего в квартале от нас — я действительно в это верила, полностью уверенная в том, что мой отец сделает все, чтобы выполнить свое обещание. И если он сказал, чтобы я приехала сюда, значит так нужно и никак иначе.

Потому что он Нери, как и я.

— Я помогу тебе, Николас, — я вышла из машины как можно быстрее и с осторожностью открыла дверцу, чтобы успеть подставить плечо моему недоубийце. Он, выдохнув сквозь сжатые зубы, одарил меня недовольным взглядом и все-таки справился сам, правда немного пошатнувшись и прижав ладонь к ране. Его пистолет занял законное место за поясом джинс, и Николас неуверенными шагами пошел к двери, в то время как я,

опасливо оглядываясь по сторонам, обняла себя за плечи и крепко зажмурилась.

Предательские слезы все-таки скользнули вниз, и я, пытаюсь скрыть следы своей слабости, стерла их внешней стороной ладони — единственным местом, не имеющим присохшую пленку крови. В конце концов, все не так уж и плохо, ведь я, несмотря на все перипетии судьбы, была жива.

— Ты идешь? — Николас остановился перед закрытыми на кодовый замок дверьми и встал ко мне вполоборота, я же попыталась улыбнуться, хотя в свете загорающихся фонарей, нарисовавших мою тень на стене здания, он вряд ли мог это заметить. Я сорвалась с места, в считанные секунды достигнув его, и, чтобы хоть как-то раскрасить наступившую тишину, начала болтать историю этого места, когда-то выкупленного моим отцом специально для матери и юридически принадлежащего ей. Комплекс зданий, состоящий из заброшенных уже складов, на которые у моей матери были грандиозные планы, с главным административным сооружением, куда мы сейчас заходили.

— Этот дом папа подарил маме, когда она вдруг вздумала заняться искусством. Знаешь, сначала она рисовала пейзажи, может потому, что портреты у нее получались не очень. И, если честно, пейзажи ее тоже не отличались мастерством. Я помню, как любила наблюдать за ней, сидя на стуле возле окна и не пропуская ни одного мазка. Потом ей все это надоело, как-то в один миг, наверняка из-за жуткой критики, которая обрушилась на ее выставку, запомнившуюся как самое провальное мероприятие года, — я рассказывала это, поднимаясь по лестнице и терпеливо ожидая Николаса, неспешно следовавшего за мной. Вокруг был полумрак — света, попадающего в высокие окна на лестничной площадке едва хватало, чтобы рассмотреть ступеньки, дабы не промахнуться мимо них и не покатиться вниз. Николас опирался о перила, то и дело сгибаясь от боли, преодолевая слабость и упрямо следуя за мной, чтобы до конца удостовериться в том, что даже в шаге от места назначения я не вляпаюсь ни в какое дерьмо. Чертов джентльмен и настоящий мужчина. — Ее депрессия длилась недолго, и уже через некоторое время она решила заняться лепкой, даже организовала что-то наподобие школы, куда пригласила мастеров-скульпторов. Кажется, половина комнат здесь до сих пор завалена незавершенными скульптурами и брошенными мольбертами. А один из складов почти перестроен в танцевальную студию, которая тоже продержалась недолго. Знаешь, такое ощущение, что к чему бы она не прикасалась, что бы она не начинала, ничто не жило дольше, чем ее вдохновение, которое слишком быстро угасало. Она обвиняла в этом Детройт. Говорила, что умирающий город не может возродить жизнь.

— И почему же она не уехала отсюда?

— В силу разных обстоятельств, одним из которых была странная привязанность моего отца к этому городу, хоть он и вырос в Чикаго. Он считал его своим истинным домом, где началась история нашей семьи. Странно, правда? Любить город, который живет последним дыханием. И да, в итоге она все равно отсюда свалила. Папа жил на два города, как и раньше, а мама последние шесть лет обосновалась в солнечной Австралии. Я даже не помню, когда мы с ней виделись в последний раз.

— Почему?

— Не знаю, может потому, что ни она, ни я не искали встреч друг с другом, а может потому, что я всегда считала себя хреновой дочерью, раз уж она уехала от нас. А потом пришла к выводу, что в этом была не только моя вина. Мы все виноваты... в какой-то степени. Просто это тяжело принять, а еще тяжелее сделать первый шаг. Так что...

Наверняка сейчас она даже не знает, какая херня тут творится.

— Считай, что ей повезло.

— Согласна, — наконец, мы достигли нужной двери, ведущей в ту самую студию, где я так любила наблюдать за мамой, и я растерянно остановилась, прислушиваясь к звукам вокруг. Шумное дыхание Николаса мешало в полной мере оценить ситуацию, и я не задумываясь потянулась к ручке двери, но мистер мудак остановил меня прикосновением своих холодных пальцев.

— Сначала я, и не вздумай включать свет.

Он был до предела осторожен, когда открывал дверь и тут же отклонялся в сторону, боясь какого-нибудь подвоха. Я стояла прижавшись спиной к стене и только лишь после его кивка зашла в комнату, мертвую и мрачную, давным давно заброшенную, в которой не было ни-ко-го. Ни опасности, ни отца, ни спасения. Только разный хлам в виде неиспользованных холстов, поломанных мольбертов, стульев, сложенных в один угол, заброшенных друг на друга столов и валявшихся на полу баночек с высохшими красками.

Последняя надежда превратилась в пыль, осевшую на мои плечи.

— Блядь, его здесь нет, — я не смогла сдержать ругательство, следуя за Николасом шаг в шаг и чувствуя, как на меня накатывает усталость. Знаете, наверное, с каждым такое бывает — когда ты слишком долго идешь до намеченной цели, когда почти видишь ее на горизонте, когда ощущаешь в себе волнение, этаким возрождающийся восторг оттого, что скоро, совсем скоро ты ее достигнешь, а потом, почти достигнув ее, скатываешься назад, понимая, что все это было лишь пустым обманом, иллюзией, твоей несбыточной мечтой.

Вот и я, наверное, просто устала, и именно из-за усталости моя уверенность насчет отца пошатнулась.

— Жаль, что я не отрезал тебе язык, — мистер мудак слегка споткнулся, и я успела пролезть под его руку, как и в первый день нашего знакомства предложив свою помощь, только на этот раз не под страхом смерти, а от чистого сердца. Он смог доковылять до стены и тут же обессиленно опустился на пол, вытянув ноги и прижавшись к ней спиной.

Его глаза были закрыты, а в попадающем в окно свете фонаря я могла рассмотреть как мелко трепещут его длинные ресницы, отбрасывающие тени на бледную кожу скул.

Ситуация становилась еще более херовой, и мне хотелось просто уснуть, а проснуться уже в своей кровати, где все это оказалось бы простым кошмаром.

Потому что реальность, если честно, меня конкретно заебала.

— А мне жаль, что у нас нет телефона, — я встала у окна, наконец перестав разглядывать Николаса и обняв себя за плечи. Здесь было не просто мрачно, но еще и подозрительно холодно, несмотря на вроде бы теплый вечер.

— У нас нет ничего, Лалит, кроме единственной пули в магазине, ах да, и еще... — Николас закопошился, в то время как я с пугающим безразличием провожала взглядом машину за машиной, которые проезжали мимо и не собирались останавливаться, пока... пока большой, просто огромный внедорожник наподобие нашего не подкрался к обочине и не притормозил около нашей машины.

Сердце забило в два раза чаще.

Я затаила дыхание, почти впечатавшись в стекло и умоляя всех святых, чтобы это был папа.

Мистер мудак неожиданно ожил и даже попытался встать, правда тут же осев обратно и издав грозное рычание.

Я все еще не могла поверить своим глазам и радовалась как дурочка, совершенно забыв об опасности.

Ведь об этом месте больше никто не знал.

Ведь нас никто не преследовал и не мог выследить.

Ведь это не ловушка... не ловушка, не ловушка...

Все четыре дверцы внедорожника открылись как по команде, и я привстала на носочки, сиюсь рассмотреть знакомое лицо или хотя бы фигуру.

Тихое отчаяние приходило по мере того, как я понимала, что среди этих людей моего отца нет.

Я разочарованно ухмыльнулась и сделала шаг назад, чтобы не видеть, как эти люди озирались вокруг и поднимали головы, рассматривая здание, в котором мы прятались. Мне вдруг стало совершенно похер, и я, скопировав позу Николаса, опустилась на пол, специально устремив взгляд в противоположную стену, чтобы он не смог увидеть выражение моего лица.

Но этот засранец был на редкость проницателен.

— Что-то случилось?

— Папа приехал.

— Не вижу радости.

— Ты умираешь... — наконец, я нашла в себе силы посмотреть на него и даже выдавить грустную улыбку, которая отразилась в его фирменной ухмылке, в слегка приподнятых уголках губ, в пристально смотрящих на меня глазах. Льдисто-серых, но теперь уже не холодных, не равнодушных, не чужих. — А ты так и не рассказал мне, кто они.

— Потери в нашей жизни неизбежны, Лалит. Ты привыкнешь. А насчет всего остального: помни код ячейки. Там ты найдешь ответы на все свои вопросы.

Где-то внизу гулко хлопнула дверь, пустив звуковую вибрацию по всему зданию.

Я сжала губы в тонкую линию, едва сдерживая слезы и наблюдая, как дыхание Николаса выравнивалось, а сам он переставал морщиться от боли и постепенно расслаблялся.

— Надеюсь, ты выкарабкаешься, — он судорожно сглотнул, протянув мне сжатую в кулак руку и разжав ее перед моей ладонью. — Это твое, присмотри за ней, — на его раскрытой ладони лежали ключи от темно-синего Aston Martin, который мне так понравился. Того самого Aston Martin, что мы оставили на парковке погибшего Дейва. Того самого Aston Martin, салон которого пропах парфюмом Николаса, умирающего рядом со мной.

Умирающего...

Блядь, только не прощайся со мной. Не сейчас, ведь мы, о мистер упрямый мудака, можем уйти вместе.

— Знаешь, что было самое трудное, Лалит? — с трудом произнес он, когда я сказала тихое "спасибо" и крепко-крепко сжала ключи в руке. Я помотала головой, лихорадочно вспоминая детали нашего приключения, а в его глазах появился игривый блеск. — Ехать с тобой в одной машине и знать, что на тебе нет белья.

И знаете, меня прорвало. Так, что я истерично хохотнула, одновременно всхлипнув и даже не успев ответить на его последнюю реплику, потому что после нее он закрыл глаза и, обессиленно прислонившись к стене, затих.

Ты не исправим, мистер сама привлекательность.

А за дверью уже слышались осторожные шаги людей, приближавшихся все ближе и

ближе и заставивших меня судорожно нащупать лежавший между нами скользкий от крови пистолет.

— Раз... два... три... — я с трудом дотянулась до руки Николаса и сжала его холодные липкие пальцы, наивно мечтая получить отклик. — Четыре... — пистолет ни в какую не желал смотреть на дверь, дрожа в такт моим всхлипам, и я плюнула на это дело, приставив дуло к основанию шеи, как раз под подбородком.

Оставалось найти смелость нажать на курок.

— Пять...

Дверь открылась внезапно, и по глазам резанул яркий луч фонарика.

— FBI. Не делайте резких движений и опустите пистолет.

— Получилось. У нас получилось, Ники, слышишь?..

Знаешь, Николас, с нашей последней встречи прошло почти полгода — полгода бесконечных допросов, шесть месяцев сомнений, лжи, ожиданий, недели бесполезных попыток вычеркнуть тебя из памяти, забыть, как я забывала многое, спрятаться, как я всегда пряталась, но, видимо, такие встречи не забываются, въедаются в сердце и продолжают жить в нем на продолжении всей жизни. Ты тоже будешь жить со мной до самой моей смерти, ну или старости, когда моя память померкнет, и я с трудом буду помнить даже собственное имя. Я обещаю хранить твой образ пока это в моих силах, как обещаю и то, что обязательно докопаюсь до истины и потоплю тех, кого ты потопить не успел.

Именно поэтому сейчас я находилась в помещении оживленного, гудящего словно улей аэропорта Хартсфилд-Атланта, напротив ячейки тридцать три, с легкостью набирая код, который ты сказал мне тем утром.

Девять-три-ноль-три-семь-ноль. Девять-три-ноль-три-семь-ноль. Щелчок замка и открытая дверца, впустившая меня в твой запретный смертельный мир.

Видишь? А я не так уж и безнадежна, потому что, несмотря ни на что, я в этом мире выжила.

Желтый, блядь, опять этот цвет, и толстый, словно раздутая грелка, конверт перекочевал в мои в руки, и я, слушая гулкие удары своего сердца, тупо уставилась на ящик пандоры, который, если честно, до жути боялась открывать, тем более, что данная информация предназначалась не мне, а, судя по адресату, некоему Нейлу Донелли — журналисту газеты New York Post. Край конверта не был заклеен и настойчиво призывал меня заглянуть в него, чтобы наконец коснуться фактов, которые ты так рьяно оберегал от моего любопытства. Прости, мистер упрямый мудака, но не ты ли говорил мне, что я все узнаю как только запомню код ячейки?

Я опасливо огляделась по сторонам, наталкиваясь на совершенно равнодушные лица, напряженные спины, безразличные взгляды, и, нервно сглотнув, запустила пальцы в конверт.

Первое, что я увидела, это знакомую желтую папку, точно такую же, которую видела в твоей квартире, и, только представь, мистер сама привлекательность, я все-таки не ошиблась — ты оказался самым настоящим греком. Николас Андаидис — уроженец Греции, тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения и, судя по всему, ты был далек от идеала, настолько далек, что я впервые поняла, с кем на самом деле имела дело.

Ты не был святым и, более того, действительно был убийцей, разыскиваемым Интерполом и каким-то образом обосновавшимся в Штатах. Список твоих преступлений, правда не доказанных, впечатлял, а еще вызывал некую потерянность, потому что ты не мог быть таким, потому что Николас, смотрящий на меня с фотокарточки, был другим Николасом — а не тем, которого знала я. Потому что мой Николас не был таким чудовищем, потому что мой Николас знал, что такое человечность. Потому что мой Николас пожертвовал своей жизнью ради меня.

— Это неправда. Не может быть, — я читала строчку за строчкой и, чувствуя предательское жжение в глазах, часто-часто хлопала ресницами. Мне хотелось закрыть папку и стереть себе память, оставить в ней только светлые и приятные моменты, а не бесконечные пункты повешенных на тебя заказных убийств.

Информация, прочитанная мною, окончательно выбила меня из колеи, а еще выжала

словно лимон, поэтому я не нашла ничего лучше, чем положить папку обратно и все-таки добраться до машины.

Бежевый салон Aston Martin встретил меня до боли знакомым ароматом, и я устало откинулась на спинку сиденья, желая избавиться от постепенно подкатывающего разочарования. Оно скапливалось где-то внутри, раздувалось, бурлило и, наконец, вылилось в слезы, которые я уже не могла сдерживать. В них было не только разочарование, но и горечь от потери, напряжение, накопленное за последние месяцы, переживания за отца и даже сожаление о том, что все могло бы быть совсем по-иному.

Ведь мы могли встретиться как обыкновенные люди, где-нибудь в баре или на кантри-фестивале. Что если бы ты любил кантри, Николас?

Мысль об этом заставила меня улыбнуться, потому что я с трудом представляла тебя в клетчатой рубашке, шляпе и ковбойских сапогах. Все же в моей памяти ты навсегда останешься в черной футболке и черных джинсах, которые отлично сидели на твоей подтянутой заднице.

До вылета оставалось три часа, и за это время мне нужно было успеть собраться, но первым делом, конечно, отправить конверт адресату. Я устало взглянула на раздутого желтого уродца, занявшего свое место на пассажирском сидении, и вновь взяла его в руки, чтобы снять бумажную ленту и запечатать.

От долбанного любопытства покалывало подушечки пальцев, и я нервно прикусила губу, чтобы опять не залезть внутрь и не нарваться на неприятные подробности твоей жизни. Не удивлюсь, что дальше последуют фотографии мертвых обезображенных тел, знаешь, как в фильмах, когда полиция фиксирует место происшествия.

А видеть мертвые тела совершенно не хотелось, как и не хотелось упустить шанс заглянуть дальше, чем желтая папка.

Я боролась с собой ровно тридцать секунд, а потом одним махом вывалила содержимое конверта себе на колени.

Папка, уже прочитанная мною, была отброшена, зато все остальное, в том числе еще одно досье на тебя, уставилось на меня печатными буквами, которые, по ходу чтения, начали сливаться в бесконечные ровные полосы. И здесь не было никакого Николаса Андайдиса, лишь Адам Миллер — сотрудник СІА, последним заданием которого было внедрение в тайную неправительственную организацию, состоявшую из отставных военных, решивших навести порядок в криминальном мире и взять над ним контроль.

По мере того, как я прочитывала страницу за страницей, вырезки из газет, а также твои отчеты я понимала, насколько сложным и запутанным было дело в моих руках, и, если честно, не знала, чему верить. Но вместе с тем была точно уверена, что ты разворошил осиное гнездо, которое покрывалось кем-то могущественным и влиятельным. Настолько влиятельным, что ты не мог довериться никому, даже директору СІА, с чьей легкой руки превратился в наемного убийцу с ужасающе криминальным прошлым. Отличная липовая история, позволившая тебе подобраться максимально близко и стать их наемником, убиравшим нежелательные элементы, представлявшие реальную опасность для организации.

Какая ирония, мой отец был одним из них... лишь потому, что имел неосторожность поставлять им оружие, и именно этот факт делал его ценным свидетелем в деле фэбээровцев, проблема которых состояла в том, что даже при всем своем желании они могли уничтожить лишь пешек, в то время как ты мог уничтожить короля.

Я ошарашенно смотрела на бумаги, испещренные твоими догадками, гипотезами,

фактами, и не могла поверить в то, что обычная человеческая жизнь в этой безжалостной игре ни во что не ставилась. Сколько людей могло быть убито, прежде чем ты смог бы найти компромат? Сколько "мусора" ты успел бы убрать только лишь для того, чтобы накопить доказательства? Сколько таких, как я, попало бы под колеса адской машины?

Ответ же мне, Николас... как далеко бы ты зашел, если бы не встретил меня, девчонку, из-за которой перевернул систему? Впрочем, моя значимость была спорным вопросом, судя по тому, что ты нарыл. И, думаю, именно ожидание удара в спину и предстоящая роль расходного материала заставили тебя собирать информацию в ячейку под номером тридцать три, а не в дело СИА.

Чертов хитрец, ты подстраховывался, чуя неладное и боясь, что это дело замнут. Вот только тебе это не помогло. Радовало одно — все, кто был в этом замешан, совсем скоро получают по заслугам, потому что информация, накопанная тобой, обретет зрителей, найдет слушателей, а не запылится в бесконечных коридорах архивов.

И все это благодаря тебе, мистер сама привлекательность. Как ни крути, а ты все равно вышел из этой истории героем качком, в одиночку справившимся со всем дерьмом, вставшим на твоём пути.

Я, тяжело выдохнув, взглянула на часы.

Время неумолимо поджимало.

До рейса в солнечную Австралию оставалось чуть больше двух часов.

Я скрупулезно собрала бумаги в аккуратную стопку, выровняла края и положила в конверт. Вывалившаяся на колени флэшка тоже заняла свое место, и самое интересное то, что мне уже было все равно, какие фамилии она озвучит при своем открытии, может потому, что личность моего недоубийцы наконец сбросила завесу тайны.

Но даже не надейся, мистер мудак, для меня ты навсегда останешься Николасом, не Адамом, не Миллером, а Николасом — человеком, который открыл мне глаза на многие вещи, человеком, благодаря которому я научилась ценить каждое мгновение, человеком, что стал связующим звеном в воссоединении нашей семьи и научил меня прощать, не убегать от проблем, а решать их, ведь каждый наш день может стать последним.

Тонкая бумажная лента серпантинном упала к моим ногам, липкий край намертво вцепился в тело раздутого конверта, а я с ностальгической грустью прикрыла глаза и глубоко вдохнула, вгоняя в легкие запах салона.

Я буду помнить тебя, Николас... Даже через тысячи миль, даже через года, даже на другом континенте.

Я буду помнить тебя...

Обещаю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net